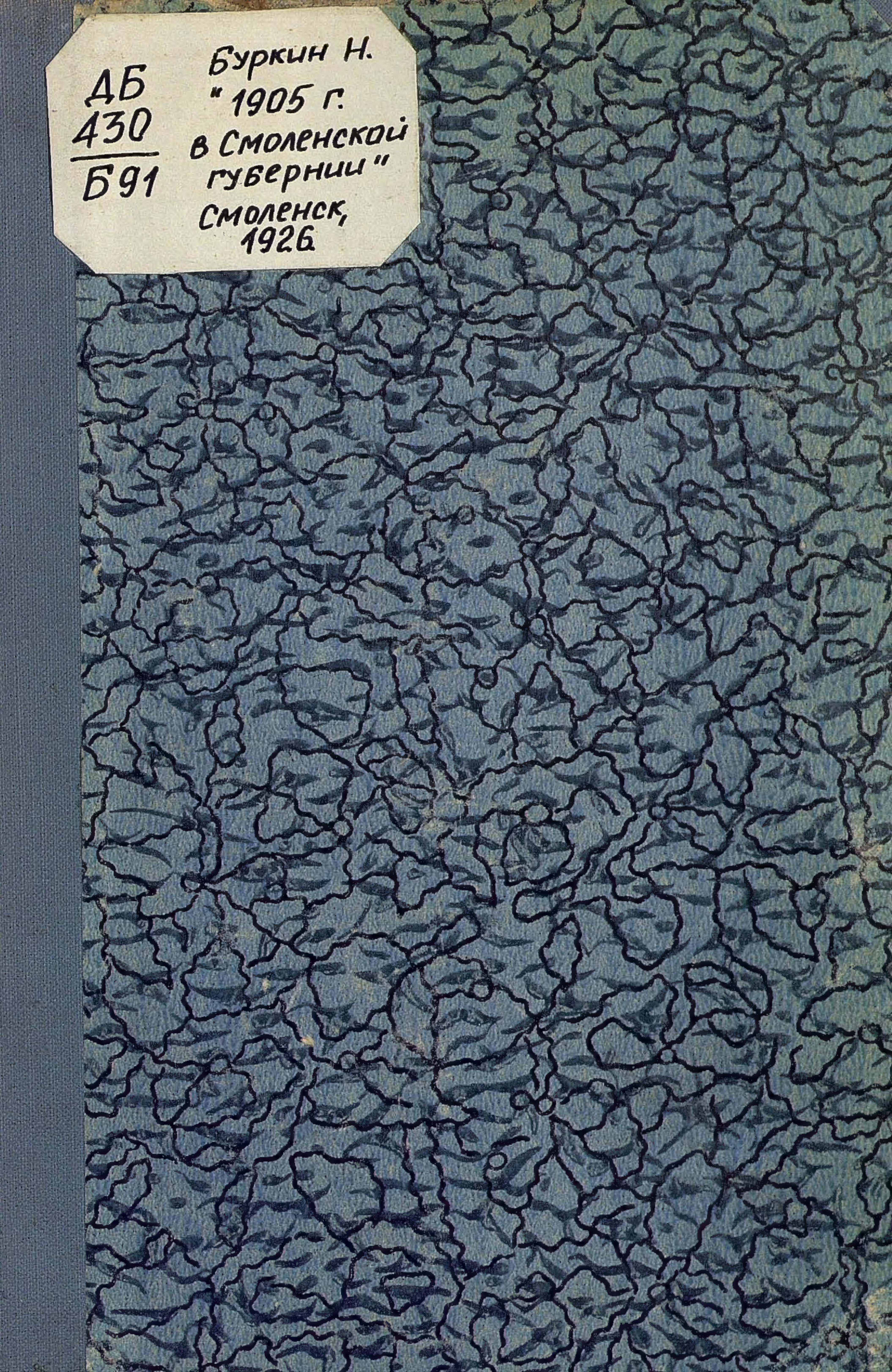
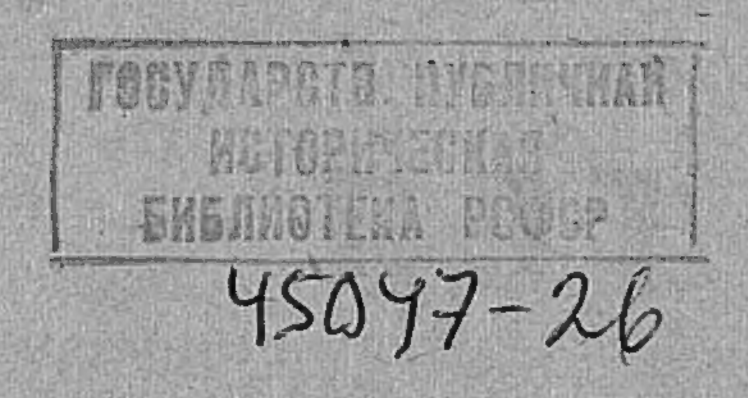

ДБ
430
Б91
Буркин Н.
"1905 г.
в Смоленской
губернии"
Смоленск,
1926

Истпарт Смоленского Губкома РКП. (б.).

Н. Буркин

1905 год в Смоленской губернии.

Издательство „Рабочий Путь“
СМОЛЕНСК, 1926 г.

Смоленск, тип. Военпромторгзапа. Заказ № 2393. Тираж 3000 экз. Гублит. № 245.

Предисловие.

В настоящем году исполняется двадцатилетие первой пролетарской революции—1905 года.

Рабочие и крестьяне всего Союза ССР празднуют этот юбилей и вспоминают события, подготовившие собою великую Октябрьскую Революцию.

Рабочие и крестьяне Смоленской губернии также внесли свою долю в общий взрыв возмущения против эксплоататоров-капиталистов и помещиков и участвовали в революционной борьбе.

Но сведений о ходе этой борьбы у нас, в губернии, о своеобразных, может быть, условиях ее до сих пор собрано не было.

Между тем, осветить ход революционных событий 1905 г. в губернии, воспроизвести их картину, в настоящее время необходимо. И это необходимо не только потому, что мы празднуем юбилей революции, но так-же и потому, что чем дальше от нас отодвигаются события, тем труднее их восстанавливать с необходимой ясностью. Освещение же событий 1905 г. вообще очень важно потому, что мы тем запечатлеваем наш революционный опыт, затем изучаем его, чтобы на основе прошлого легче следовать дальше.

Настоящий очерк революционных событий 1905 года в Смоленской губернии представляет первую попытку в этом отношении. Несомненно, что он не полон, в значительной степени схематичен, дает, главным образом, только ход событий, только фактический материал. Но чтобы сделать и это потребовалось много усилий и времени.

Разыскать материал событий 1905 года в Смоленской губернии оказалось нелегко. Во-первых, никаких печатных материалов по этому вопросу, за исключением некоторого количества прокламаций и убогой хроники,—не было. Во-вторых, архивов революционных организаций, конечно, никаких не сохранилось, а жандармские и полицейские архивы

до сего времени у нас не приведены еще в известность. Значительная масса их, при этом, погибла в 1917 году.

Есть еще один источник, это—живые свидетели—участники революции 1905 года. Но многие из них или отошли от общественной работы, или так рассеяны по всему Союзу ССР, что получить от них воспоминания не всегда удается.

Однако, для составления настоящего очерка пришлось пользоваться всеми тремя источниками—печатными материалами, документами жандармских архивов и воспоминаниями участников.

В результате мы имеем ряд свидетельств, освещающих отдельные факты из истории местного революционного движения 1905 г.

Насколько полно они охватывают весь революционный период—это другой вопрос, но, во всяком случае, и тот материал, который собран в настоящей работе, поможет рабочим и крестьянам нашей губернии, особенно молодежи, ознакомиться в кратких чертах с ходом местного революционного движения в 1905 г.

Н. Буркин.

Смоленск. Октябрь 1925 года.

I. Революционное движение до 1905 года.

Рабочие кружки.

Смоленская губерния представляет из себя по преимуществу крестьянскую губернию. Рабочего населения всегда здесь было немного. Рабочие были только в некоторых городах и то, главным образом, в мелких ремесленных мастерских; крупных промышленных предприятий не было. Только одно Ярцево, которое раньше было местечком, отличалось чисто рабочим населением Там была, как и теперь, одна из крупных в России прядильно-ткацких фабрик. В самом же Смоленске были только мелкие предприятия, как то: типографии, керамические заводы (по выделке кафельных печей и проч. изделий из глины), катушечная фабрика. Затем шли разные мастерские: швейные, сапожные, столярные и др.

Из уездных городов,—в Вязьме были спичечные фабрики и маслобойные заводы; в Рославле—железнодорожные мастерские; по губернии—винокуренные заводы, кирпичные, кожевенные и др. с очень небольшим числом рабочих. В Рославльском уезде были, кроме того, стекольные заводы небольших размеров. В остальном население было исключительно крестьянское.

Поэтому и революционное движение по губернии не развивалось так сильно и так быстро, как в других районах России. Революционной активностью против буржуазии отличается только рабочий класс и, притом, только там революционное движение разгорается сильнее, где имеются значительные рабочие массы, собранные в одном месте.

Однако, всюду, где имеются хотя-бы незначительные рабочие массы, там есть их эксплоатация; из гнета рабочих их хозяевами, из бесправного положения трудящихся вырастает их борьба против хозяев и против правительства эксплоататоров.

Так было и в Смоленской губернии. Рабочие как крупных предприятий, как Ярцевская фабрика, так и мелких

промышленных заведений и мастерских подвергались одинаковой эксплоатации. Часто даже в мелких мастерских положение рабочих было значительно хуже, чем на крупных предприятиях. Мелкие хозяйчики, давимые конкуренцией, старались выжимать все соки из рабочих. И рабочие это очень больно чувствовали и выливали свое недовольство существующим положением в разного рода протестах и в самоорганизации для борьбы с эксплоататорами. Основной формой борьбы рабочих с капиталистами были и в Смоленской губернии, как и всюду, стачки и забастовки. Они возникают очень рано; они существуют столько же времени, сколько существует рабочий класс Но формою организации рабочих для борьбы были первоначально кружки. Рабочие в своих кружках, подготовляя забастовки, вели просветительную работу, учились.

Рабочие кружки в Смоленске возникают тоже давно. Уже в 1898 году их насчитывается несколько. В этом же году происходит первая значительная в Смоленске забастовка в швейной мастерской Воложинского. Работницы этой мастерской требовали уменьшения рабочего дня до 12 часов в сутки и улучшения условий работы.

Эта забастовка портных тогда кончилась их победой; многие требования, в том числе и 12-часовой рабочий день, были удовлетворены, хотя некоторые из организаторов забастовки были арестованы [1]).

Забастовка портных у Воложинского отразилась и на кружковом движении. Рабочие еще больше стали интересоваться вопросами борьбы и входили для этого в социал-демократические кружки.

Кружками на первых порах руководили интеллигенты социал-демократы. В Смоленске первым кружком в 1898 году руководила студентка В. К. Герн, высланная из столиц за студенческие беспорядки. В 1899 году кружки организуются уже по отдельным мастерским; их насчитывается всего 8: у портных было 3 кружка, у заготовщиков 2, у кожевников, на заводе Певзнера 1 и т. д.

Почти все кружки этого времени организовались по инициативе отдельных социал-демократов. При этом, конеч-

---

[1]) По воспоминаниям Б. Гопенко и Гдалина—газета „Рабочий Путь“, Смоленск, 1923 г. № 56.

но, сохранялась строжайшая конспирация, отчего и способы организации кружков были самые разнообразные. Так, например, на керамическом заводе Будникова, как рассказывает в своих воспоминаниях тов. Зарубин [1]), кружок организовался из хора балалаечников. Один из студентов социал-демократов предложил рабочим организовать музыкальный кружок. Сначала руководил им один капельмейстер расквартированного в Смоленске полка. Затем руководить стал студент. Но это было только для прикрытия. Собирались играть, и на самом деле играли, а в промежутках между игрой заводились беседы.

Руководитель кружка все больше втягивал рабочих в разговоры на политические темы. Затем он стал приносить с собою нелегальные книжки, которые тут-же читались, а некоторые рабочие брали читать на дом. Таким образом, занимались сначала наиболее передовые рабочие, более сознательные, затем к ним присоединялись еще—и вся группа становилась подготовленной для того, чтобы уже основательно заниматься изучением социальных вопросов, вопросов революционной борьбы.

На других предприятиях кружки организовались приблизительно так-же. Время от времени собиралось и несколько кружков вместе. Это происходило обыкновенно в таких случаях, когда кто либо из социал-демократов делал специальный доклад по вопросам общественно-экономического характера.

Кружок собирался обыкновенно на квартире одного из своих членов, более надежного в том отношении, что он не выдаст кружка, нигде не проговорится о нем. Конечно, места собрания кружка менялись довольно часто или потому, что замечали слежку полиции, или потому, что опасались соседей по квартире, других лиц и т. д. Конспирация сохранялась строгая. На собрания кружка ходили по одиночке и, притом, малолюдными улицами и переулками; в помещении старались говорить тихо. Иногда, чтобы отвлечь внимание соседних квартирантов и квартиро-хозяек, члены кружка приносили с собою водку, пили „для отвода глаз“, угощали соседей. А однажды кружок керамического завода

[1]) Член РКП, работает у станка на местной катушечной фабрике.

собирался у зубного врача—социал-демократа под видом больных. Для этого члены кружка приходили с завязанными щеками. Фамилия руководителя кружка была неизвестна большинству членов.

Тов. Бродов, [1]) один из участников кружковой работы с 1902 года, рассказывает, что в то время была сильная тяга рабочих к самообразованию. Но средств для этого, конечно, у рабочих не было и способов получить какое-либо образование многие из них не знали. Этому часто помогала еврейская молодежь. Надо сказать, что в Смоленске было много еврейского ремесленного населения вообще. И интеллигентная еврейская мелкобуржуазная молодежь могла удовлетворять требования рабочих в самообразовании. К осени в Смоленск собиралось обыкновенно много молодежи для подготовки держать экзамены в различные учебные заведения экстерном. Материально эта молодежь была мало обеспечена, и потому она за низкую сравнительно плату соглашалась обучать рабочих. Часто среди таких учителей были социал-демократы, которые также, как в кружке на керамическом заводе, переводили разговор с общеобразовательных вопросов на политические.

„На одном из таких собраний,—рассказывает т. Бродов, —учитель (Китаин) спросил у меня, знаю ли я, что такое нелегальная литература. Когда я ответил, что не знаю, то он об'яснил, а затем дал книжку „Пауки и Мухи“ В. Либкнехта.

Несомненно, что и таким способом набирались члены в марксистские рабочие кружки. Но это был, конечно, только прием организации. Основа для организации кружков была в тех тяжелых условиях, в которых находились рабочие, в необходимости для них понять смысл противоречий между трудом и капиталом.

В члены кружка принимался, конечно, не каждый рабочий. Прежде всего, отдельные рабочие изучались руководителем. Затем, чтобы вступить в кружок, от рабочего требовалось поручительство трех уже известных руководителю

---

[1]) Рабочий социал-демократ с 1902 г., один из инициаторов ликвидации меньшевистской организации в Смоленске в 1923 г. Теперь в рядах РКП (б). Воспоминания его хранятся в Смоленском Истпарте.

членов кружка. Требовалась также и рекомендация их со стороны уже известных, испытанных товарищей [1]).

Это необходимо было тогда, чтобы в кружок не проник провокатор. В каждом кружке выбирался кружковой организатор—староста. Он должен был иметь связь с группой пропагандистов и, с другой стороны,—с рабочими данного предприятия.

В группе пропагандистов староста кружка получал организационные указания по вербовке новых членов; кроме того, на его обязанности было приобретать нелегальную литературу и хранить ее.

Для покупки же литературы, создания стачечного фонда, материальной поддержки нелегально живущих товарищей и т. д. в кружке устанавливались членские взносы в размере до 20 коп. с человека в неделю.

В 1899 году собрания кружков происходили в разных нелегальных квартирах: в доме Ланина (против городских часов), в доме Полетаева по Троицкому переулку, на Покровке, на Ново-Петроградской улице, в доме против маслобойного завода и т. д. Летом собрания происходили за городом, в многочисленных оврагах, на территории имения „Родионовка“ и в других местах.

Кружки занимались чтением нелегальной литературы и разбором вопросов, возникающих в связи с чтением.

Какие книги читали? Вот примерный перечень книг и брошюр, которые читались в этот период в смоленских социал-демократических кружках:

„Пауки и Мухи“, „4 брата“, „Спартак“, „Коммунистический манифест“, „Чем люди живы“ (Дикштейна), „О скудости и богатстве“ (Радищева), „История декабристов“, „Андрей Кожухов“ (Кравчинского) и др.

Понятно, что это только указание тех названий, которые встречаются в записках и воспоминаниях смоленских подпольщиков. Много читалось литературы по чисто экономическим вопросам. Так, например, тов. Зарубин устанавливает, что у них в кружке в 1901 году изучалась политическая экономия по книжке Богданова.

---

[1]) Воспоминания Гопенко и Гдалина. „Рабочий Путь“ 1923 г. № 56.

Кроме чтения книг и разбора их, иногда отдельными товарищами читались рефераты по вопросам политической экономии или политики. Делались также доклады руководителей кружков по вопросам партийного строительства (об организации социал-демократической партии).

По отзывам участников кружков с 1898 по 1901-2 г. работа в них проходила очень живо. Участниками задавалось много вопросов, велись оживленные прения. Партийные пропагандисты—интеллигенты в практической рабочей жизни обыкновенно не были достаточно осведомлены. А рабочие задавали им вопросы практического характера. На этой основе и завязывались часто прения. С 1899 по 1902 год встречаются следующие имена активных работников организации—организаторов и пропагандистов.

Кроме упомянутой выше В. К. Герн, из интеллигентов тогда работали: Будников, Гейн, Гопенко, Пилецкий, Дмитриев. Гейн было несколько братьев—Петр, Анатолий и Александр. Кроме того, некоторое участие принимал старший брат—железнодорожник. Жена Гейна Петра также была активной работницей организации.

Из рабочих известны по активной работе в кружках: Хайкин, Гольдин (рабочий-живописец), Гдалин (портной), Зарубин (печник), Оберман Лейба, „Лиза" (портниха), „Гриша" (Григорьев, печник), Есипов (заготовщик), Берестинский, (заготовщик).

От кружков к массовкам.

Переход от кружковой работы к массовой произошел не сразу и здесь нельзя провести резкой грани. Этот переход нельзя понимать так, что до такого-то года, например, работали одни только кружки и никаких массовых собраний рабочих не было. Точно также нельзя сказать, что с такого-то года, кружковая работа прекратилась и собирались только массовки, митинги и т. д. На самом деле было не так; мы видим, что в период зарождения в Смоленске рабочих кружков были и массовые движения, как забастовка в мастерской Воложинского. Были и другие массовые выступления. В то же время и в период развертывания у нас массовок продолжали собираться рабочие кружки.

И в 1905 г. в Смоленске и губернии работали, и усиленно работали, особенно в начале года, кружки. Но раз-

ница между периодом кружковой работы и массовой есть большая. Кружки закладывали первые кирпичики в здание революционной борьбы. Они собирали рабочие массы единицами и готовили из них первых вожаков, чтобы потом, в революцию, они стали вождями рабочих армий. В кружках только немногие еще рабочие воспринимали первую азбуку обществоведения.

Но кружковая работа, захватывая постепенно все больше рабочих, переживала в каждый момент состояние рабочего дела. Если где-нибудь происходили избиения рабочих, каждый рабочий кружок уже знал об этом в первую очередь. Вопросы текущей жизни рабочего класса не были чужды кружкам. Каждый рабочий уже начинал видеть воочию борьбу двух классов—капиталистов с рабочими, все усиливающееся беззастенчивое наступление капитала.

Поэтому самим ходом событий выдвигался перед рабочими вопрос не о том, как понять „хитрую механику“ эксплоатации человека человеком, а как-бы отразить наступление и самому перейти в атаку. Так ставился вопрос самой жизнью. Нужно было, наконец, как говорит Плеханов, чтобы не много мыслей сразу внушалось малому числу лиц, а одна мысль, главная в данное время—множеству людей. Иными словами, нужна была уже не пропаганда, а агитация. Нужна была широкая работа в рабочих массах.

Число кружков быстро увеличивалось. В 1899 году, как мы видим, в Смоленске уже насчитывалось, по показаниям участников, 8 кружков. В 1901 году они уже охватывают все более или менее значительные предприятия города. Они переносят свои собрания с Ново-Петроградской улицы на Покровку, с Покровки на Соборную гору, затем на Резницкую улицу и Солдатскую Слободу. Полиция ходит по следам рабочих, выслеживает, время от времени кое-кого захватывает „для отсидки“. Но работа марксистской пропаганды растет независимо от преследований; даже больше того: усиленная слежка шпиков толкает рабочих на более тщательную конспирацию.

С ростом кружков выдвигаются и вопросы согласования их работы, с каждым днем нарастают вопросы общие для всего рабочего движения. Требуется созыв более ши-

роких рабочих групп. Все это явилось причиной развертывания массовой работы.

В 1899 г. в Смоленске уже происходит первомайская массовка. Участник ее, Гдалин,[1] так описывает ее подготовку и проведение.

Сначала вопрос о массовке обсуждался на собрании группы старост и пропагандистов. На этом собрании было решено провести празднование первого мая всеми кружками Смоленска вместе. Чтобы легче избегнуть преследования полиции, массовка была назначена на первое мая по старому стилю. Местом массовки была выбрана котловина в лесу по Витебскому шоссе—в трех верстах от города. По шоссе были выставлены патрули, и всем рабочим, идущим на массовку, старостами был дан установленный пароль. Накануне на массовку были отправлены товарищи с провизией.

Всех собравшихся на массовку рабочих было до 200 человек. Говорились речи о значении первого мая, о революционной борьбе, информации о положении рабочего движения на Западе и у нас. После окончания массовки все с красным флагом и пением революционных песен двинулись по шоссе в город. За версту от города, у фабрики Решетникова, рабочие стали расходиться небольшими группами в разные стороны по домам. Арестов на этот раз не было.

В следующие годы также происходили первомайские массовки за городом, но подробностей о них мы в настоящее время не имеем. Конечно, кроме первомайских массовок, они происходили и по другим поводам и не только за городом, но также и в городе в больших квартирах, например в столярной мастерской Бродова (отца), у некоторых интеллигентов и т. д.

Одной из больших массовок до 1905 г. была в Смоленске опять первомайская в 1903 году. Это уже более многолюдная массовка—до 400 человек, и материалов о ней сохранилось значительно больше, чем о других. Больше сохранилось и живых ее участников, в том числе Бродов, Цейтлин[2]) и другие. Как воспоминания участников, так и жандармские документы дают подробную картину массовки и, в связи с этим,—богатый материал о жизни и работе

---

[1]) Первомайский № газеты „Рабочий Путь"—1923 г. Г. Смоленск.

[2]) Член РКП (б), теперь работает в редакции „Известий ЦИК СССР".

местной социал-демократической организации. Эта массовка была назначена также, исходя из „тактических соображений“, не на первое мая ни по новому, ни по старому стилю, а между этими числами — 26 апреля. Местом массовки была выбрана поляна в лесу за еврейским кладбищем. Это было в субботу.

Еврейские рабочие в этот день не работают, а русские —раньше кончают. Собраться решено было в 6 часов. К этому времени рабочие небольшими группами стали собираться в лесу. Из веток была устроена трибуна с водруженным на ней красным флагом. Когда собралось человек 350, открылся митинг. Говорили разные ораторы: о значении первого мая, о солидарности рабочих всех стран, о необходимости свержения самодержавия и проч. Массовка затянулась до 12 час. ночи.

Затем отправились по домам. Шли в одиночку, маленькими и большими группами. Но на этот раз жандармы не дремали. Они вместе с полицией и нарядами солдат уже стерегли около города возвращавшихся рабочих и всех, шедших по этому направлению из лесу, арестовывали. В результате арестовано было всего 86 человек [1]).

Среди арестованных было много и старых партийных работников, как Бродов, Цейтлин, Берестинский, Гришин, затем Будников, Борисов и молодые рабочие, еще недостаточно сознательные для борьбы. Так, один из арестованных рабочих, Василий Софронов, которому в то время было еще только 17 лет, после ареста рассказывал в жандармском управлении обо всех подробностях массовки, обо всех участниках ее, кого он знал лично; рассказывал приметы тех лиц, кого не знал по фамилии. О работе партийной организации много рассказал другой из арестованных Иван Григорьевич Иванов [2]).

Из этих показаний, например, известно, что один из руководителей массовки Михаил Сонин, тогда прибывший в Смоленск из-за-границы, говорил много о революционном движении; советовал требовать от хозяев уменьшения рабо-

---

[1]) См. воспоминания Г. Цейтлина. Первомайский № газ. „Рабочий Путь“ Смоленск, 1923 г.

[2]) См. Дело губ. Жандарм Управл. „Об организации в Смоленске социал.-демократ. и соц.-революц. сообщества, предусм. 250 ст. уложен. о нак., за 1903—4 г. т. I и II Смоленск“ Губархивбюро.

чего времени и увеличения заработной платы. После его речи митинг отвечал криками „долой самодержавие“.

Из показаний же Иванова мы узнаем, что такая же сходка была в первых числах апреля, которая происходила около имения Серебреникова. На этой массовке были не только социал-демократы, но также социалисты-революционеры, и у них происходил между собою спор по программным вопросам. На массовке 26 апреля также присутствовали эс-эры и некоторые из них пытались говорить и вносить свои резолюции. Среди арестованных после массовки были также социалисты-революционеры, например, Василий Леонов, у которого обнаружена была при обыске рукописная тетрадь, содержащая в себе текст речи, которая, вероятно, и была им произнесена. Начиналась она с указания на разногласия в среде революционных организаций, а затем указывала на факт такого разногласия, именно—на речь одного социал-демократа, произнесенную 20 апреля на сходке, в которой тот обвинял социалистов-революционеров в „лживости“ и т. п. Речь заканчивается предложением такой резолюции:

„Народное собрание 26 апреля постановляет: выразить свое негодование по поводу речи 20 апреля, направленной против организации С. Р.; поставить на вид оратору означенной сходки всю гнусность его выходки и присутствовавших интеллигентов с.-д. организации и те приемы пропаганды своих мнений, которые с их стороны были дозволены, а также выразить горячую признательность народа организации социал.-революцион., которая, борясь за освобождение отчизны, с самоотвержением мучеников отстаивает свои благородные убеждения, погибая в тюрьмах и ссылках“.

Неизвестно, была-ли принята эта резолюция массовкой, но один факт ее предложения указывает на наличие на сходке некоторого числа с.-р., а также и на то, что в Смоленске в то время шла борьба между этими двумя организациями.

Социал-демократы на этой массовке были организаторами и имели преобладающее влияние. Точно также описанная нами выше организация кружковой работы подтверждается показаниями арестованного Иванова, который подробно рассказал жандармам обо всем, что знал об организации кружков на Будниковском керамическом заводе.

Затем мы можем установить, что в 1903 г. в Смоленске уже активную роль играли товарищи, после II с'езда партии ставшие большевиками. К ним относятся: Сонин, Зарубин, Цейтлин, Берестинский[1]), Бродов, Новиков и другие.

Кроме того, о преобладающем влиянии социал-демократов говорит та литература, которая была обнаружена у арестованных. Она почти исключительно социал-демократическая (староискровская).

Таковы данные о некоторых моментах массовой работы в Смоленске, предшествовавших широкому революционному движению в 1905 году. Но массовая работа разворачивалась не только в Смоленске, а и в других пунктах губернии, где имелись для этого подходящие условия. Так, в Рославле, где были железно-дорожные мастерские, революционное движение уже в 1902 г. принимает массовые формы. В мае месяце, например, в городе произошла в этом году довольно большая для уездного города рабочая манифестация к тюрьме с требованием освобождения политических заключенных. Исправник и местные полицейские силы ничего не могли сделать с манифестантами, и пришлось потребовать солдат. Это было 11 мая[2]). А 12 мая движение повторилось уже в увеличенном размере. Толпа собралась до 500 человек. Исправник пробовал уговаривать, но не помогало. Тогда пришлось пойти на крайнее средство—пустить в ход кулаки и палки местных черносотенцев. Донесение тов. прокурора в Рославле прокурору окружного суда об этом[3]) говорит, что „часть толпы, пришедшая с демонстрантами, но, очевидно, им не сочувствовавшая, набросилась на демонстрантов и стала их бить“, но это, конечно, неправда. Участники этой манифестации, например, Тихон Иванов, в своих вспоминаниях[4]) говорит о целой организации черносотенцев, которые действовали совместно с полицейской властью. Требования рославльских рабочих об освобождении политических заключенных, конечно, не были удовлетворены, но полиции было причинено много хлопот таким буйным и настойчивым поведением рославльских рабочих.

---

[1]) В настоящее время он вне партии.

[2]) Числа всюду указаны по старому стилю.

[3]) См. Приложение № 6.

[4]) Хранятся в рукописи Смоленского Истпарта.

Арестованными же в то время были в Рославле: Гинзбург, Турчанино Сергей—впоследствии большевики—и Ривкин и Мерлин—эс-эры.

Таким образом, массовое рабочее движение все ширилось и иногда принимало острые формы.

Но здесь пока приходится говорить только о рабочем движении Крестьянство у нас в это время не поднималось на открытые выступления. Оно пока молча сносило гнет помещиков, и выступило только в 1905—6 годах, когда рабочие в городах подняли открыто знамя восстания. К 1905 году классовые противоречия уже настолько обострились, что взрыв был неизбежен. Об этом ясно говорит и то экономическое и правовое положение рабочих и крестьян, в котором они находились. Прежде, чем перейти к освещению этого, нужно изложить ход революционного движения до 1905 г. в основном рабочем центре Смоленской губернии— в Ярцеве.

Ярцево до 1905 года.

Если социал-демократические организации в Смоленске нарождаются только с 1898 года и рабочие губернского города начинают вести сознательную борьбу только с этого времени, в другом месте Смоленской губернии разгорается значительно раньше революционный очаг на прочной пролетарской основе. Таким очагом являлась Ярцевская прядильно-ткацкая фабрика Хлудова.

Ярцевская фабрика начала строиться в 1869 году и через 4 года она уже стала работать, беспощадно эксплоатируя местное население и пришлых рабочих из других городов—Москва, Калуга и пр. Они жили в громадном сыром корпусе, разделенном на каморки, в которых помещалось по несколько семейств. По показаниям старых рабочих, в каморке до 13 куб. саж. во время работ помещалось 17 чел., а в праздники или во время чистки машин—от 35 до 40 чел.

По данным санитарной комиссии Духовщинского земства, произведшей обследование труда рабочих в 1880 году, положение рабочих рисуется в следующем виде:

„Работа на фабрике протекает в крайне неблагоприятных условиях; работать приходится под действием удушливой жары до 28,2° R и переносить запах, распространяю-

щийся из дурно устроенных уборных. По заявлению фабричной администрации, уборные не перестраиваются потому, что с уничтожением миазмов, они могут превратиться в места отдохновения для рабочих и их придется выгонять оттуда силой".

„В мастерских постоянно носится большое количество хлопчато-бумажной пыли. Она покрывает машины, одежду, пол и открытые части тела рабочих. Много пыли уносится вентиляторами наружу; куски ваты кружатся в воздухе на подобие снега и оседают во дворе кругом корпуса".

„Работа идет днем и ночью; каждому рабочему приходится работать две смены в сутки, делая через шесть часов перерыв, так что ни один рабочий никогда не имеет возможности выспаться как следует".

Отчаянно эксплоатируется детский и женский труд. Около одной четверти всех рабочих составляют дети до 14 лет, а другую четверть—подростки до 16 лет. Заработок рабочего был низок. Здесь, несомненно, сказывалось влияние „освобождения" крестьян в 1861 г., отобрание от них помещиками так называемых „отрезков", обезземеление и массовый уход местных крестьян с земли.

По данным, например, 1895 года, взрослая работница зарабатывала в неделю от 3-х руб. 60 коп. до 1 руб. 08 коп.; женщина подросток—от 1 р. 92 к. до 1 р. 08 к. и девочка от 1 р. 33 к. до 1 р. 08 к.

При одних и тех же работах мужчина зарабатывал больше на 25—30%. Его недельный заработок колебался между 4 р. 50 к. и 1 р. 50 к., у мужчины подростка—между 2 р. 40 к. и 1 р. 35 к., у мальчика—между 1 р. 60 к. и 1 р. 08 к. [1]).

Положение рабочего ухудшалось широко практиковавшимися тогда штрафами, которые были так велики, что у некоторых рабочих доходили до 10 р. в месяц, т. е. до половины месячного заработка. Кроме того, фабрикант Хлудов часто практиковал понижение заработка.

Все это создавало глухое недовольство рабочих и поднимало их на революционные выступления.

Одним из первых таких выступлений и наиболее значительным, всколыхнувшим не только всю рабочую массу

[1]) Обследование санитарной комиссии губернского земства.

Ярцева, но и прогремевшим на всю Россию была стачка Ярцевских рабочих 1879 году.

Началась эта стачка по обычному в то время поводу. Пользуясь наплывом на фабрику дешевых крестьянских рук осенью, фабрикант об‘явил снижение расценка на 10%. Это было как раз на праздник „Рождества Богородицы“, 8 сентября по старому стилю. Когда рабочие узнали об‘явление об этом, то в механическом цехе остановили паровую машину. Ткачи и прядильщики сначала не знали, в чем дело и ожидали возобновления работы машины, но весть о сознательном приостановлении работы скоро стала известной, и все рабочие, к тому же уже достаточно осведомленные о понижении расценки и основательно продумавшие это,—прекратили работу. Фабрика стала. Пришедшая в это время (утром в понедельник) вторая смена не стала на работу.

Выдвигаются вожди из рабочих: Балакирев, Леонов, братья Галкины, Шестеркин, Чернок, Серпуховский и другие. Они занимают все выходы и снимают рабочих первой смены с работы. Директор фабрики, напуганный угрожающим настроением рабочих, скрывается.

Фабрикант В. А. Хлудов передает рабочим свое желание „выяснить с ними недоразумение“. Вся рабочая масса, до 3000 человек, направляются к дому фабриканта. Здесь начинается барское издевательство над рабочими. Пускаются в ход разные приемы. Во-первых, с балкона разбрасываются горстями конфекты. Но рабочие их не берут. Затем бросаются в толпу медные монеты, раскаленные на огне. Рабочие в ответ на эти издевательства отвечают градом камней, направленных в особняк Хлудова. Но Хлудов спокоен. Он поджидает наряд солдат из Смоленска и потому оттягивает время. Наконец, клика приспешников Хлудова прибегает к последнему средству:

— Вали „жидову“ бить! Стражники не будут мешать.

И часть толпы идет громить еврейскую синагогу.

На следующий день приехал губернатор, пробовал „увещевать“ рабочих, но на всевозможные посулы рабочие отвечали требованием отмены понижения расценка. К вечеру Хлудов на это согласился. Но уже ночью прибыли из Смоленска солдаты, заняли все выходы и начались аресты,

а затем и отмена об'явления хозяина о сохранении прежнего заработка.

Руководители стачки были отправлены в смоленскую и духовщинскую тюрьмы, большое число видных рабочих также было арестовано (до 70 человек) и посажено в тюрьму. Серпуховские и егорьевские ткачи были отправлены на родину по этапу. Всего, таким образом, было удалено с фабрики до 800 человек. Остальные стали на работу.

Так окончилась эта первая грандиозная стачка в единственном старом очаге революционного движения в Смоленской губернии.

После этой стачки стала развиваться и крепнуть местная социал-демократическая организация, которая, начиная с 90 годов, быстро растет.

Уже в 1901 году мы видим в Ярцеве организацию социал-демократов, которая собирает вокруг себя передовых рабочих: Петр Бессудов, Василий Лосев, Андрей Корпачев (впоследствии, в 1902 году—провокатор), Антон („Баран"), Сибикин и др. Организатором здесь выступает Николаев, по кличке „Григорий" или „Ланин", который имеет связь со Смоленской организацией РСДРП [1]). Из Смоленска часто приезжал в Ярцево также студент Александров, привозивший литературу; он был арестован по предательству Кирпичева в 1902 г. на жел.-дор. мосту во время передачи литературы. Одновременно с ним были арестованы и члены кружка, но скоро выпущены и отданы под надзор полиции.

Оправившись от этого удара, оставшиеся на месте члены соц.-дем. кружка, стали продолжать работу. Получали, попрежнему, из Смоленска прокламации и распространяли их среди рабочих, хотя условия работы ухудшились, особенно в связи с организацией на фабрике „Союза русского народа". В него входила администрация, мастера, многие подмастерья и браковщики. Но все же весь 1903 и 1904 год Петр Бессудов, Мазуров и Антон „Баран" вели деятельную работу.

---

[1]) Григорий „Ланин" был ткачем; уволен с фабрики „за грубость" с администрацией в 1895 году. Затем он уехал в Смоленск, вступил в социал-демократическую организацию. В 1901 г. приехал снова в Ярцево и организовал здесь первый социал-демократический кружок.

В 1904 году в Ярцево через одного железнодорожника доставлялась „Искра“. Читали ее обычно в лесу за фабрикой. На эти собрания сходились обыкновенно человек 20 молодых рабочих. Видными из них были: Иван Крутиков (прядильщик), Анисим и Иван Полячки (прядильщики), Андрей Собиченков (прядильщик), Иван Котов (ткач) и др. Между прочим, Анисим Полячек после революции был членом Екатеринбургского Совета. Предатель Кирпичев после революции вернулся на фабрику и умолял рабочих принять его в свою среду, но рабочие не приняли его прядильщиком, хотя оставили „присучальщиком“, но все время указывали ему на его предательство. Он умер в 1919 году.

II. Положение рабочих и крестьян.

Как жили рабочие.

Выше мы уже говорили, что основную массу нашей губернии составляло крестьянское население. Рабочих было мало. Только на Ярцевской бумаго-прядильной фабрике в 1905 году находилось около 7000 рабочих. Поэтому, чтобы судить о том, как жили рабочие в нашей губернии, нужно взять положение ярцевского рабочего. Это положение ничем по существу не отличалось от положения рабочих других крупных фабрик тогдашней России[1]).

Наем рабочих производился не на определенный срок; администрация могла уволить, когда ей вздумается. Работали 2 смены. Дневная смена—с 4 до 8½ час. утра. До часу работает другая смена, а с часу до 5½ вечера—первая смена. Таким образом, дневная смена работает 9 час.

Ночная смена работает с 5½ вечера до 10 ч. и с 8½ утра до 1 ч. дня,—тоже 9 часов. Дневная и ночная смены чередуются по неделям.

Заработная плата: ткачи и прядильщики (только сдельные) вырабатывают 16—17 руб. в месяц.

Рабочие на ватерах вырабатывают 7—8 р., банкоброшницы—7—12 р., моральщицы 5—7 р., сортировщики—поденно получают 40—45 коп. При этом, за прогул одного дня контора записывает рабочему штраф стоимости двух дней работы.

Наоборот,—мастера получали большое жалованье. Например, мастер прядильного цеха получал 200 руб. в месяц, конторщики от 25 р. до 70 руб. Разница такая понятна: мастера чаще всего были на стороне администрации фабрики против рабочих—им, как верным слугам капиталиста, не жалко было платить. Директор фабрики получал 12000 р. в год.

---

[1]) См. коррес. в № 97 газеты „Смоленский Вестник“ за 1906 г.

Рабочие в большинстве из местного крестьянского населения. Жилищное положение их было таково: на вольных квартирах жило только человек 500 рабочих из ближайших деревень, те, кому недалеко ходить домой. Остальные 6500 рабочих и работниц находились в фабричных казармах, которые поделены на каморки. Всего 20 казарм, в каждой по 32 комнаты—каморки. В каждой каморке жило человек по 6 и больше. Размер комнат 5 на 7 аршин, высота 5 аршин. В семейных комнатах размер еще меньше. В каждой комнате жило по 4 семейства. Обыкновенно во всех казармах спали и мужчины и женщины в одной комнате.

В казармах большая сырость. Много клопов, крыс, мышей, блох и пр. Винтеляций нет. Особенно много было в казармах всегда тараканов. Иногда рабочие устраивали целые забастовки из-за невозможности жить в тараканьем засильи Администрация иногда нанимала специальных „тараканщиков", иногда предлагала нанимать их на средства рабочих. Но все это ни к чему ни вело. „Тараканий вопрос" в Ярцеве был одним из острых вопросов.

При фабрике была фабричная лавка, но товаров в ней было мало и почти все недоброкачественные. Кроме того, стоимость продуктов в фабричной лавке значительно дороже, чем в других лавках местечка.

Была фабричная больница. В ней—1 врач, 1 врач—акушер, 2 фельдшерицы, 1 акушерка. Сильно распространены были социальные болезни: туберкулез, сифилис. Много и всяких других болезней. На каждый прием (а прием был 3 раза в день—утром и вечером) являлось до 400 человек.

Сильно распространена была также детская смертность: каждый день отправляли на кладбище 6—7 гробиков. Беременные женщины работали почти до самых родов, „сколько выдержат", а после родов получают 4 недели отпуска. При фабрике имелось 2 бани—одна для рабочих и другая для служащих, так называемая „дворянская". Рабочая баня в тоже время и прачешная.

Таково было положение рабочих на самом крупном предприятии Смоленской губернии. Что касается более мелких предприятий, то оно в них было не лучше, а иногда значительно хуже. На многих предприятиях, например, ра-

бочий день был значительно длиннее, чем в Ярцеве,—10—12 часов.

В самом Смоленске по статистическим данным за 1904 г. фабрик и заводов числилось—90, работало в них мастеров и рабочих—992. По мелким же ремесленным предприятиям картина получается совсем другая: „мастеровых" насчитывается—1376 [1]), рабочих—2290, учеников—1322, а всего—4988.

К числу 90 фабрик и заводов, конечно, относится много и мастерских. Только несколько предприятий имели более или менее значительные размеры, как катушечная фабрика, керамические заводы Будникова и Глембовецкого, швейные мастерские, пивоваренные заводы и типографии.

К указанному выше числу рабочего населения еще приходится прибавить судовых рабочих. Статистические данные за 1904 год дают, например, такие цифры. Мимо города прошло 37 судов и 1780 местных плотов; судорабочих было 2835. Но судовые рабочие, однако, не могли играть значительной роли в революционном движении, так как это, в большинстве крестьяне, ставшие на короткое время рабочими, притом разобщенные, не знающие большого коллектива и не живущие общественной жизнью. Да, к тому же, они мало связаны с городом—только время от времени соприкасались с ним; вся их работа проходит на реке.

Рабочее движение в Смоленске, несомненно, держалось рабочими более крупных предприятий и мастерских. Рабочие мастерских так же, если не больше, эксплоатировались, как и рабочие крупных предприятий, так как там эксплоатация была не видна никому, она была скрыта от постороннего глаза в недрах многочисленных подвалов—мастерских, куда не проникало внимание ни губернской, ни городской администрации, ни рабочих организаций. Здесь труд не был регламентирован, как на крупных предприятиях. Кроме того, мелкие хозяйчики, давимые конкуренцией, вынуждены были тянуться, чтобы не погибнуть и потому тянуть все жилы из своих рабочих.

---

[1]) Очевидно под „мастеровыми" подразумеваются самостоятельные „хозяйчики", кустари и ремесленники.

Здесь, кроме отвратительных гигиенических условий, которые в необорудованных на этот счет помещениях понятны,—и условия труда были особенно тяжелы. Уже из приведенных выше цифр удивляет большое, сравнительно, число „учеников“. На самом деле это использование детского труда и труда подростков, которое применялось в мастерских очень широко; „ученичества“, при этом, конечно, никакого не было. Обыкновенно брались мальчики и девочки в мастерскую, где они должны были бесплатно работать несколько лет (до 4-х лет). Хозяин, обыкновенно, только кормит подростка, а квартира у него должна быть своя. За эти бесплатные 4 года хозяева обязываются не лишать ученика или ученицу возможности в свободное от других работ время делать кое-что в мастерской. Это значит, что „ученик“ прослуживает у хозяина на кухне, ухаживает за хозяйскими детьми, бегает по разным поручениям а в „свободное время“ (которого, конечно, не бывает), ему не возбраняется делать кое-что и по мастерской, т. е. опять таки не учиться, а в швейной, например, развести утюг, что нибудь сметать, повыдергать нитки и т. п. В большинстве же это бывает очень редко и „ученики“ остаются прислугами у хозяев.

Положение же самих рабочих в мелких мастерских также куда хуже, чем в предприятиях.

Для примера берем требования рабочих булочных и бараночных заведений Смоленска, которые собрались 13 марта 1905 года и предложили своим хозяевам следующие требования:

1) Выдать расчетные книжки, где упомянуты наши требования.

2) Жалованье уплачивать по-полумесячно.

3) Хозяин обязан предупредить рабочего о расчете за две недели.

4) Свободный отдых от работы во все воскресенья и годовые праздники.

5) Улучшить пищу и помещения для рабочих.

6) Каждому рабочему выдать отдельную тарелку, а не кормить из общей миски.

7) Не высчитывать с рабочего за время говения.

8) Уничтожить в мастерских клозеты, где таковые имеются.

9) Увеличить жалованье на 10%.

10) Установить 10 часовой рабочий день.

Одного взгляда на эти требования достаточно, чтобы понять, в каких условиях приходилось работать. Во первых, рабочий день был не ниже 13—14 часов (а часто не ограниченный). Затем работали и все праздники, а у рабочих высчитывали даже за говение и т. д., не говоря уже о том, что в мастерских были и клозеты.

На катушечной же фабрике Гергарди рабочий день был 9 часов, на кафельном заводе Будникова—тоже. На лесопильном заводе Богданова продолжительность рабочего дня—13 часов: начинался он в 5 час. утра и кончался в 6 час. вечера; полагая ½ часа на завтрак и 1 час на обед, приходилось работать 11½ часов.

В общем, нужно признать, что ремесленные рабочие условиями своего труда были поставлены в такое положение, что революционное движение среди них не отставало от движения промышленных рабочих в Смоленске, и наряду с выступлениями будниковцев, печатников, деревообделочников („Катушки"), выступали также разрозненные массы рабочих из мелких мастерских.

Сельское хозяйство и положение крестьян.

Что касается положения крестьянства, то некоторый материал для суждения об этом мы можем получить из губернскаго отчета за 1905 год. [1]) Он дает представление об урожае, заработках населения и о его тяготах, несенных по отношению к государству.

Урожай по основным культурам—рожь и овес,—был низким. Хозяйственное положение крестьянства было шатким, не могло удовлетворить самых насущных потребностей.

Этим об'ясняется и отход крестьянства на отхожие промыслы. Это же определяло и низкую заработную плату как на сельско-хозяйственных работах, так и в других об, лостях.

---

[1]) См. „Обзор Смоленской губернии за 1905 г."—находится в Смоленском губернском архивном бюро.

Без отхожих промыслов население не могло обеспечить себя даже минимальными продовольственными средствами. Губернаторский отчет так говорит: „Даже удовлетворительный урожай не сможет вполне обеспечить население по причине малоземелья и недостаточной плодородности земли". К этому нужно еще прибавить ряд градобитий, пронесшихся в этом году по некоторым районам б. Краснинского, Рославльского, Сычевского и Юхновского уездов.

Между тем различные платежи, так называемые „подати и повинности" продолжали взиматься попрежнему и выжимали из крестьянина последние соки. Об этих поборах имеются такие сведения.

В 1905 году следовало к поступлению „податей и повинностей" по разряду „окладных сборов":

Недоимки за прежние годы . . .	78176 р. 61 к.
Оклада 1905 г.	1762618 р. 55 к.
Приписано в 1905 г.	1358 р. 31 к.
„ „ г. оклада . . .	2164 р. 70 к.
Итого .	1844318 р. 17 к.

По „выкупным платежам".

К 1905 г. оставалось недоимок .	51963 р. 43 к.
Оклад 1905 г. составлял	1174771 р. 73 к.
Взыскано недоимок	33712 р. 63 к.
Взыскано оклада	807708 р. 47 к.
Осталось не взысканных недоимок	15544 р. 77 к.
„ „ „ оклада .	365742 р. 85 к.
Всего .	2449443 р. 88 к.

Таким образом, наряду с маломощностью крестьянства, оклады были большие; они выколачивались с неослабной энергией и если недоимки накоплялись, то не на такую значительную сумму. Основная сумма налогов взыскивалась и вносилась в государственный бюджет.

Но, кроме всех этих причин, действовавших на упадок крестьянского хозяйства, была и еще одна причина в этом году, также „об'ективная". Этой причиной была революция.

Губернаторский отчет пишет: „Следует также принять во внимание, что происходящие осенью забастовки также отразились на материальном положении крестьян". В уез-

дах: Гжатском, Вяземском, Сычевском и отчасти Юхновском, ввиду близости столиц, часть населения находилась на отхожих промыслах в этих городах. И когда там начались забастовки, а затем знаменитые локауты фабрикантов,—работавшие на фабриках крестьяне этих уездов в значительной своей части стали возвращаться в деревни. Приходя сюда, они, естественно, ложились тяжелым бременем на плечи своих семей.

Особенно в этом отношении показателен Гжатский уезд, как ближе всех находящийся к Москве

Здесь дело дошло до того, что крестьяне „благодаря агитации" как выражается „обзор", потребовали на руки все общественные продовольственные запасы из так называемых „магозей" и Гжатский уездный земельный с'езд вынужден был выдать половину их.

Цены же на сел. хоз. продукты были таковы. Четверть ржи в 1905 г. стоила на рынке 7 р. 50 к. (в некоторых местах она доходила до 9 руб.) Четверть пшеницы—9 р. 10 коп.; овес—3 р. 65 к. до 4 р. 50 к.; пуд. сена стоил 25 к.—40 к.; соломы—15—25 к. Цены, как видно, незавидные. В то же время плата за работы в сельском хозяйстве давала немного.

Это создавало неизбежный отлив населения из деревни в город на временные заработки.

Кроме этого, крестьяне работали на лесозаготовках, по вывозу и сплаву леса, пилке и вывозке дров, на различных работах в городе.

Из некоторых уездов целые кадры крестьян уходили на разные работы, характерные для данного уезда. Так в Юхновском уезде было много землекопов („копачей"), в Дорогобужском—каменщиков и плотников.

Эти мастеровые брели часто далеко от дому, по другим губерниям целыми артелями. Кустарей в губернии было мало.

Таким образом, местное население свои насущные потребности удовлетворяло через сельско-хозяйственное производство, как мы видим, низкого качества и путем разных отхожих промыслов, которые шли по разным направлениям,

носили разнообразный характер и не вносили никакой цельности в экономическую жизнь населения.

В положении крестьянства приходится также отметить сохранившуюся еще от времени крепостного права полную кабальную зависимость крестьян от местных помещиков.

Для характеристики этого у нас имеется достаточно данных из материалов земской статистики 1904 года, обработанной по Дорогобужскому уезду [1]).

Этот уезд ничем не выделяется из ряда прочих уездов Смоленской губернии, так что его можно считать типичным и, пожалуй, не только для Смоленской губернии, но и для всей нечерноземной России

Что же мы имеем по этому уезду?

Всего земли „собственной“ у крестьян считалось 182.449 десятин, у помещиков арендовано было 52.443 десятины, т. е. 31%. При этом, аренды шли, главным образом, за счет пастбища:

Пашни — 4931 дес.
Сенокоса—14780 „
Пастбищ—36732 „

Иначе говоря, пастбища составляли 65% от всей суммы аренды. Но зато за пашню и сенокос крестьяне, конечно, платили больше, т. е. пашня шла по 9 руб., а сенокос по 6 руб. за десятину.

Поэтому в общей сумме арендной платы, плата за сенокос и пашню составляли 75%.

При этом широко практиковались отработки, которые составляли от всей арендной платы:

За пашню —31,9%.
„ сенокос —32,4%.
„ пастбища—70,0%.

Арендовали как пашню, так и сенокос, главным образом, целые крестьянские общины, которые, таким образом, целиком попадали в кабалу к помещику ввиде артельных отработков.

Так из всех 683 крестьянских общин по уезду арендовали пастбища 419, т. е. 61,46%. Остальные общины, если не

---

[1]) Обработал М. А. Давидович.

здоровья. Например, в холодной риге, где так легко простудиться, разгорячившись на работе и выйдя подышать на свежий воздух.

Жилищные условия быта сел.-хоз. рабочих также были ужасны: это так называемые „семейные“ с низкими потолками, вонючие, с прогнившим от сырости полом, с удушливым кухонным воздухом, где помещается до 10—12 рабочих, из которых половина семейных.

Таково было положение крестьян и рабочих в нашей губернии перед революцией 1905 года.

III. Рабочее движение в Смоленске.

Отклик на 9-ое января.

Кроме экономического и правового положения рабочего класса и крестьянства в направлении революции действовали и другие силы. Например, немаловажным толчком к революционному восстанию послужила русско-японская война. Она потребовала много средств и сил. Рабочие и крестьяне, когда шли на войну, то не знали зачем они идут, а когда стали возвращаться раненые и привозить вести об убитых, население все больше, острее стало проникаться недовольством к правительству.

Рабочие и крестьяне ясно увидели, что война им была не нужна. Нужна она была только крупной буржуазии, для захвата новых рынков, да правительству, чтобы отвлечь трудящихся от революции.

Это, несомненно, усугубило революционное настроение и не только рабочих и крестьян, но даже либеральной буржуазии.

Эта буржуазия сама стала до известной степени революционной, сама стала выставлять определенные требования правительству.

Непосредственным же сигналом к революционным действиям был расстрел рабочих в Питере 9-го января. Это событие всколыхнуло тогда весь рабочий класс России.

Смоленск также отозвался на событие 9-го января.

Весть о расстреле Питерских рабочих дошла в Смоленск через несколько дней. Когда подробности обращения рабочих к царю стали известны в Смоленске,—рассказаны приехавшими оттуда участниками, то местный с.-д. комитет решил провести городскую забастовку и манифистацию протеста по городу.

Решение комитета о проведении однодневной забастовки было сообщено кружкам и группам членов партии на пред-

приятиях; проведение забастовки было назначено на 17 января (по ст. стилю).

К этому времени были отпечатаны прокламации и подготовлены агитаторы. Перед началом забастовки, после решения комитета, был собран коллектив пропагандистов и агитаторов (все происходило в квартире столяра Бродова, на б. Казанской улице), где „Маня“ [1]) рассказала подробности событий 9 января в Питере. Затем назначен был порядок проведения забастовки и демонстрации.

Здесь же выступил с сообщением о Петербурских событиях т. Середа, [2]) тогда только что прибывший из Питера, и бывший очевидцем событий. Он выступил загримированным и возбудил тогда чревычайное любопытство у членов организации, не видевших его раньше, (он служил тогда в Смоленском Губ. Стат. Бюро).

План проведения забастовки был принят такой.

С утра 17-го января по всему городу расставляются „пикеты“ из рабочих, по 2—3 человека, на обязанности которых было—беречь и защищать „летучих“ агитаторов. „Летучие“ агитаторы, в сопровождении нескольких товарищей, врываются в мастерские, фабрики и заводы, произносят речи о январских событиях в Петербурге, призывая рабочих прекратить работу в знак протеста против расстрела.

Одновременно, по дороге они должны были на улицах устраивать „летучие“ собрания, информируя о событиях в Петербурге, а также призывая к борьбе и протесту.

С утра, 17 января, на предприятиях начались неожиданные для предпринимателей и значительной части рабочих митинги. Они произошли на заводе Будникова, в типографиях, мастерской еврейского благотворительного общества (швейной), в портняжной мастерской Воложинского, на „Катушке“ и в других местах.

Забастовка прошла, в общем, успешно. Рабочие живо откликнулись на призыв протеста против расстрела своих товарищей и сразу останавливали работы, выходили во двор, как это было, например, на заводе Будникова, здесь устраивали митинг, а затем расходились.

---

[1]) По показаниям участников—зубной врач Иоффе).

[2]) После революции—Нарком земледелия).

Точно также проходили успешно отдельные выступления на улицах, хотя здесь было трудней и потому они иногда кончались плачевно. Так, на базаре т. Цейтлина и „Николая“ порядком избили, и избитые агитаторы почти в бессознательном состоянии были доставлены в тюрьму.

Главным достижением этого выступления Смоленских рабочих было то, что все рабочие массы всколыхнулись и почувствовали свою силу. Они были этим первым выступлением уже значительно подготовлены к проведению более организованных и упорных октябрьских забастовок.

Смоленская жандармерия принимала „деятельное“ участие в подавлении забастовки 17 января. Вот что писал по этому поводу начальник Смоленского жандармского управления, генерал-майор Громыко, губернатору.

„Вчера в Смоленске прекратили работу типографии Подземского и „Днепровского Вестника“; в губернской типографии, в предупреждение насилий со стороны стачечников, работы были приостановлены по распоряжению администрации. Беспорядков в городе не было и требования стачечников лишь выразились в сокращении рабочего времени до 8 часов в сутки“.

„Сего числа работы возобновились, хотя подстрекательство усиленно продолжается, преимущественно еврейской молодежью, отмеченной в политической неблагонадежности. По указанию лиц, заинтересованных в поддержании порядка, пять человек мною задержаны в порядке уложения о государственной охране. Мною получены сведения о предстоящей сего числа сходке в Губернской Земской Управе служащих в разных отделах Губернского Земства для согласования о забастовке“.

„Имея сведения о главных вожаках движения и о денежных сборах для поддержания забастовки, я лишен возможности принять активное участие в предупреждении стачек, не находя на этот предмет законных оснований в уголовном уложении. Испрашиваю разрешения Департ. полиции, в предупреждение дальнейших подстрекательств со стороны главарей движения, возбуждать против них преследование в порядке положения о государственной охране“.

Из этого донесения можно сделать несколько выводов. Во-первых, что рабочие типографий бастовали все и нас-

только энергично проводили забастовку, что жандармерия боялась „насилий", и администрации губернской типографии пришлось самой заблаговременно прекратить работу. Во-вторых, рабочие выставили свое основное требование—сокращение рабочего дня до 8 часов, хотя сама забастовка носила характер протеста против расстрела товарищей в Питере. Значит, рабочие не ограничились одним протестом, а пошли дальше. В третьих, в начале 1905 года усиленно, действовали лица „заинтересованные в поддержании порядка" провокаторы, черносотенцы и т. под.; и, в четвертых, что движение охватило не только рабочих, но и чиновников, в частности,—Губернской Земской Управы, хотя они стали говорить о поддержании забастовки слишком поздно—когда она уже кончилась.

Что касается жандармерии, то она уже в этом „донесении, проявляет стремление обеспечить себя в дальнейшем полным правом на производство ареста не только в законном порядке, но и без всяких законов—по усмотрению местных жандармских заправил, иначе говоря—в порядке „положения о государственной охране",

После этого избиения Смоленских рабочих, местный губернатор выступил в газете и специальных листках с обращением к рабочим не повторять таких выступлений[1]. Он приглашает рабочих к благоразумию, „просит" их не покидать работ, а в заключение вспоминает, что всякого рода сходбища, собрания, остановки (даже остановки) и скопления публики на улицах, тротуарах, площадях и „прочих общественных местах" воспрещаются. Однако это обращение к благоразумию рабочих не помогло. Рабочие продолжали собираться, время от времени выступали с протестами против государственного произвола и буржуазной эксплоатации и слили свой революц. ручеек с могучей рекой первой в России рабочей революции.

До октябрьских забастовок.

После 17-го января рабочие Смоленска вплоть до октябрьских забастовок вели подготовку к общему выступлению; шла партийно-пропагандистская, агитационная и ор-

[1]) См. приложение № 7.

ганизационная работы. Продолжали работать кружки, устраивались митинги. На разных предприятиях время от времени рабочие останавливали работы и пред'являли хозяевам определенные требования. Так выше мы уже познакомились с требованиями булочников 13 марта. В дополнениях к этим требованиям об улучшении условий работы, рабочие заявили, что если требования не будут удовлетворены, то работы в булочных будут прекращены в ночь с 15 на 16 марта.

Кстати заметим, что на собрании булочников 13 марта присутствовали не только хозяева, но также и полицеймейстер, который предупреждал рабочих не касаться политики и не делать никаких угроз хозяевам, так как эти угрозы „не приводят к цели".

Но мы знаем затем, что эти требования со стороны хозяев не были исполнены и булочники кое-как пробились до июня месяца, а 21 июня все пекаря в городе забастовали. Город оказался без хлеба.

Забастовка продолжалась несколько дней и некоторые хозяева прибегали к помощи арестантов, которые пекли хлеб вместо рабочих. Так было, например, в булочной Ранфта 22 июня. Некоторые же пекаря, которые согласились работать, работали под полицейской охраной из боязни „снятия" их с работы забастовавшими товарищами.

9 апреля была проведена забастовка трамвайных служащих, которая продолжалась 3 дня и дала служащим удовлетворение их требований. Много шума разводили Смоленские приказчики, которые организовались раньше других в союз. Но толку от этого было мало; они не принимали участия в революционной борьбе рабочих, а занимались больше „сношениями" с разными государственными учреждениями по вопросам устава, сбором денег на постройку часовни в память отмены торговли по воскресеньям и праздничным дням. Эта часовня была действительно впоследствии выстроена и стоила она что-то около 25 тысяч рублей.

Так защищали свои права приказчики.

Защищали же свои права и земские служащие, которые, начиная со страхового отдела, выставили ряд требований экономического характера (увеличение жалованья) и которые в июне 1905 года на некоторое время прекратили даже работу. Но они также больше занимались обоснова-

нием своих требований, для чего создавали ряд комиссий и подкомиссий, вели длинные собрания с длиннейшими докладами.

Затем революционное движение нашло свой отклик и среди учащейся молодежи. В Смоленске были гимназии, реальное училище, духовная семинария и т. п. Вся эта молодежь под влиянием общего рабочего движения, зашевелилась. Начались частичные демонстрации, пение революционных песен и проч.

Так мы знаем, например, выступление молодежи 13 февраля в зале „благородного собрания" после спектакля.

Эта молодежь, когда публика начала расходиться с вечера, запела Марсельезу; остальная публика ее подхватила. В то же время, некоторые стали тут же, в зале и по коридорам, разбрасывать революционные прокламации. Пение продолжалось затем вплоть до поворота на другую улицу (с Пушкинской на Б. Благовещенскую, теперь Советскую), где публика разошлась в разные стороны.

Жандармы, конечно, сейчас же бросились на розыски поющих и бросающих прокламации, но в эту ночь никого не арестовали, только удалось выяснить некоторых участников „беспорядков", в том числе Исаака Хайкина (большевик).

Попутно с этим, нужно упомянуть и о другой подобного рода демонстрации,—именно 26 февраля, в театре Народного дома.

Смоленский полицийместер Ломаковский в своем донесении на другой день начальнику жандармского управления так описывает „беспорядки".

„25-го февраля в театре народного дома при начале 3 действия пьесы „Лес", из числа бывшей на балконе публики неизвестный человек стал громко произносить речь революционного содержания, но слова его были заглушены звуками музыки 2 пех. Софийского полка. Затем на балконе в верхнем ярусе лож и партере некоторые из публики начали петь революционную песню „Вперед, вперед рабочий народ". В это время со всех сторон были брошены прокламации, из коих подобрано 65 экземпляров всеобщего рабочего еврейского союза в Литве, Польше и России и 3 экземпляра Р. С. Д. Р. П.

Некоторые из бывшей публики несколько раз начинали произносить речи и петь, но были заглушаемы хором полковой музыки.

На призывы пристава 3 части, бывшего впереди полиции, публика не обращала внимания“.

Так описывает полицийместер. Конечно, немедленно были „приглашены“ находящиеся в наряде „чины“ 3 пех. Нарвского полка (под командой штабс-капитана Попова), которые и „навели порядок“.

Публика стала расходиться и пьеса „Лес“ так и осталась недоигранной.

Из прокламаций, которые разбрасывались в театре, одна была социал-демократическая. Она оканчивалась словами: „Да здравствует всенародное восстание!“. „Да здравствует революция!“.

Подпись Смоленского Комитета РСДРП, февраля 1905 года.

Другая бундовская, гектографированная, изданная Смоленской группой бундовцев, рассказывала о жертвах питерского расстрела и заканчивалась словами: „Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует социализм!“.

В мае месяце на местной катушечной фабрике Гергарди произошел взрыв котла, которым оказалось убито несколько рабочих. Это, в свою очередь, послужило мотивом для революционного выступления 22-го мая, во время похорон жертв этого взрыва, произошла рабочая манифестация. Громадная толпа рабочих провожала трупы своих товарищей до кладбища. На пути следования процессии произносились революционные речи. Этой демонстрацией руководили социал-демократы.

Следующим выступлением значительной массы Смоленских рабочих было—большая массовка на так называемой „Бабьей Горе“. Это место находится в нескольких верстах от города. Когда были об‘явлены выборы в первую Государственную Думу, местный Комитет РСДРП решил устроить рабочую массовку за городом, чтобы раз‘яснить суть Думы. Массовка была назначена на субботу вечером 6-го августа. К этому времени в город уже прибыли казаки. Не дремала и жандармерия. С утра на городскую каланчу

был поставлен сыщик, который наблюдал за окрестностями города в бинокль или подзорную трубу; ему видно было, как шли и где собирались группы рабочих. Тогда казаки были собраны во двор городского полицейского управления. Здесь их напоили водкой и пьяных, под командой полицейских и жандармов отправили на расправу с рабочими и работницами, спокойно обсуждавшими в это время законопроэкт о булыгинской Думе.

В три часа дня, когда собрание подходило к концу, вдруг среди деревьев и кустов замелькали казацкие пики, послышался конский топот и дикие, пьяные крики казаков.

Началась паника. Застигнутые врасплох рабочие и работницы бросились в разные стороны, но овраг, в котором происходила массовка, со всех сторон был уже окружен казаками. Началась безумная, дикая травля. Девушек истязали нагайками, им совали в руки бутылки с водкой, заставляли поить пьяных, озверевших казаков.

После долгих издевательств, окровавленные, с синяками, окруженные цепью казаков, свыше 80 человек рабочих и работниц было отправлено в тюрьму. Всего же присутствовало на этой массовке до 120 человек. При этом, массовка охранялась рабочими, которые по оврагу от места сбора и до Рославльского шоссе выставили патруль в виде „цепочки". Но предупредить своевременно собрание о приближающихся казаках они не могли, так как для этого нужно было перебегать, а это могли заметить казаки и сразу определить местонахождение собрания. Кроме того, повидимому, патрули не особенно удобно были расположены. Некоторые из рабочих, заметив казаков и сознавая, что „перебежкой" только хуже сделаешь, спрятались в посевы овса и там пролежали незамеченными до вечера, когда ловля рабочих и работниц уже закончилась и казаки с богатой добычей уехали. Многие Смоленские рабочие и работницы и теперь еще живо вспоминают эту массовку по следам тех истязаний, которые им пришлось испытать от казаков.

Такие массовки происходили в 1905 году еженедельно, причем, обыкновенно по праздничным дням; еврейские рабочие,—собирались по субботам, русские—по воскресеньям. Собрания происходили за еврейским кладбищем, на „Склян-

ной Горе", за „Серебрянкой" по Краснинскому шоссе, около имения „Александровское", за имением „Реадовка" и в других местах.

Вследствие того, что массовки происходили так часто, места их приходилось менять, чтобы не получилось „провала".

Но разгром массовки на „Бабьей Горе" не мог, конечно, задушить развивавшегося революционного движения. Рабочие продолжали собираться. Эти собрания происходили не только в нелегальных квартирах, но и в самом центре города, напротив полицейского управления, именно, в городском саду „Блонье".

Здесь летом уже происходили довольно частые манифестации, в большинстве „летучие", так как полиция тут была почти всегда наготове и быстро „накрывала".

Иногда, происходили избиения участников манифестаций и сходок, но иногда и полицейские „чины" попадали в оборот. Так, 9-го октября вечером произошел большой митинг ча „Блонье" напротив, памятника „Глинки". Стоял вопрос о Государственной Думе.

Некоторые ораторы высказывались за Думу, другие говорили о „несоответствии" ее и необходимости в первую очередь свергнуть самодержавие [1]). Конечно, здесь революционеры сталкивались с либералами. Здесь же разбрасывались прокламации. Когда явилась полиция, то по требованию ее разойтись, толпа не только не разошлась, но набросилась на городовых и стала избивать. Произошла настоящая свалка. Были потребованы на подмогу казаки и при их посредстве, конечно, митинг был разогнан. Но буйное настроение митинга оставалось до самого последнего времени. Даже сам полицийместер сообщает, что по городу в этот вечер пострадали не только городовые, но даже и их будки.

В это время началась общая забастовка железнодорожников. Стали бастовать и некоторые местные предприятия, причем многих пришлось снимать с работы. В воздухе пахло погромом и в самый день манифеста 17 октября пристав 2-ой части Соколов, собственноручно избивал евреев и

---

[1]) См. приложение № 8.

подталкивал других начать общие избиения. К счастью, только немногие пострадали.

Забастовки.

Во время первой железнодорожной забастовки, вначале октября (всеобщей), когда Смоленский узел остановился, прекратились работы местной электрической станции. Трамвайные рабочие также присоединились к всеобщей забастовке. Движение в городе и на узле прекратилось. Ночью город был погружен во мрак.

Торговля также остановилась, ибо бастовали приказчики. Многие торговцы заколотили даже досками окна и двери своих магазинов, повидимому, боясь погрома и, вообще, „на всякий случай“. Город представлял унылый, но насторожившийся вид. Во всем чувствовалась какая-то тревога, как перед большой грозой.

15-го октября забастовали рабочие типографий.

В городе были 3 типографии, одна казенная, так называемая губернская, затем типография Подземского и „Днепровского Вестника“—частные. Первыми прекратили работу рабочие частных предприятий. Они сумели сговориться и выступили дружно. С рабочими же губенской типографии сговориться было труднее, так как она, как казенная, усиленно охранялась полицией. Чтобы забастовка печатников, которых всего по трем типографиям можно было насчитать человек сто вместе, протекала совместно по всем предприятиям, рабочими частных предприятий была сделана попытка „снять“ рабочих губернской типографии. Один из участников забастовки так рассказывает про это выступление.

„Мы решили „снять“ рабочих губернской типографии, и небольшими группами стали собираться на Блонье.

Когда почти все забастовавшие, составив довольно значительную группу, сошлись на аллее, с Блонье, против типографии, со стороны театральной (ныне Карла Маркса) площади послышался конский топот, и мы увидели несущийся на нас отряд казаков.

Мы все бросились врассыпную: кто побежал вдаль по аллее, кто вглубь сада, а многие из нас перескочили чрез решетку на улицу.

Казаки разделились на две группы: одна из них вско-

чила на Блонье, а другая—понеслась по улице вдоль решетки сада. Меня лошадь сшибла с ног, и каждый проносившийся мимо меня и чрез меня казак „огревал“ нагайкой. Кто-то из рабочих типографии помог мне подняться и войти в губернскую типографию. Там меня раздели, так как я представлял собою сплошной ком грязи, обсушили мое платье у нефтяного двигателя, и часа через 2—3 я задворками добрался домой“.

На следующий день рабочие губернской типографии не вышли на работу. Забастовка печатников в общей сложности продолжалась несколько дней. Начиная с 15 октября, она продолжалась и в дни „манифеста“ и после. Приступили к работе только 22-го октября.

В ночь с 17-го на 18-го октября, когда в редакции „Днепровского Вестника“ получилась телеграмма—манифест, рабочие решили напечатать его отдельным оттиском; они заявили владельцу типографии, что вся выручка от продажи листков пойдет в фонд бастующих.

Хозяину, конечно, ничего не оставалось делать, как согласиться. Отпечатано к утру этого манифеста было много и рано утром 18-го октября он был уже пущен в продажу. Продано было за день листков несколько тысяч и сумма, вырученная от этого, была изрядная, так как некоторые платили за манифест дорого.

Затем, рабочие-печатники 18-го октября принимали участие в демонстрациях. Группами после митинга на Блонье ходили снимать чиновников казенных учреждений.

19-го числа рабочие пред‘явили владельцам ряд экономических требований, в том числе 8-ми часовый рабочий день. У рабочих „Днепровского Вестника“, между прочим, 8-ми часовый рабочий день был введен еще раньше, в июне—июле, явочным порядком. Но они добивались введения такого порядка во всех предприятиях.

В результате, к концу забастовки многие из требований были удовлетворены, хотя 8-ми часового рабочего дня в других типографиях добиться не удалось.

В день получения в Смоленске известия о „манифесте 17-го октября“, именно 18-го октября произошла забастовка многих местных предприятий, манифестации и митинги.

Забастовка эта не была ответом рабочих на „царские

милости“ выраженные в „манифесте“, а была подготовлена заранее и только случайно совпала с обнародованием манифеста.

Рабочие и учащаяся молодежь еще с утра стали стекаться на „Блонье“, где вскоре открылся митинг. Подходящие к саду группы рабочих приветствовали популярных в рабочей среде представителей местной партийной организации.

На митинге выступало несколько товарищей, членов РСДРП, которые, раз‘ясняя значение „манифеста“, однако, призывали не очень доверять ему, а пользуясь им, поскорее организоваться для дальнейшей борьбы. После митинга рабочие группами направись по предприятиям об‘являть о забастовке и проводить ее там.

Таким образом, большинство предприятий остановилось.

На ряду с этим, организовались и черносотенцы совместно с полицией. „Союз русского народа“ собрал торговцев, босяков и полицейских и организовал в Заднепровьи в районе базара, погром. Но на этот раз он больших размеров не принял, так как рабочие не были спровоцированы. Наоборот, энергично работала С.-Д. боевая дружина, которая, как только стало известно, что готовится в Заднепровьи погром, поспешила туда и, при самом возникновении погрома, он был остановлен.

В этот же день в здании дворянского собрания вечером (теперешний Губисполком) состоялся многолюдный митинг. На нем присутствовала самая разнообразная публика: рабочие, учащиеся, интеллигенция, крестьяне и пр. Были даже солдаты и офицеры. С большой речью на митинге тогда выступил Петр Григорьев, который говорил, что наконец-то получилась возможность рабочим собраться в этом роскошном доме, ярко освещенном электричеством, в котором собирались только дворяне, хотя вся эта роскошь создана руками рабочих. Затем он говорил о необходимости борьбы с самодержавием, о значении партии и т. п.

Затем, проходят частые митинги не только уже в оврагах и лесах за городом, но также, и главным образом, в городе. Интересно, как проходили они. Здание дворянского собрания захватывалось без всякого разрешения. Оно постепенно наполнялось разной публикой. Затем подходили

большие группы рабочих, быстро занимали помещение и митинг начинался кем-нибудь из социал-демократов. Полиция обыкновенно присутствовала, но активно не вмешивалась в ход митинга, хотя тщательно следила за ораторами и посетителями. Полиция и жандармерия, да и все начальство в это время было растеряно и не знало, что делать.

Вторым местом для митингов было здание Городской Управы (где теперь помещается Горсовет и ГУМХ), которое занималось также явочным порядком. При этом, митинги чаще всего охранялись рабочими, организованными в боевые дружины. Эти дружины были на предприятиях—на Буднинском заводе, на „Катушке“ и других местах. Организовались они по типу Московских. В них входили обыкновенно наиболее выдержанные и надежные товарищи из с.-д. кружков по предприятиям. Эти дружины или группы (они были маленькие) были вооружены револьверами разных систем. Средства на вооружение складывались путем сбора с членов с.-д. кружков по предприятиям. В каждой такой группе был свой начальник или староста. В разные места, например, на митинги, посылались дежурные отряды из нескольких человек (10—12). На случай погрома были предусмотрены особые приемы быстрого сбора дружинников.

Иногда были попытки и со стороны полиции организовать митинги, но они оканчивались для полиции неудачно: рабочие не приходили, а пришедшие быстро уходили.

Однажды полицеймейстер обратился к некоторым с.-д. даже председательствовать на митинге, организованном им в том же зале дворянского собрания. Они отказались. Пока ждали сбора публики, кто-то предложил поделиться мнениями: кто за царя и кто против царя. Послышались крики: „это провокация“. Публика заволновалась, кто-то выстрелил. Произошла паника, свалка. Собрание разбежалось.

Иногда проходили по городу демонстрации, направлявшиеся или на митинг, или возвращавшиеся с него. Местные с.-д. обыкновенно отказывались организовать демонстрации во избежание столкновений с полицией и враждебными контр-демонстрациями Такой архи „осторожностью“ отличались, конечно, меньшевики, но это ни к чему не приводило: манифестации возникали часто по инициативе самих рабочих.

В середине ноября произошла почтово-телеграфная забастовка, которая была, как мы знаем, всеобщей. Началась она в Смоленске 15-го ноября в 6 часов вечера по телеграмме открывшегося в этот день в Москве делегатского с‘езда почтово-телеграфного союза. Забастовка была ответом на распоряжение министра внутренних дел—Дурново об увольнении всех служащих, примкнувших к почтово-телеграфному союзу.

В конце октября в Смоленске организовалось отделение этого союза [1]). Во главе его стоял заведующий Смоленской Телеграфной Конторой М. Ф. Ярдинцев [2]) Он не примыкал ни к какой партии, но крепко ухватился за идею союза и остался верен ей, несмотря на все репрессии, обрушившиеся потом на него.

В програме союза, кроме вопросов экономического характера, было требование созыва Учредительного Собрания, а также фактическое осуществление свободы собраний, союзов, слова, печати, стачек и т. п.

Начальник конторы Стельмахович и Начальник Округа Кравчук упорно не хотели допустить вхождения служащих в этот союз. Были попытки даже принуждения служащих к отказу от вхождения; затем, 8 ноября, Стельмахович специально устроил собрание служащих, чтобы вынудить их отказ от союза.

Но служащие в ответ на такое требование своего начальства в постановлении своем, подписанном 140 человеками, предложили Стельмаховичу в 3-х дневный срок оставить контору.

В это время в Москве созывался с‘езд союза. От Смоленских почтовиков на него уехал председатель Смоленского отделения Роде-Червинский, при этом уехал тайно, так как Кравчук поездку не разрешил. Связь Роде-Червинского со Смоленском была установлена по аппарату через особый пароль, а переписка почтой—путем шифра. 15-го ноября днем было получено извещение быть готовым к забастовке в 6 час. вечера. Это распоряжение союза было передано во все пункты Смоленской губернии и об‘явлено по конторе. Ровно в 6 ч.

[1]) Собрание по этому поводу было 23-го октября 1905 года.

[2]) Сначала был Роде-Червинский.

вечера все аппараты остановились и служащие разошлись оставив для охраны имущества своего часового[1]), которого затем „сменили“ казаки, присланные позже в контору „для порядка“. Начальство старалось уговорами заставить почтово-телеграфных работников продолжать работу, но бесполезно.

Даже главный механик управления округа Путято пробовал вести переговоры с Москвой, но ему без пароля не отвечали.

Дежурные на телеграфе, однако, аккуратно являлись к аппаратам, но ничего не делали, а ждали только сигналов из Москвы. Велись споры и перебранки с начальством, с казаками. И только 20 числа служащие совсем покинули помещение телеграфа, однако, обязав начальство снимать, если потребуется, печати с аппаратов только в присутствии уполномоченных союза. Тогда двери помещения были опечатаны и вывешено на них об‘явление, что почта и телеграф временно закрыты.

Однако, это не помешало начальству вскоре открыть другую дверь, со двора на почте, и таким способом проникнуть на телеграф и там дать возможность работать „добровольцам“ и полиции, а также командированным лицам от разных государственных учреждений.

Но даже и это не помогло.

22-го ноября бастовавшие собрались перед зданием почты. К ним присоединилось много другой публики, которая потребовала прекратить работу всех „добровольцев“, иначе они будут удалены с почты силой. Это подействовало, и начальник округа вынужден был распустить работавших.

Так продолжалась эта забастовка еще несколько дней.

Смоленский делегат на всероссийский с‘езд почтово-телеграфных работников Роде-Червинский в это время в Москве был арестован. На его место председателем отделения союза был избран Ядринцев.

Он организовал тогда же сбор средств в пользу бастующих. Вопрос об этом даже поднимался в Городской Думе, но средств там не отпустили, хотя путем пожертвований было собрано до 3.000 рублей.

---

1) Почтальон Родченко.

Вскоре в Смоленск возвратилась с Дальнего Востока полевая почтово-телеграфная контора 13-го армейского корпуса.

Она приступила к работе на телеграфе. Это было уже 28-го ноября. Затем некоторые из местных служащих продолжали работать разными способами (под охраной казаков).

Все это вело к ликвидации забастовки. Однако, она все-таки продержалась до окончания ее во всероссийском масштабе.

Вслед за этим начались репрессии.

Ядринцева и 2-х других активных участников забастовки--Васильева и Сидорова судила Московская Судебная Палата. Суд приговорил их к аресту на несколько недель. [1])

Но по распоряжению министра Ядринцев подлежал высылке в Вологодскую губернию на 4 года и не был выслан лишь благодаря болезни.

27 ноября все участники забастовки были об‘явлены уволенными.

Кстати, местная буржуазия, главным образом, молодежь, отличалась также и здесь своей преданностью трещавшему по всем швам самодержавию. Во время почтово-телеграфной забастовки буржуазные сынки и дочери взялись было исполнять обязанность почтальонов. Правда, эта забава недолго продолжалась.

Очевидец [2]) так рассказывает об этом:

„Однажды утром меня из типографии вызвали в редакцию и заявили, что оригиналов будет мало ввиду того, что столичные газеты, а вместе с ними и почтовая корреспонденция, не доставлены из за почтово-телеграфной забастовки.

„Я пошел на почту. Здание ее оказалось окруженным полицией и казаками, под охраной которых в под‘езд и во двор почты входили расфранченные мужчины и женщины и франтоватые студенты, вслед которым из рабочей публи-

---

[1]) Тогда еще не было закона о репрессиях за участие в забастовках; он издан после и карал строже.

[2]) Н. А. Гуревич. Рукопись хранится в Смолен. Истпарте.

ки, смотревшей на это необычное зрелище, неслось: „штрейкбрехеры“.

„Дня через два, путем публикации в „Днепровском Вестнике“, население было оповещено, что пришедшая за это время почтовая корреспонденция рассортирована по полицейским участкам, куда адресаты приглашаются за ее получением.

„Редактор „Днепровского Вестника“ послал меня во вторую полицейскую часть за получением редакционной корреспонденции.

„Придя туда, я увидел груды, чуть не до потолка, писем, газет, пакетов; в этих грудах копались, ругая на все лады „забастовщиков“, чиновники различных учреждений, частные лица, военные, полицейские и проч. Я вернулся в редакцию ни с чем“.

В октябре же 1905 года произошла в Смоленске забастовка местной духовной семинарии. Она явилась результатом общесеминарского движения по всей России, как протест против установившегося стеснительного, можно сказать, кабального положения учащихся в этих школах. Семинаристы требовали от начальства изменений в сторону ослабления духовно-полицейского режима и в подкрепление этих требований большинство семинарий забастовало. К этой всеобщей забастовке примкнула и Смоленская семинария, ученики ее прекратили занятия.

Перерыв в занятиях продолжался около трех месяцев: октябрь, ноябрь и декабрь. К январю 1906 года Синод сделал раз‘яснение, что эти забастовавшие семинарии считаются только распущенными и никаких репрессий не об‘являлось.

Таким образом, в начале января смоленские семинаристы стали с‘езжаться, но когда они с‘ехались, то сразу попали под особенные „реформы“ местного начальства Во-первых, не всех семинаристов приняли снова в стены этого заведения; 11 человек оказались неожиданно уволенными, якобы, за то, что своевременно не подали заявления (до 15-го декабря) о приеме их в семинарию, хотя общего правила о подаче таких заявлений установлено и об‘явлено не было. Затем было отменено пользование в течении всего дня спальными комнатами, на которых были повешены замки.

Воспитанники также были лишены своих библиотек. Затем педагоги особенно энергично стали следить „за политической благонадежностью“ своих воспитанников и во всем старались видеть революционную пропаганду и протест против начальства.

Наконец, учеников лишили перемен. Это было проведено таким порядком: учитель во время урока обыкновенно спрашивал урок, а в то время, которое полагалось на перемену (10 минут), об‘яснял урок. В связи с этим происходили такие случаи: преподаватель Федоров, например, усиленным образом „вытуривал“ учеников 5 класса, которые осмеливались заявить ему на неудобство таких стеснений.

Впоследствии один из „заявивших“ об этом был уволен. Все это вместе взятое создавало снова тяжелую атмосферу, которая разрядилась 22 февраля довольно трагическим фактом. Уже в ночь на 22 февраля произошла „бомбардировка“ квартиры ректора семинарии. Это производилось не из огнестрельного оружия, а просто камнями. В результате—побитые окна в квартире начальства и перепуганные обитатели квартиры. А 22-го утром началось „усмирение“ наставников, но не со стороны правительственных карательных органов управления, а со стороны... самих „пасомых“. Один из воспитанников, повидимому, лучше других воспитанный, вооружился нагайкой и при появлении в семинарии начальства началась экзекуция...

Во-первых, попало преподавателю Червинскому—нагайкой по голове, затем о. ректору по его клобуку; изрядно „высечен“ оказался пом. инспектора Словачевский и т. д., инспектор семинарии преподаватель Воронин только благодаря проворности своих ног благополучно избег экзекуции, скрывшись куда-то.

Такое избиение преподавателей перевернуло вверх дном всю семинарию. Присутствовавшие при этом семинаристы сопровождали каждую „порку“ взрывом одобрения—„браво“ „бис“ и т. д. А начальство немедленно снеслось с полицией. В результате новое закрытие семинарии и надолго.

Но все это было уже в начале 1906 года, когда революция в городе была расстреляна и задавлена. В Смоленске революционные выступления закончились с прекраще-

нием почтово-телеграфной забастовки и забастовки печатников.

В конце ноября начались усиленные аресты. Вожаков каждой революционной организации старались из‘ять. Город был наводнен казаками. Каждое выступление начали пресекать в самом его возникновении. Революционное движение пошло на убыль.

Совет рабочих депутатов.

Опорой для организации Совета в Смоленске были профсоюзы, которые стали создаваться после областной конференции в Минске, где был доклад и о работе в Смоленской организации.

К октябрю влияние социал-демократов было настолько велико, что распространилось на все союзы (за исключением сапожников, которые были тогда на поводу у эс-эров).

Организационные собрания рабочих обыкновенно проходили или в уездном земстве, или в помещениях мастерских. Всюду они проходили под руководством социал-демократов. Только с дворниками и домашней прислугой не удавалось. Когда их собрали, то дворники запели „Боже, царя храни“ и чуть не побили делегированного туда оратора и организатора „Марфу“ Дроздову. Но вообще союзы росли. Особенно силен был союз портных—председателем его был портной Красник [1]).

Организацию Совета рабочих депутатов можно, приблизительно, отнести ко времени всероссийской почтово-телеграфной забастовки. В это время был уже Совет, что видно из того, что от почтовиков в нем было 2 представителя, которые через президиум Совета руководили забастовкой.

Представители в Совет избирались от профсоюзов по расчету: от 25 человек 1 депутат. Выбирались по такому представительству как от организованных рабочих в союзы, так и просто от общих собраний рабочих и служащих (например, приказчики, служ. Гор. Управы и т. д.). На катушечной фабрике выборы тоже происходили на общем собрании рабочих.

---

[1]) Он и теперь работает в Смоленске портным.

Выборы производились и от приказчиков большой Ланинской торговли в Смоленске (проводил выборы с.-д. Град), от служащих Губ. Земства (там был Бриллинг—теперь зав. Губстатбюро, а тогда ведавший стат. частью земства), от служащих Гор. Управы (там был Сбитников, „Серафим").

Таким образом, составился Совет Рабочих Депутатов.

Постоянно работал президиум в составе: с.-д. Сбитников („Серафим") председатель; с.-р. Фрумин—член президиума, Давидович—секретарь Совета. Большое участие в работе Совета принимала также Н. А. Костюшко-Валюженич (с.-р.).

Организация Совета проводилась социал-демократами, и большинство депутатов были или социал-демократы, или примыкающие к ним беспартийные и в меньшинстве были эс-эры. Только жел.-дор. мастерские в Строгани (около Смоленска) целиком были представлены с.-р. Железнодорожные рабочие Смоленского узла были под влиянием социал-демократов.

От столяров представителем был социал-демократ, от булочников тоже (Захаренков Тимофей).

Беспартийных дали приказчики (Балышев). Представительство от партий было 2 человека.

Но хотя эс-эры не имели влияния в массах, их в Совете было значительное число. С ними велась борьба. Можно, например, привести такой случай: редактировалась прокламация (возможно, что первая после организации Совета), которая призывала к борьбе с самодержавием.

В ней указывалось, что самодержавие колеблется: „Надо стать ему коленом на грудь и схватить за горло". А в заключении говорилось: „Святая пролетарская кровь пролилась"...

Тогда с.-р. Фрумин вносит поправку: вместо „пролетарская" вставить „трудовая". Завязался спор, но на стороне Фрумина оказалось меньшинство, и редакция проекта воззвания была принята.

Своего печатного органа Совет не имел и для воззваний, листовок пользовался нелегальной типографией с.-д. Комитета. Но, кроме этого, при „Смоленском Вестнике" несколько раз были выпущены „Известия", которые рассылались при газете подписчикам.

Было их немного 3—5 номеров всего. Сколько было заседаний Совета,—не установлено. Во всяком случае, немного. Больше работал президиум.

Во время октябрьских забастовок Советом организовались митинги. На одном из них, например, выступал студент Новиков—большевик, который работал тогда среди древообделочников, хороший оратор и пропагандист.

Митинг проходил легально; на нем присутствовал даже чиновник особых поручений при губернаторе Мертенс, который, однако, никаких мер противодействия не принимал и даже как-то нечаянно и простодушно при всех проговорился:—Удивляюсь, почему-бы правительству и не созвать Учредительного Собрания...

Это вызвало тогда большой смех у рабочих.

Вообще полиция была растеряна и не знала, как поступать. Так, например, председателя социал-демократического клуба—Давыдовича призывает полицеймейстер и спрашивает, на каком основании им открыт клуб. Давыдович приносит газету „Начало“ и говорит, что клубы везде существуют и работают открыто. Вот сообщение газеты „Начало“—даже в Петербурге клубы открыты, а у нас уж, конечно, можно.

Полицеймейстер успокоился. В другой раз клуб почему-то вдруг опечатали. Но чрез 3 дня приезжает чиновник на квартиру Давыдовича, сажает его на казенного извозчика, везет в клуб и все в сохранности сдает под расписку.

О митингах совет также не извещал предводителя дворянства (князь Урусов), а ставил только в известность городского голову Рачинского.

Собрания Совета больше всего происходили в квартире зубного врача Е. Н. Іоффе.

Деятельность Совета закончилась в середине декабря. В это время усилился нажим полиции, которая увидала поражение Московского пролетариата и решила перейти в наступление. Начались аресты.

16-го декабря арестовали сразу Давыдовича, Фрумина, Иогансена (адвокат), Крылова (член гор. Думы) и других. После этого полицейского нажима по всем направлениям, Совет прекратил свое существование, хотя председатель его —Сбитников арестован и не был.

Вот и всё пока данные о „деятельности“ Смоленского Совета. При этом, руководство со стороны Совета забастовками, если оно и было, нужно понимать условно. Дело в том, что эти забастовки в большинстве были отражением общего революционного движения, и когда проходила, например, всеобщая жел.-дор. забастовка, то она, естественно, захватывала и Смоленск и прекращалась тогда, когда прекращалась в общероссийском масштабе. То же самое можно сказать и о почтово-телеграфной забастовке. Самостоятельных мероприятий Смоленский Совет вряд ли проводил и особую какую-либо деятельность вряд ли проявлял. Об этом говорит тот факт, что многие участники в событиях 1905 года в Смоленске даже не помнят, действительно ли существовал Совет.

Одно ясно, однако, что хотя Смоленский Совет и существовал, но он не мог ни взять в свои руки революционного движения в Смоленске, ни руководить им.

Революционное движение в Смоленске шло независимо от Совета, а если и поддерживалось и руководилось, то только усилиями отдельных революционных социал-демократов—массовиков. Ни головка меньшевистского с.-д. комитета, ни президиум Совета не включал в себе таких массовиков; там были или статистики, или земские служащие, в большинстве совершенно легальные личности, не связанные с широкой рабочей массой, какая была в Смоленске.

Только маленькая кучка революционных с.-д. работала действительно в массах и там непосредственно руководила революционным движением.

Это были те же самые товарищи, о которых уже говорилось выше: Борисов, Барсовы, Цейтлин, Хайкин, Новиков и другие. Но они не были ни в Совете, ни в Комитете, за исключением Хайкина, так как их меньшевики отстраняли от этих руководящих органов. Большевики вынуждены были всеми этими условиями и собственным „чутьем“ быть непосредственно с массами.

Таким образом, тот же Борисов избрал себе железнодорожную область и там организовал железно-дорожных рабочих, другие работали, как пропагандисты и агитаторы на заводах.

IV. Ярцево, Рославль и Вязьма.

Ярцево в 1905—6 г.г.

Начало 1905 года в Ярцеве характеризуется большим оживлением революционной работы. Рабочие социал-демократы вели усиленную агитацию и политическую борьбу.

Однако, открытого массового выступления рабочих, в ответ на расстрелы 9 января, в Ярцеве не было. Причиной тому была усиленная охрана, которая учредила тщательный надзор за поведением рабочих.

Одних стражников было до 100 человек. 250 человек насчитывалось в „Союзе русского народа". При таких условиях трудно было быстро организоваться для выступления против питерских расстрелов.

В это время велась только кружковая работа. В кружках шла подготовка к забастовке.

До апреля месяца Ярцевская фабрика не проявляла особенной революционной активности. Многие рабочие социал-демократы были или арестованы, или находились под строгим полицейским надзором и не могли достаточно развить революционную агитацию.

В марте месяце директор фабрики на собрании старост отделов фабрики (причем состав старост был так подобран, что туда вошли только хозяйские прихвостни) заявил:

— Фабрика прогорает. Вера Александровна (Хлудова) не может содержать фабрику. Надо поддержать Веру Александровну. Расценок надо понизить опять на 10%. Если рабочие откажутся—фабрика будет закрыта.[1])

Старосты уже готовы были согласиться. Никого из других рабочих на собрание не допускали. Рабочие Петр Бессудов и Владимир Мазуров были избраны депутатами для переговоров с администрацией фабрики.

---

[1]) Горшков и Нилов. Ярцевские ткачи за 45 лет. Издание Смоленского Губпрофсовета. Смоленск. 1924 г.

Эти переговоры были безуспешны. На 3-й день, 29 марта по ст. ст., фабрика была остановлена. Ни мастера, ни служащие добровольно к забастовке не примкнули и они были сняты силой. Администрация фабрики пустила в ход все средства,—от уговоров директора до угроз жандармского полковника, но рабочие стойко и организованно стояли на своем.

В ответ на предложение администрации фабрики понизить расценок на 10%, рабочие выставили свои требования: 9-часовой рабочий день, увеличение заработной платы, а не понижение, улучшение жилищ рабочих, бесплатная баня-прачешная, увольнение грубых мастеров и т. д. Всего было 35 различных требований. Забастовка проходила дружно. Ни на какие уступки рабочие не шли. В результате администрации пришлось удовлетворить большинство требований рабочих.

Заработная плата не была понижена, как это предлагала администрация. Наоборот, она была даже повышена на 10%.

Рабочий день был сокращен на 3½ часа (до 9 часов).

Пять,наиболее грубых,мастеров были уволены со службы.

Рабочим предоставлялось право бесплатного проживания в казармах.

Таковы были победы ярцевских ткачей в эту очередную их забастовку. Но вместе с победами были и некоторые поражения: руководители забастовок—Петр Бессудов и Мазуров были немедленно после забастовки арестованы во время происшедшего тогда же еврейского погрома. Арестованы эти рабочие были, якобы, за участие в погроме, между тем как судили их за революционные действия. Духовщинский суд приговорил Бессудова и Мазурова к одному году арестантских рот.

Погром-же произошел при таких обстоятельствах:

25-го апреля 1905 года среди проживающих в Ярцеве евреев распространился слух, что вечером готовится погром. При этом обвинительный акт Смоленского Окружного Суда указывает, что некий мещанин г. Смоленска Александров, получавший газету „День", читал рабочим статью, возбуждающую в русском населении вражду к евреям. Вечером из ворот фабрики вышла толпа рабочих и направилась в по-

елок. При этом Александров, остановившись на мосту, стал читать газету „День“, а другие его соучастники призывали находившихся вблизи поселка сплавников плотов по реке Вопь.

Собравшаяся толпа с криками „ура“ и „бей жидов“ двинулась по улице поселка Ярцево. Еврейские лавки в это время были закрыты. Но толпа, приближаясь к каждой еврейской лавке, разбивала двери топорами и камнями, а затем некоторые из толпы проникали в лавку и выбрасывали оттуда товары на улицу, где их и расхищали.

Всего в этот вечер было разгромлено 14 лавок и торговых помещений.

Между прочим, к делу о погроме не мог быть не причастным местный богатый купец Скоробогатый „истинно русский человек“, христианин и проч., который и после погрома выступал против евреев.

На суде фигурировал некий Александров или „Жак“, как его называли. Это был мальчик лет 14, получавший черносотенную газету, выписываемую его хозяином—Масленниковым, с которым в тайных сношениях был городовой Синявский, приходивший, как говорил защитник на суде, к Масленникову за „инструкциями“.

Не без греха оказался и один из хозяев фабрики—Максимов, который отказался дать помощь для предотвращения погрома, за которой к нему обращались.

Он провоцировал рабочих. Когда ему доложили, что грабители кладут вещи в фабричной сторожке, то ответил сторожу: „Храните эти вещи, пока за ними придут грабители“.

Таким образом, погром этот был делом фабриканта, черносотенцев и полиции.

После успешной в смысле достижений забастовки в 1905 году, активность и уверенность Ярцевского рабочего поднялась. Несмотря на аресты некоторых активных рабочих, и в том числе Бессудова и Мазурова, социал-демократический кружок, рассыпавшийся к 1905 году, снова стал работать. В нем насчитывалось около 30 человек. Кружок был связан со Смоленской организацией. Была оборудована даже своя типография, которая частенько наводняла казармы и частные квартиры прокламациями.

Особо работал кружок социал-демократов в мастерской механического цеха. Там работал в то время, между прочим, т. Вагнер [1]). Кроме его, видными работниками кружка были рабочие: Петр Удальев, Константин Усков, Николай Куликов, Василий Калачев, Андрей Спиридонов. Кружок летом уходил обыкновенно в лес за фабрику, а зимой работал на нелегальной квартире в местечке.

Впоследствии отдельные кружки установили между собою связь через своих старост и вели уже согласованную работу.

В такой кружковой работе прошла большая часть года. Время от времени происходили массовки за городом. Других крупных выступлений на фабрике в 1905 году не было. На нее в это время были обращены взоры всего полицейско-жандармского мира губернии.

Фабрика буквально была наводнена жандармами, стражниками, шпиками, а кругом за рабочими наблюдали многочисленные хозяйские прихлебатели—мастера и разные служащие. За ними шли члены „Союза Русского Народа". Революционных же партийных сил было мало. Многие были арестованы, другие увольнялись под разными предлогами—на фабрике происходила систематическая чистка от „нежелательного" элемента.

И только в начале 1906 года снова вспыхивает революционное движение, подготовленное к этому времени окрепшими партийными организациями фабрики.

3 июля 1906 года в Ярцеве началась новая забастовка. Отметим несколько моментов, предшествовавших этой забастовке. Например, 7 июня на фабрике состоялся митинг, на котором выступали приезжие социал-демократы. Митинг состоялся после работы в ближайшем лесу. Открылся он в 10 час. вечера. Присутствовало до 2-х тысяч человек. Были зажжены костры, факелы. На пне срубленного дерева, служившего трибуной, появился оратор; он говорил о классовых противоречиях, о тех страданиях пролетариата, которые он принужден испытывать, благодаря царству гнета и эксплоатации капиталистического строя; говорил о той борьбе,

---

[1]) Член РКП (б). Теперь работает в Смоленском отделении Сахаротреста.

которая ведется западным пролетариатом и сознательной частью российского пролетариата и закончил призывом к об'единению под знаменем РСДРП.

Второй оратор начал с выяснения исторической роли пролетариата в России и в освободительном движении. Пролетарская борьба разбудила народ и массы, грозно потребовала к ответу, запятнавшую себя столькими преступлениями, самодержавную бюрократию. Выяснялось значение 9-го января, манифеста 17-го октября, декабрьского вооруженного восстания и затем, как результат всего этого—созыв Думы. Далее говорилось о тактике и программе.

В заключение была предложена резолюция по поводу предстоящего суда над рабочими депутатами, следующего содержания:

„Дорогие товарищи! Правительство за ваше обращение к нам, т. е. за то, что вы честно выполняли свой долг перед рабочим классом, пытается предать своему суду. Знайте, товарищи, этот суд будет над всем рабочим классом, который в вашем обращении читал свои мысли. Мужайтесь! Нет теперь той крепости, тех цепей, которых не разбила-бы великая армия труда, сильная своим об'единением. Верьте, эта могучая сила выручит нас. Уж скоро пробьет час другого суда".

При восторженных криках, митинг был об'явлен законченным.

Таким образом, из этого митинга видно, что влияние социал-демократов на ярцевских рабочих было велико. И в то же время, сами рабочие становились на путь борьбы за интересы рабочего класса в целом.

Вместе с этими проявлениями революционного сознания ярцевских рабочих действовали и темные погромные силы. Непосредственно после митинга начал циркулировать слух о готовящемся будто-бы еврейском погроме. Провокаторы распространяли слухи, что евреи устраивают митинги, еврейские ораторы бунтуют народ, что в „жидовской" думе „жиды" стремятся к тому, чтобы отнять у крестьян землю и отдать ее „жидам" и т. д. Смоленский губернатор Суковкин на эти слухи разразился целым „обращением", в котором он обещал карать всех, кто позволит себе участие в погроме и что перед законом все национальности равны. Однако, мы знаем,

в чем суть этого равенства, мы знаем, что равенство защищалось только в отношении буржуазии.

Вот в таком состоянии Ярцевская фабрика вступила в новую забастовку. В это время руководителями социал-демократической организации в Ярцеве были—Крутиков и братья Ханкевичи. Кроме того, наездами бывал в Ярцеве один варшавский студент социал-демократ, проживающий в Смоленске. Забастовка началась из-за низких расценок на выработку, больших штрафов. Дело обстояло так. Прядильщики, человек 500—600, собрались однажды и постановили требовать повышения заработанной платы: для прядильщиков 90 коп. для запасных прядильщиков—75 коп. в день.

3 июля, выбрав на собрании комиссию в составе 14 человек для руководства забастовкой, прядильщики остановили машины и пред'явили вышеуказанные требования. Фабричная администрация сначала думала, что эту забастовку, вызванную изнеможением и голодом, можно прекратить выдачей денег на водку. Эти приемы неоднократно раньше применялись.

Но на эти приемы и обещания ряд ораторов из рабочих ответил: „Мы достаточно навиделись ваших „слез", мы достаточно наслышались жалоб на убытки, мы достаточно насмотрелись ваших экипажей, великолепных павильонов, садов и имений, рассеянных по всей Смоленской губернии. Бастовать нас заставили нужда и голод, и мы не станем на работу до полного удовлетворения наших справедливых требований".

Ответ на это был простой: кто не вступит через 3 дня на работу, тот получит расчет и изгнан будет со двора фабрики.

Рабочие стояли на своем и фабрика не работала. И хотя рабочим грозили солдатами, они не изменили своего решения. 10-го июля в Ярцеве появились для „усмирения" до 600 солдат и приехал губернатор.

На собрании рабочих, которое состоялось в присутствии губернатора, он кричал:

— О правах заговорили? Плевать я хотел на ваши права! У меня на вокзале тысяча штыков.

Рабочие отвечали на это глухим гулом:

— Проплюетесь, г. губернатор. Сбросить его с пятого этажа! А на вокзале же наши братья солдаты.

Но „братья" солдаты в то время не понимали рабочих.

Они исправно исполняли все приказания своего начальства и „охраняли“ фабрику г. г. Хлудовых.

Правда, столкновений с рабочими в эту забастовку не было, но это потому, что рабочие вели себя организованно. Стачечный комитет стоял твердо на принятом решении не сдаваться капиталисту и не подчиняться начальству. 12 июля на фабрике было вывешено об'явление:

„Фабричная администрация просит очистить квартиры, в противном случае выведут с помощью солдат и расчетные книжки с долгами будут переданы местному надзирателю“. Бастующие же решили до 17-го ноября не собираться и разошлись по деревням на работу.

Администрация фабрики, узнавши о таком решении рабочих, пошла на новое средство: она заявила в вывешенном об'явлении, что вся фабрика будет закрыта, если прядильщики не станут на работу. Днем закрытия фабрики об'явили 27-го июля.

Это произвело свое действие на многих, недостаточно сознательных рабочих. Пошли разговоры о необходимости прекратить забастовку прядильного цеха и т. д.

14 июля, вопреки постановлению не собираться до 17 июля, было устроено общее собрание рабочих, которое, под давлением неорганизованной части рабочих, постановило приступить к работам, при условии не позволить взять полиции ни одного рабочего, принимавшего участие в забастовке. При этом, один из представителей стачечного комитета сказал: „Пусть на этот раз мы уступили, пусть фабричная администрация сейчас воспользовалась низким средством--обманом, уловкой темных рабочих, но мы посмотрим, на какие же средства кинется тогда фабричная администрация, когда на этой, пока еще темной фабрике будет организован профессиональный союз и касса взаимопомощи. Потребность же в этом назрела, и наш рабочий скоро будет призван к дружной, стойкой борьбе“.

После этого рабочие приступили к работе. Забастовка эта не принесла победы ярцевским рабочим, но она дала новый опыт для новой борьбы.

Еще один факт, связанный с 1905-м годом:

24 августа 1906 года, после осуждения Бессудова и Мазурова, их привезли на станцию Ярцево из Духовщины. На

станцию вышли рабочие, чтобы проститься со своими товарищами.

Петр Бессудов на вокзале стал на диван и обратился к рабочим с речью. Но не успел Бессудов закончить, как на вокзал вломились стражники и стали шашками разгонять толпу. Вслед за ними появились казаки с нагайками и началась расправа. Били шашками и нагайкам кого попало,—получилась невероятная суматоха. К счастью, стоявшие на путях два пассажирских поезда дали возможность многим ускользнуть от погони полицейских. Поезда были задержаны на несколько часов. В результате в Ярцеве были снова аресты, обыски.

Рославль.

В Рославле в 1905 году революционное движение поддерживали, главным образом, рабочие местных железно-дорожных мастерских. Других промышленных предприятий в городе не было, если не считать двух маслобойных заводов да незначительных ремесленных мастерских. Партийная социал-демократическая организация в Рославле также была незначительная,—там преобладали эс-эры. Из революционных социал-демократов видную роль только играли: Гинзбург [1]), Сергей и Мария Турчаниновы, Алферов, Михаил Маслеников и некоторые другие менее видные работники. Из эс-эров были: Роман Турчанинов, Сергей и Иван Карпачевы (потом оказался провокатором), и брянский рабочий „Ваня" Рыжков, Тихон Иванов, Николай Немченков и Круглов.

До осени в Рославле велась только кружковая работа и частые дискуссии социал-демократов с социалистами-революционерами.

Манифест 17 октября рославльские рабочие ознаменовали митингом и демонстрацией к тюрьме 18 октября. Сначала полиция не препятствовала митингу и шествию. Только разные хулиганы и представители „Союза русского народа", которых в Рославле тоже было много, подговаривали рабочих „бить жидов". Однако манифестация дошла до полицейского управления и здесь ее встретили вызванные по-

---

[1]) Т. Гинзбург, он-же С. Гиринис—теперь зав. П. О. печати Средне-Азиатск. Бюро ЦК РКП (б).

лицией солдаты. Тогда у демонстрантов с представителями власти завязался горячий спор. Одни доказывали, что об‘явлена свобода и надо выпустить политических заключенных, другие говорили, что закон обратной силы не имеет. Так как войск было много, то демонстранты уступили и согласились на посылку требования об освобождении политзаключенных телеграфно в Смоленск, а затем разошлись. Через несколько дней политические заключенные действительно были освобождены.

После „манифеста" революционная и общественная работа вообще оживилась. Начали организовываться профессиональные союзы. Сначала организовались печатники и сапожники; затем портные, булочники, шапочники и даже домашняя прислуга.

Но вместе с этим, организовались реакционные силы— „Союз русского народа", туда входили лавочники, полицейские, попы и т. д.

Со всем этим сбродом затем неоднократно приходилось сталкиваться революционным организациям. Так, в начале ноября социал-демократами был организован митинг (в скверике против аптеки б. Ефремова [1]). Народу собралось много. Для охраны митинга даже были присланы войска. Но они не представляли надежной силы, так как почти сплошь состояли из осетин, которым истек срок службы, и их задерживали, благодаря „смуте". Они не очень то любили „забастовщиков". Вскоре к митингу прибыла и толпа черносотенцев, но они стояли пока спокойно. Говорил Гинзбург на тему: „Чего хотят социалисты". Затем выступил Сергей Турчанинов и др. Митинг прошел успешно и спокойно. Но когда стали расходиться, то оказались окруженными солдатами и черносотенцами, которые не пропускали ни взад ни вперед. Уже слышались возгласы: „бей их". Только находчивость некоторых товарищей, заставивших офицера дать команду очистить дорогу, и команда к несуществующей боевой дружине с.—р. „Боевая дружина, стройся"!—спасла положение. Толпа черносотенцев отхлынула.

После этого случая социал-демократы организовали свою боевую дружину.

---

[1]) По воспоминаниям т. Гиринис—хранятся в Смол. Истпарте.

В городе раскуплены были таким образом все револьверы, кинжалы, финские ножи и проч., какие имелись в рославльских магазинах.

При помощи этой боевой дружины рославльские социал-демократы уже легче противостояли наступлениям черносотенцев.

Важным революционным событием в Рославле затем была забастовка железнодорожников и захват ими ст. Рославль.

Инициатива выступлением исходила из Риги. Оттуда революционные социал-демократические организации прислали депешу с призывом к забастовке.

23—24 ноября она читалась в рославльских железнодорожных мастерских мастером кузнечного цеха Василием Виноградовым, который при этом призывал к забастовке. Вечером 24 ноября из Риги было получено новое сообщение, что Р.-Орл. ж. дор. с 8 час. вечера бастует. В это же время местные социал-демократы вели агитацию среди рабочих, и вся социал-демократическая организация усиленно подготовляла забастовку.

Около 8 час. утра 25 ноября постановление о забастовке было известно широким массам рабочих, и кузнецы и литейщики первые решили забастовать, в то время как другие рабочие еще не выявили своего решения.

Затем было назначено собрание рабочих на „Канаве"—особая площадка в расположении мастерских, где начальник мастерских Трофимов об'яснял вредные последствия забастовки и советовал приступить к работам. Однако, этот „совет" не особенно сильно подействовал на рабочих, хотя протокол обвинения [1]) указывает, что за забастовку оказалось после голосования человек 30—40. Это утверждение обвинителей не вяжется с тем, что уже было через несколько минут после голосования, когда снова выступили с речами несколько социал-демократов и с.-р —Иванов, Виноградов, затем Турчанинов. Рабочие, как говорит судебное обвинение, заволновались и стали выходить на двор. Начался новый митинг, во время которого уже ораторов встре-

---

1) См. протокол обвинения лиц, арестованных в Рославле в связи с захватом ст. Рославль. Смоленск, „Днепровский Вестник" № 158, 1906 г.

чали криками „ура“. Тут же раздавались прокламации социал-демократической организации.

В этом помогал Турчанинову—Булдин. Когда появились на митинге жандармы, то рабочие требовали их ухода. „Нам не нужно ваше правительство, оно сгнило!“—кричали рабочие.

После этого митинга толпа рабочих направилась к материальному складу, затем в депо. и всюду рабочие присоединялись к забастовке, останавливали работы. Из находившихся в депо паровозов рабочие выпускали пары. При этом рабочие оставляли в депо и сараях дежурных, которые следили за тем, чтобы в паровозах не разводились пары. Маневровые паровозы также привозились в депо и здесь оставлялись.

После остановки работы в депо, рабочие направились к станционному зданию, снимая с работы попутно служащих и рабочих телеграфа и других. Затем, выйдя на платформу, рабочие обратились к начальнику станции Тягловскому с требованием прекратить работу на станции, так как рабочие решили поддержать политическую забастовку в Риге (по случаю введения там военного положения и смертных приговоров над некоторыми социал-демократами). То же самое требование было пред‘явлено начальнику 5-го участка службы движения Кардо-Сысоеву.

Последний, также как и начальник станции, возражал, но рабочие под предводительством Сергея Турчанинова, Тихона Иванова, Григория Хотеева, Василия Круглова, Василия Виноградова, Павла Горохова и других направились в станционное здание и заняли все помещение.

На телеграфе были назначены дежурить свои телеграфисты—Клечиков и Иванов, которые были об‘явлены „неприкосновенными“. Им было поручено не принимать и не передавать никаких депеш от агентов с дороги, а сноситься только с комитетом рабочих и партийным бюро. Кроме того, этим телеграфистам было поручено дать извещение по линии о забастовке. Затем этот отряд рабочих, об‘явив начальника станции „низложенным“ и не имеющим права делать никаких распоряжений,—направился на товарную станцию и прекратил там работы.

Телеграмма, посланная оставленными дежурными на станции, была следующего содержания:

„Экстренно. По станциям до Орла и Риги. Всем служащим. Сегодня 25-го ноября все служащие ст. Рославль и мастерских прекратили работы с 9 час. утра. Товарищи, просим присоединиться к забастовке. Служащие и рабочие мастерских депо и станции“.

Пришедший в 2 часа дня из Смоленска поезд был задержан, паровоз отцеплен и под конвоем Хотеева и Музольфа отправлен в депо. В 11 часов вечера пришедший из Смоленска почтовый поезд № 4 также был задержан и паровоз отправлен в депо. Таким образом, всякая работа на станции прекратилась и остановилось движение поездов.

Все эти действия рабочих Рославльских мастерских показывают, что вся забастовка проходила единодушно и организованно. Организационное единство в движение вносила местная социал-демократическая организация.

Но забастовка длилась недолго. Вместо предполагаемых 3-х и больше дней, она была проведена только на протяжении 2-х дней. Уже 26-го ноября к вечеру многие были склонны к прекращению забастовки. В этом направлении действовали, конечно, многие реакционные силы из железнодорожного чиновничества, начиная с начальника мастерских и кончая Кардо-Сысоевым—начальником 5-го участка службы движения. Несмотря на это, факт такой массовой организованной забастовки и насильственного захвата станции свидетельствует о большой выдержанности рабочих даже такого отдаленного уголка, как Рославль.

По этому делу привлечено было к ответственности 17 человек. Вот список обвиняемых: Турчанинов, Музольф, Виноградов, Беляев, Конопелькин, Меркулов, Рыжков, Хлебников, Иванов Тихон, Хотеев, Артамонов, Булдиных двое, Горохов, Иванов, Клечиков и Круглов.

На стекольных заводах Рославльского уезда рабочие также были захвачены общим революционным потоком. Эти небольшие заводы включали от 50 до 70 человек рабочих. Но, вместе с тем, удаленные от более значительных рабочих центров, они больше эксплоатируются и таким образом вовлекаются в революционное движение.

Для обрисовки положения дел на этих заводах приве-

дем, как пример, забастовку на заводе Магидсона или Фанинском.

30-го июля рабочие пред'явили владельцу завода требование увеличить расценок на выработку стекла. Повышение расценки мыслилось рабочими незначительное (на 15 копеек с партии—1 руб. 50 к. вместо 1 р. 35 коп.). Но владелец был настолько прижимист, что не согласился и на это маленькое повышение. Тогда рабочие прекратили работу. Недовольный таким оборотом дела, хозяин известил, конечно, полицию, которая приняла живейшее участие в ликвидации забастовки.

Пристав 3 стана Рославльского уезда прибыл 3 августа на завод и произвел „расследование", которое, по его мнению, устанавливает, что все это дело рук некоторых „смутьянов", из которых самым главным является бывший рабочий, недавно уволенный с завода, Матвей Карпов—Кирпичев (кстати сказать, быв. Путиловский рабочий). Кроме Кирпичева на заводе из всех 70 рабочих есть человек 10—15 его единомышленников, которых необходимо, конечно, из'ять с завода. Но так как стражи полицейской на заводе мало, то пристав просит прислать роту солдат для производства этой операции—удаления „неспокойных рабочих".

Кирпичев, по показаниям, например, мастера Фашенко, рисуется таким: „Был на многих заводах, всюду увольняется за смутьянство, подстрекает всюду рабочих к бунту, тревожит их россказнями о различных, бывших по России беспорядках и наускивает их на то же. При этом, также осуждает правительство и его действия, говоря, что нужно завести новые порядки".

Когда же приехал из Смоленска старший фабричный инспектор, то Кирпичев, будто бы, будучи во главе бунтарей, крайне дерзко с ним разговаривал. Например, когда инспектор стал просматривать какую-то заводскую книгу, то Кирпичев сказал ему: „Ты, видно, водку нынче пил, пойди сперва проспись, тогда мы будем с тобой разговаривать".

В общем, на этого Кирпичева много было наговорено всяких „приятных" вещей, в результате которых он был арестован и засажен в тюрьму. На завод же была выслана рота солдат. На полях запроса пристава о присылке

их, есть пометка: „Рота прибыла в 9 час. утра 4-го августа на завод“. Понятно, что рота солдат с 70 рабочими могла справиться. И она „справилась“.

Точно также были забастовки на другом заводе „Нов. Деребуж“, принадлежавшем Соколову. Здесь 12 августа рабочие прекратили работу и пред‘явили хозяину следующие требования: увеличить заработную плату, установить денежный расчет 2 раза в месяц, закрыть хозяйскую лавочку, отремонтировать рабочие квартиры и т. д.

Эта забастовка продолжалась только один день, но хозяин так перепугался, что поспешил согласиться удовлетворить все требования рабочих. Однако эти требования выполнены не были. Уже 13 августа на завод прибыли полицейские, которые стали вести расследование. Арестованных на этот раз не было, но зато и достижений со стороны рабочих—тоже.

Другая забастовка на этом заводе произошла 1 ноября; продержалась она с неделю и имела больший успех, чем первая.

Хозяину пришлось, наконец, согласиться на удовлетворение требований рабочих. Было заключено соглашение, по которому хозяин был обязан ввести значительные улучшения в работе и жизни рабочих.

Руководили забастовкой рабочие: Подвиков Степан, Фановский, Беликов. Активное участие в забастовках принимали также: Вязанкин, Терешкин, Мельников Павел и другие.

Вязьма.

В Вязьме в 1905 году были (они и теперь работают): спичечная фабрика Ельчинского „Надежда“, маслозавод, кожзаводы (небольшие) и, кроме того, крупный железнодорожный узел. Поэтому Вязьма тогда, как и теперь, считалась значительным рабочим центром Смоленской губернии. Революционнное движение в Вязьме стало развиваться еще в период 1902—3 г.г., но тогда оно захватывало только незначительные круги рабочих и было почти исключительно движением местной интеллигенции, главным образом, московского и питерского студенчества.

В начале 1905 года в Вязьме было отмечено „Кровавое

воскресение“ 9 января. По инициативе местных социал-демократов (Тихон Музылев, Баевский, Журавков и другие) были организованы сборы в пользу семей погибших в Питере рабочих. Более полных данных об этом времени нет. Но к концу года отмечается уже значительное развитие революционного движения, особенно после манифеста 17 октября. Но и до манифеста вяземские рабочие выступали решительно.

Местные социал-демократы в это время повели усиленную агитацию за организацию всеобщей забастовки в Вязьме, и 8 числа был назначен митинг в депо Александровской (б. Московск.-Брест.) ж. дороги Однако, устроить этот митинг не удалось, так как жандармы его разогнали.

Несмотря на это, решено было сделать выступление.

Через 2 дня после разгона собрания, в 2 часа дня в депо раздался тревожный гудок. По этому сигналу рабочие остановили станки и, собравшись, направились на находящийся вблизи станции маслозавод, который работал. По пути рабочие сняли с работы служащих почты и телеграфа. Завод был закрыт. Сбили ворота. Рабочие широкой волной влились во двор, погасили паровой котел и остановили машины.

Затем железнодорожники, таким образом, соединившись с рабочими маслозавода, решили остановить все производства, которые еще работали.

Вся масса рабочих двинулась в город. Дошли до спичечной фабрики „Надежда“, остановили там работы. В это время прибыл исправник с городовыми, стал уговаривать рабочих—„не бунтовать“, но остановить такое широкое движение, конечно, уже было нельзя.

Рабочие пред‘явили администрации в присутствии полиции ряд требований, основное из которых было—8-часовый рабочий день.

Вследствие позднего времени, после этого рабочие разошлись, договорившись на следующий день вновь собраться.

Это собрание было проведено около жел.-дорожной станции. Собралось до 2000 человек. После митинга, на котором выступали как социал-демократы, так и эс-эры, была поддержана резолюция московских рабочих о сверже-

нии самодержавия. Затем, с пением революционных песен, вся толпа снова двинулась в город. По пути к демонстрации присоединялись рабочие и работницы местных льночесальных и других предприятий.

В центре города, на теперешней Советской площади, толпу рабочих встретили местные черносотенцы и полиция, которые соединенными силами напали на рабочих и стали избивать Рабочие вооружены не были, и энергичное нападение черносотенцев поколебало манифестацию. Ряды ее разбились, многие стали расходиться и вся демонстрация скоро рассыпалась. Несмотря на это, забастовка в Вязьме продолжалась 8 дней и только после этого, сломленные нуждой и репрессиями, рабочие вынуждены были стать на работу. Однако, некоторая часть требований рабочих была удовлетворена: уменьшен рабочий день на один час и уничтожены хозяйские лавочки при предприятиях.

После манифеста 17 октября в Вязьме была организована демонстрация в городском саду, которой социал-демократы старались придать вполне революционный вид. В сад прибыли рабочие с красными знаменами и пением революционных песен. К рабочим затем присоединились группы учащихся. Буржуазия, местное купечество тоже хотели в этот день (19 октября) отметить царский манифест. Поп Афонский в это время в Ильинской церкви служил благодарственный молебен, а на улицу был вынесен царский портрет с надписью „Боже, царя храни". Но возмущенные этим рабочие изорвали портрет, и буржуазная демонстрация, таким образом, не состоялась. После речей на митинге в городском саду, революционная демонстрация прошла по городу, а затем направилась к тюрьме—для освобождения из нее политических заключенных. По дороге при этом произошел маленький инцидент. Около кузницы кучка черносотенцев при помощи кузнецов пыталась разогнать демонстрацию. Пущены были в ход кузнечные молотки, но безуспешно—демонстранты отразили нападение кузнецов (хозяйчиков) и направились в тюрьму. Там снова столкновение с администрацией тюрьмы, но тоже безуспешно—настойчивость все больше крепла, и администрация вынуждена была открыть ворота тюрьмы, а затем и выпустить несколько человек политических заключенных (4—5).

На дворе тюрьмы был устроен снова митинг с приветствиями выпущенных заключенных. Затем демонстрация разошлась, а в городе начала мобилизоваться черная сотня.

Дело в том, что Вязьма всегда изобиловала купеческим населением. Здесь шла большая торговля, например, льном. Этих торговцев, за исключением крупных, как Лютовы и другие, было много и все они были явно настроены контр-революционно и религиозно.

Таким образом, на ряду с незначительным рабочим населением, в городе крепко сидела реакционная масса кулачества, которая играла здесь активную контр-революционную роль. Поэтому скоро после революционного выступления рабочих уже организован был еврейский погром, во время которого большое количество еврейских лавочек было разбито и разнесено.

В период декабрьского восстания в Москве, как отголосок этого события, в Вязьме прошла забастовка железнодорожных рабочих в депо (однодневная), революционное брожение на спичечной фабрике и среди учащихся. Особенное же развитие революционное движение в Вязьме получило только в 1906 году. В это время уже проводились довольно большие массовки в лесу за городом, в так называемом „Заказе", около дер. Леоновки и на „Каменной Горе"—за Николаевским вокзалом. Две таких массовки разгонялись полицией. Они были размером по 250—350 человек. Около загородного сада в лесу еженедельно по субботам происходили летом занятия марксистских кружков, а массовки проводились по воскресеньям.

С массовки обыкновенно в город направлялись мелкими группами с революционными песнями, а один раз из „Заказа" направились большой толпой в город—человек 100.

Осенью и зимой собрания происходили в нелегальных квартирах, например, на керосиновом складе б Нобеля (по Смоленской улице) и в Мертвом переулке (в доме Родченкова). На этих собраниях обыкновенно присутствовало 40—50 человек. Часто здесь были также солдаты местного гарнизона артиллерийской бригады, конвойной и музыкантской команд. Между прочим, тов. Баевский, участник событий 1905 года в Вязьме, рассказывает такой случай:

В городском саду, во время „гулянья", игравшие музы-

канты в перерывах игры стали читать прокламации. Капельмейстер, узнав об этом, сообщил пом. пристава. Последний скоро явился в сад на эстраду и стал отбирать прокламации. Но солдаты и музыканты тут не дали себя в обиду, порядком избили этого пом. пристава, сломали его шашку и сбросили его с эстрады.

Летом же 1906 года начало усиливаться профессиональное движение. Организовано было общество приказчиков, где, между прочим, было много черносотенцев. Особенно революционным союзом был союз булочников; он часто устраивал свои довольно большие собрания за городом. Также был организован союз портных, но он скоро был разогнан полицией. Богатые торговцы—евреи, наученные печальным опытом погрома и желая застраховать себя от него в дальнейшем, вошли в сделку с исправником, предложив ему, если он гарантирует их от погрома,—выдавать всех замеченных ими революционных еврейских рабочих. При этом исправнику была дана изрядная взятка.

В 1906 году существовала в Вязьме также тайная типография (на Загородной улице), которая из конспиративных соображений часто перекочевывала из Вязьмы в Ярцево и обратно. Для этих же целей на прокламациях подписывался обыкновенно Вяземский Комитет РСДРП, когда типография находилась в Ярцеве и—Ярцевский Комитет, когда типография находилась в Вязьме. Выборы в первую Государственную Думу в Вязьме бойкотировались, во вторую же Думу выборы поддерживались.

Таков общий ход рабочего революционного движения в Смоленской губернии. В этом движении нет достаточной цельности и твердости, потому что в губернии было слишком мало индустриальных рабочих. Небольшие рабочие группы были разрознены. Разрознены же были и с.-д. силы. Но и эти разрозненные силы руководили каждой группой рабочих в их революционных выступлениях, формулировали их требования и вели на борьбу с хозяевами—капиталистами и правительством.

Еще более разрозненно проходило по губернии крестьянское движение, к освещению которого мы теперь перейдем.

распространения этой прокламации был арестован один из организаторов типографии — т. Бродов.

Но здесь долго быть только что налаженной типографии не пришлось. После арестов по распространению напечатанных листков, жандармерия стала тщательно выслеживать эту типографию, и ее пришлось перенести в другое помещение. В доме Лядковской она была всего только 3—4 месяца, затем приходилось помещение типографии переносить с одной квартиры на другую. Поэтому дело с печатанием все время тормозилось. В перерывах между снятием с одной квартиры и установкой на другой, приходилось пользоваться гектографом.

Весной 1905 года типография была переведена в „Ямщину". На этой новой квартире „для отвода глаз" была помещена портняжная мастерская.

„Во время печатания портные работали на швейных машинах, заглушая, таким образом, стук печатного станка" — говорит в своих воспоминаниях тов. Гольдин.

Но и здесь не удалось долго работать. Жандармы снова наладили слежку, и типографию опять нужно было перетаскивать на следующую квартиру. В этот же период хождения типографии по разным квартирам, пришлось прибегнуть к следующему способу.

Приходит в комитет член организации Киселев и говорит:

— Дайте мне шрифт, и я налажу типографию на своем хуторе.

У него был хутор в Рославльском уезде около местечка Стодолище. Комитет согласился. Киселева снабдили шрифтом и другими принадлежностями и материалами, дали текст воззвания, и он отправился. Через некоторое время листовка была готова. Но такой способ печатания был неудобен, — хутор Киселева находился довольно далеко от Смоленска, сообщение с Киселевым было затруднительно и шла медленно всякая передача материалов. Поэтому пришлось снова думать о перенесении типографии в город. И вот придумали... женить Киселева, чтобы иметь легальную „семейную" квартиру. Невестой и женой „поручили" быть работнице катушечной фабрики — Фене. Комитет ассигновал на

„свадьбу“ 10 руб. Нашли попа, который без надлежащих документов „окрутил“ эту парочку.

Попу заплатили за венчание десятирублевку—и дело готово. Затем подыскали для „новобрачных“ подходящую—„семейную“ квартиру и в ней поставили типографию, конечно, очень примитивного устройства и оборудования. Печатание опять началось. Только „новобрачным“ было не особенно весело—им запретили ходить на нелегальные сходки, митинги, кружки и т. п. и вообще не встречаться с социал-демократами, чтобы не навести снова жандармерию на след.

Работникам типографии трудно было мириться с таким режимом, но в интересах дела, они его по возможности выполняли, поэтому полиция так и не могла нащупать место нового источника революционных прокламаций, которые вылетали из этой „семейной“ квартиры.

Шрифта для печатания вполне хватало. Рабочие смоленских типографий часто использованные уже колонки „Смоленского Вестника“ и в неразобранном виде таскали в комитет. Так, например, один из рабочих Губернской типографии Э. П. Висневский притащил однажды целый пуд петиту.

Эта типография помещалась на Витебском шоссе. Впоследствии ее перевели на 3-ю линию Солдатской Слободы в дом Ольшевского, где она потом погибла от пожара.

Вопросы организации типографии, хранения и распределение литературы до 1905 года ложились обыкновенно на плечи одного из более деятельных членов комитета—Анатолия Гейн. Жил он в мезонине дома Ланина, напротив Одигитриевской церкви. Этот мезонин служил своего рода складом нелегальной литературы. Анатолий Гейн жил также „затворником“, редко когда выходил и к нему мало ходили, только по делам литературы и всевозможной „техники“.

После провала организации и разгона массовки на „Бабьей Горе“, 6 августа 1905 года, Гейну пришлось, однако, перекочевывать и очистить свою квартиру от нелегальной литературы, вследствие опасности налета жандармерии. „Очистить“ квартиру поручено было т. Бродову. Он в несколько приемов перетащил всю „нелегальщину“ на квартиру своего отца по Кадетской улице (теперь Социалисти-

ческая), в столярную мастерскую. Эта квартира оказалась более удобной, так как она была завалена стружками, опилками, материалом. Пол в этой мастерской устроили такой, что он поднимался и под ним лежали груды нелегальной литературы, типографские части, краска, оружие, нагайки, знаменитые оловяные перчатки, отлитые в собственных формах, которыми иногда, в целях защиты и нападения, социал-демократы ловко и основательно угощали сыщиков и полицию.

На дворе этого дома была вырыта под досками большая яма, в которой стоял ящик, наполненный литературой.

С сентября 1903 г. по март 1904 г. в Смоленске находилось транспортно-техническое бюро ЦКРСДРП.

Для получения и распределения литературы, а также и для всевозможных „явок", снабжения документами, в Смоленск был прислан В. Н. Соколов. Подробно постановка этого дела описана им в книге „Техника большевистского подполья" [1]). Там много интересных эпизодов, рассказывающих о том, как перетаскивали литературу с квартиры на квартиру, как хранили, как таскали ночью шрифты, насыпанные в старые штаны, и пр. Но наряду с этим даются и некоторые сведения из жизни самой организации.

Между прочим, указывается ряд лиц, которые работали тогда в Смоленске. Из местных социал-демократов, как активные работники, упоминаются: учитель духовной семинарии Лебедев (умер), статистик Семенов, В. В. Дмитриев (статистик), Пилецкий, Гейн, Голубков (врач).

Работу по транспортно-техническому бюро вели, кроме уже упомянутого Лебедева, Е. А. Калита, А. Н. Катцева, Штернберг (Марфа) и некоторые другие. Явочные квартиры были в квартирах доктора М. Т. Кушнера, присяжного поверенного Глинки И. Л. и д-ра Хайкина.

В это же время существовала и живая связь с центром.

В Смоленск часто приезжал из ЦК т. Дубровинский (Иннокентий), Носков, Щеколдин, Компф, Смирнов И. Н., Шинман, Стасова и др. Они здесь получали явки и документы.

---

[1]) „Техника большевистского подполья" изд. Истпарта ЦК РКП (б) Соколов В. Н. Транспортно-техническое бюро ЦК стр. 28.

Вся литература шла тогда из-за границы через Феликса, или „папашу“ (Литвинова) из Риги. Он также бывал часто в Смоленске. Иногда литература также получалась из Баку, где работал в то время Л. Б. Красин

В работе транспортно-технического бюро было много рискованных моментов, грозивших провалом организации „техники“, арестом и т. д.

Но опытный конспиратор, В. Н. Соколов сумел во время предупредить уже невольно складывающуюся „известность“ и уехал в Поволожье.

Вместо Соколова руководителем транспортно-технического дела в Смоленске был оставлен А. П. Голубков [1]).

Но и А. П. Голубкову не долго пришлось работать в Смоленске. „Оживившаяся работа,—говорит т. Голубков [2]),—большое количество литературы, проходящей через Смоленск, переписка, передвижение людей в разных направлениях, появление большого количества нелегальных, разыскиваемых полицией в таком тихом городе, как Смоленск, неизбежно должны были показаться подозрительными.

Уже стали появляться какие-то предостерегающие признаки. То к хозяйке квартиры Марка—квартиры строго законспирированной,—приходил какой-то подозрительный субъект и расспрашивал о жильце, то меня предупреждают об обыске. У кого-то на периферии был уже обыск. Сочувствующие либералы начинают проявлять чрезмерную осмотрительность. На улице какой-то товарищ неосторожно остановил меня для разговора, и я сейчас же увидел некоего „третьего“, путавшегося около нас. Очевидно „весна“ Святополк-Мирского несколько расслабляюще подействовала на наши конспиративные приемы“.

Таким образом, и Голубкову угрожала опасность быть пойманным. Так на самом деле скоро и оказалось.

А. П. Голубков рассказывает:

„В последних числах декабря, ночью, я проснулся от стука в дверь. На мой вопрос: „кто это?“—кто-то за дверью представился: „местный полицейский пристав“.

Я начал сжигать бывшее при мне шифрованное письмо, все время обещая—„сейчас отопру“.

---

1) Теперь член коллегии Наркомздрава.

2) „Техника большевистского подполья“, выпуск I, стр. 197.

Но нетерпение у пришедшего было так велико, что он стал сильно дергать дверь, она, наконец, поддалась и каким-то образом открылась. Ворвавшемуся первым, жандармскому полковнику стоило сделать от двери только один шаг, чтобы схватить с опасностью для своих пальцев еще горевшее письмо. На обуглившемся краешке письма видны были какие-то цифры, из чего можно было заключить, что письмо шифрованное, но больше разобрать ничего нельзя было“.

Таким образом, Голубков оказался в тюрьме. Вслед за ним был арестован также и Марк (А. П. Любимов „Летнев“). Он был арестован по приезде из Киева, на вокзале.

В 1905 году социал-демократическая организация насчитывала в Смоленске 230 человек, как сообщается, например, в № 103 „Искры“ за 1905 год. По принятому к этому времени уставу организации, она делилась на 3 района: профессиональный, фабрично-заводской и военный. При этом, военный район являлся автономной единицей при организации; он имел свою кассу, технику и печать и управлялся своим районным комитетом.

Из того же устава[1]) ясно видно, что организация возглавлялась меньшевиками, хотя большевики имели иногда большое влияние.

Первый параграф устава, в котором говорится: „Членом организации считается всякий принятый товарищами в свою среду“ и т. д., ясно показывает о перевесе в данном случае влияния меньшевиков.

В этом параграфе ничего не говорится о работе членов партии, а действительным членом признается только платящий членские взносы (не меньше 20 коп. в месяц), признающий программу партии и посещающий аккуратно организационные собрания.

Однако, влияние меньшевиков в 1905 году не было полным. Мы знаем, например, из сообщений Соколова В. Н. в книге „Техника большевистского подполья“ т. I, что после II с'езда партии в Смоленском Комитете частенько происходили дебаты на счет разногласий, „дирижерской палочки“ (Ленина) и т. д., в которых не все были согласны с меньшевистским взглядом на партию. Дело все заключается в

---

[1]) См. Приложение № 11.

том, что если „коренных“ большевиков в Смоленске не было достаточно, которые могли-бы как следует смоленскому рабочему об‘яснить всю суть большевизма и обольшевичить самую организацию, то довольно много было большевиков, периодически появляющихся в Смоленске.

К ним мы можем отнести Иннокентия (Дубровинского), Любимова, Красикова, того же В. Н. Соколова, который, несомненно, оставил большевистский след в партийной работе и других.

Все эти товарищи заносили большевистский дух в партийную организацию, время от времени будоражали „болото“.

Но кроме этих товарищей, были и местные большевики. Первым же из них нужно отметить Борисова Ивана Петровича („Вадим“), который появился в Смоленске в 1903 году, затем убыл в другой город и снова был в Смоленске в начале 1905 года, а затем опять в начале 1906 года и попал в тюрьму вместе со всеми арестованными в социал-демократическом клубе: он там делал доклад о московском восстании, и жандармы накрыли его чуть-ли не на кафедре.

Затем идет, также часто появляющийся в Смоленске из Москвы, студент Барсов (Андрей) и его сестра Ек. Ив. Барсова. Барсов „Андрей“ участвовал затем в Московском вооруженном восстании на Пресне и умер в тюрьме после этого. К местным большевикам нужно отнести также студента Новикова („Арсений“), Гольберг („Надежда“), затем уже упоминаемых неоднократно Цейтлина и Хайкина.

Влияние этих большевиков сказывалось значительно больше, чем первых „центровиков“. Цейтлин был в то время пропагандистом.

Что же касается Исаака Хайкина, то на этой фигуре в прошлом Смоленской большевистской организации стоит несколько подробнее остановиться.

Хайкин сыграл в истории нашей организации значительную роль, и память о нем должна быть запечатлена в сознании как партийцев, так и всех беспартийных рабочих Смоленска. Вот некоторые биографические данные о нем.

Исаак Хайкин родился в 1878 году в селе Юшково Вяземского уезда. Отец его был мельником в этом селе. В Смоленск он приехал в середине девяностых годов, поступил в ученье к мастеру-обойщику мебели и после работал случай-

но в разных мастерских. Родня его, брат и сестра, были довольно состоятельные, но чуждались его, как мастерового.

В 1903 году он учился экстерном, желая получить аттестат за 4 класса гимназии. Однако, учиться, не имея материальной поддержки, ему долго не пришлось, т. к. работа перерывами, при малом заработке, влияла на успешность занятий.

В 1904 году он перебрался на квартиру к Бродову—мастеру столярной мастерской—и иногда работал у него по обойному делу. Материальное положение Исаака было настолько необеспеченное, что однажды, не имея денег на хлеб, он достал 2 бутылки из-под водки и продал их для покупки хлеба [1]).

Атмосфера и среда, среди которой Исаак находился в это время, общие условия революционного движения начинают его увлекать, и он знакомится с революционной литературой. Это чтение настолько его увлекло, что он засиживался над книгами целые сутки. От нелегальной литературы он переходит к изучению легальной марксистской литературы, а также и народнической, при чем на рабочие собрания он не ходил, заявляя, что он прежде хочет изучить и убедиться в правильности программ революционных партий, чтобы определить, в какую партию он должен вступить для революционной борьбы.

Летом 1904 года он вступает в организацию РСДРП, вполне определивши свои взгляды и сразу принимает активное участие в работе. Имея хорошую подготовку, он сразу переходит на пропагандистскую работу, занимаясь с более подготовленными и активными рабочими. Партийный раскол на большевиков и меньшевиков начинает отражаться в Смоленской организации в конце 1904 года и, несмотря, на незначительную группу большевиков, Хайкин сразу переходит на их сторону. В прениях по организационным и другим вопросам Хайкин принимает самое горячее участие.

Летом 1905 года он избирается рабочими в местный комитет, где пользуется большим авторитетом, предается целиком этой работе и становится профессиональным партийным работником, ведя партийную работу среди железнодорожников.

---

[1]) По вспоминаниям Г. Бродова.

В 1906 году, когда местная организация была разбита, многие товарищи арестованы и сосланы, Хайкин не оставляет свой пост, ведет работу среди железнодорожников и осенью избирается на партийную конференцию в Саратов. Но она была накрыта жандармами, захвачены были все материалы, а участники, в том числе и Хайкин, были арестованы. Просидев 9 месяцев в Саратовской тюрьме, он был судим и выслан в пожизненную ссылку в Тобольскую губернию.

Материальная нужда, систематическое недоедание, тюрьма подорвали его слабый организм; уже в Саратовской тюрьме у него шла горлом кровь. В ссылку Хайкин прибыл совершенно больным, и когда сосланный туда же социал-революционер Абрам Цигельман собрался бежать весной 1908 года, Хайкин по состоянию своего здоровья не мог этого сделать и через несколько недель умер.

Такова в кратких словах жизнь этого рабочего революционера-большевика, который много сделал для укрепления большевистских позиций в Смоленске и в организации революционных рабочих, главным образом, железнодорожников.

Быстро выдвинувшись на ответственную партийную работу, будучи членом комитета, Хайкин, несомненно, оказывал самое значительное влияние на подготовку и ход революционного движения в Смоленске в 1905 году.

К местным же работникам можно отнести, пожалуй, и Зезюлинского („Богдана“), теперь Каржанского, который в 1905 году также частично примыкал к большевикам, но особенно деятельно себя не проявлял. К тому же он часто выезжал из пределов губернии [1]).

Этими силами почти и исчерпывался большевистский „актив“ в 1905 году. Таким образом, небольшая группа видных большевиков в организации вела революционную борьбу.

Конечно, за этой группой шли отдельные товарищи, менее видные, на их сторону становилось в отдельных случаях большинство рабочего элемента организации, но руководство в комитете принадлежало меньшевикам, постоянным жителям Смоленска, крепко привязанным к службе в мест-

---

[1]) Теперь он вне партии.

ной статистике, в земстве, в городской управе и проч. Наверху, в комитете было главенство меньшевиков, внизу же, в рабочей среде недостаточно воспринимались партийные разногласия, поэтому там резкого деления не было. Рабочие партийцы становились на сторону большевиков только в конкретных случаях и вопросах.

Революционные выступления рабочих масс города в отдельных районах губернии шли чаще всего независимо от комитета. Примеры этому—демонстрация рабочих города Смоленска 17 января, рабочая демонстрация в Вязьме, направленная против буржуазии, ходившая не в Думу, а к тюрьме, захват рабочими ст. Рославль и т. д.

В работе смоленских большевиков необходимо указать на такой момент. Меньшевики, захватившие „власть" в комитете, не пускали большевиков на „ответственную" работу, старались не выдвигать их вперед, а как нибудь затушевывать. Поэтому-то и большевики или старались держать связь больше с большевистским центром и Москвой, как Голубков, Новиков, Барсов и др., и оттуда получать соответствующее руководство, или работать „внизу", непосредственно в рабочих массах, вдали от городского, интеллигентского комитета, как, например, Борисов и Хайкин, которые избрали себе областью работы участок Рязано-Уральской ж. д. В этой области влияние меньшевиков в 1905 г. было слабое. Центром был Саратов, в котором была сильная большевистская организация.

На Смоленском узле Борисову и Хайкину большое содействие в работе оказывали рабочие Громыко, Ерохин и др.

На этой работе и прекратилась деятельность Хайкина, а затем и Борисова. Другие большевики тоже в 1906 году разбрелись или были вырваны из рядов руками жандармерии.

Таким образом, смоленские большевики в 1905 году работали непосредственно в рабочих массах, а меньшевики занимались „руководством" и другими организационными „проблемами".

К таким фактам можно отнести опять случай подготовки демонстрации 17 января, когда комитет сговаривался с эс-эрами и бундовцами о том, устраивать ли демонстрацию

или нет. Предполагалось тогда выпустить даже прокламацию за подписью всех трех организаций.

На одном из совместных совещаний по этому вопросу было решено, по предложению эс-эров, что демонстрация невозможна. Но, несмотря на такое решение, демонстрация (даже больше—забастовка) состоялась на большинстве предприятий Смоленска.

Затем, в феврале местными черносотенцами было распространено обращение к жителям города с призывом к погрому [1]). Обращавшиеся по этому поводу рабочие и учащиеся в комитет с просьбой устроить демонстрацию протеста против погрома, получили от комитета предложение этого не делать.

Несмотря на это, 20 февраля, вечером, такая демонстрация состоялась. В 7 часов вечера рабочие прошли по главной смоленской улице (Кирочной, теперь Ленинской) с возгласами: „Да здравствует боевая организация!“ Рабочие несли красное знамя. Жандармы, однако, быстро разогнали эту манифестацию, многих арестовали и избили.

Таких примеров много, когда революционные массы выступали в противовес соответствующим „решениям“ комитета.

Повидимому, под влиянием же большевиков Смоленским комитетом в 1905 году было вынесено постановление послать своего делегата на третий с‘езд партии (большевистский) в Лондон.

Делегат из комитета выехал за границу, но в пути, должно быть, передумал и вместо Лондона, попал в Женеву на меньшевистскую конференцию.

Товарищ Бельский (П. А. Красиков) по докладу орг. ком. с‘езда тогда говорил: „Несмотря на то, что почти все имеющиеся в России партийные организации, за исключением Крымского союза и Мурманского вновь утвержденного комитета, прислали уже своих делегатов за границу, официальные высшие учреждения... при благосклонном участии Дейча, специалиста по сим делам, то есть редакция „Искры“, совершенно безнаказанно выдававшая себя за Совет партии, околпачивала тех несчастных делегатов, как,

---

[1]) Оно приводится в № 92 „Искры“ за 1905 год.

например, Сормовского, Смоленского и др., которые имеют еще наивность верить этим учреждениям [1]).

Смоленский делегат, оказывается, поверил. Но только он вряд-ли был „околпачен“; он просто „не за страх, а за совесть“ сам был представителем того „болота“, к которому относились верхушки местной социал-демократической организации в 1905 году и попал просто к „своим“.

На том же с‘езде, как известно, по предложению Тигрова (Авилова) вынесено следующее постановление:

„С‘езд выражает порицание делегатам Сибирского и Смоленского комитетов, нарушившим доверие избравших их организаций, так как они не явились на с‘езд, хотя комитеты эти высказались за с‘езд безусловно“ [2]). Кстати, о комитете. В 1905 году он состоял, по словам некоторых участников, из следующих лиц: Пилецкий, Давидович, А. С. Корасева, Н. Гейн, П. Я. Григорьев, Исаак Хайкин и И. П. Борисов. Кроме двух последних, все были меньшевиками.

Все свои ответственные решения, однако, комитет проводил через, так называемый, руководящий коллектив, т. е. собрание представителей кружков и агитаторов. А так как эти представители „низов“ имели в своем составе больше большевиков, чем процентное отношение их в комитете, то, естественно, решения комитета корректировались в большевистском направлении.

Что же касается содержания работы местной социал-демократической организации в 1905 году, то предыдущие материалы рабочего движения показывают ее характер. Это было в большинстве участие в массовках, которые иногда организовывались комитетом, а иногда независимо от него и даже вопреки его решениям. Комитет в целом недостаточно руководил рабочим движением.

На такие массовки, как на „Бабьей Горе“, первомайские и другие, комитет высылал, обыкновенно, своих представителей, которые выступали с речами, резолюциями и т. п.

Но больше деятельности было внизу, в рабочих кружках. Там проявлялось больше инициативы, там формировались рабочие требования, там поднимались различные манифестации и т. д.

---

1) См. протоколы 3-го с‘езда РСДРП стр. 55.

2) См. там же, стр. 113.

Возьмем для примера такой факт. Один рабочий булочник, С. И. Петухов, совсем малограмотный, работал в 1904 году в городе Рославле в местной социал-демократической организации. За организацию стачки булочников в Рославле, за руководство ею и за то, что, несмотря на все упорство хозяев не давать рабочим воскресного отдыха,—отдых был вырван в результате напряженной борьбы, Петухов не был арестован, но зато жестоко избит.

Его одного группа полицейских захватила в безлюдном месте, под „Бурцевой Горой“ и до полусмерти избила.

Но этого мало. Петухову грозил еще арест. Тогда он бежал в Смоленск. Здесь он связался с партийной организацией и со смоленскими хлебопеками.

В своих воспоминаниях Петухов пишет: [1])

„Мы, пекаря, организовали у себя квартиру безработных на Резницкой улице и стали проводить нелегальные собрания, разрабатывая свой рабочий план без руководителя от РСДРП.

Вскорости нас стали преследовать полицейские, и мы оставили квартиру на Резницкой и перешли в Симонов переулок, где опять стали продолжать работу“.

Но и эта нелегальная квартира была провалена провокаторами.

„Я скрывался две недели,— рассказывает дальше т. Петухов,—а затем снова решил собрать своих профессионалов—рабочих, устроить подпольную сходку. На нее был приглашен и С. В. Сбитников. Здесь опять разрабатывали вопрос о нелегальной работе булочников“ и т. д.

Следовательно, часто, без всякого участия руководящего центра партийной организации, рабочие терпеливо, настойчиво делали свое дело пролетарской борьбы с предпринимателями, вырабатывали „свои планы“, будучи неграмотны, общественно неразвиты, но зато достаточно терпеливы и упорны в своей борьбе.

Иногда на такие рабочие кружки приглашались представители руководящей головки или видные партийные работники—интеллигенты, иногда сами находили верные пути своей организации. Во всяком случае достаточного руковод-

---

[1]) Хранятся в рукописи в Смоленском Истпарте.

ства низовыми ячейками со стороны комитета, повидимому, не было.

После 17-го октября 1905 года работа организации, несомненно, оживилась. Участились митинги, демонстрации, пошла организация профессиональных союзов и партийных клубов.

С этого времени, собственно, и выросла партийная организация до 300 человек. Раньше, насчитывалось может быть, только 100—150 человек.

Как проходили митинги, мы уже частично отмечали в предыдущей главе. Здесь же можно отметить, что социал-демократы на них имели безусловное преобладание.

Социалисты-революционеры, как известно, центр своей деятельности имели в деревне. В городе их было не так много. На общих открытых собраниях они имели некоторое влияние, но подавляющее число рабочих и ремесленников шло за социал-демократами.

Кроме того, в Смоленске в 1905 году и раньше была довольно сильная бундовская организация, которая также вела энергичную работу среди еврейских ремесленников и рабочих, а также „Поалей Цион".

В период революционного под'ема она тоже говорила революционным языком, но более развитые еврейские рабочие шли за социал-демократами.

У бундовцев также, как у социалистов-революционеров, был образован после 17-го октября свой клуб. Организация клубов началась непосредственно после издания манифеста 17 октября. Клуб социал-демократов был открыт на Соборной горе, при чем помещение было снято на имя частного лица—Давидовича. Юридически ни полиция, ни городской голова—Рачинский не признавали такой организации, но когда вынуждены были считаться с фактом существования его, то уже не могли на первых порах закрыть, так как еще не знали формальных поводов для этого. Правда, по распоряжению полицеймейстера, социал-демократический клуб несколько раз закрывался за короткий период своего существования, но скоро снова возобновлял свои действия, так как полицеймейстеру и городскому голове докладывали, что партийные клубы существуют вполне законно

в Москве и Питере и нет никакого основания притеснять их в Смоленске.

Конечно, все это было только до поры до времени, пока революция в городе не была задавлена. Тогда и все созданное этой революцией, в том числе и клубы, было разрушено.

В ночь с 5-го на 6-е января 1906 года все клубы—социал-демократические, с.-революционеров и бундовцев—были закрыты и все, захваченные в них, члены партии арестованы.

В заключение необходимо указать, что смоленская социал-демократическая организация в 1905 году распространяла свое влияние также и на расквартированные в Смоленске воинские части.

Здесь были полки: Софийский, Капорский, Нарвский и Невский, а также входящая в дивизию артиллерия. До 1905 года сведений о работе в войсках не встречается. В то же время выделяется уже специальная организация по работе в войсках, которая организационно оформляется, как „военный отдел“, работающий по особому, предусмотренному в уставе организации, положению. Но такая организация, по-видимому, оформляется только к концу 1905 года. Что же касается начала года или первой половины его, то в направлении социал-демократической революционной пропаганды в войсках работали отдельные товарищи, посылаемые туда со специальными поручениями,

Как шла работа до лета—нам недостаточно известно, но с июня месяца уже все чаще начинают встречаться известия о собраниях, сходках, о распространении прокламаций в расположении воинских частей.

В июне уже, на общей сходке в квартире присяжного поверенного Иогансена, было некоторое число военных (на этой сходке, по данным местного жандармского управления, присутствовало всего до 100 человек).

На других собраниях также все больше и больше начинают встречаться солдаты. К июлю социал-демократическая пропаганда расширяется: комитет РСДРП уже выпускает специальные для солдат прокламации, которые с успехом распространяются в войсках.

Социал-демократы призывают в них солдат стать на сторону революционного народа и повернуть ружья против угнетателей—царской полиции, помещиков и капиталистов.

В этом отношении очень характерна „Памятка солдата“, написанная с большим чувством и в агитационном отношении особенно удачная [1]).

Что же касается сходок, то они в июле месяце уже носят вполне организованный характер и собирают большое число солдат. Так, 23 июля в одном из многочисленных смоленских оврагов была обнаружена, небольшая, правда, сходка солдат, на которой рядовой Копорского полка Ильин раздавал революционные прокламации и другие издания. Социал-демократического направления были: программа работников—Лассаля, „Всероссийское Учредительное Собрание“, „Программа РСДРП“, принятая на 11 с‘езде партии, „Московский рабочий листок“ № 9 и др. Этот пропагандист Ильин был, однако, арестован по доносу некоторых солдат.

А на другой день, 24 июля, более широкая сходка произошла в районе другого—Нарвского полка, где также раздавалась революционная литература и велись беседы с солдатами. Тут случилась та же история: два ротных фельдшера—Барышников и Выхорев сознательно выдали это собрание, благодаря чему было арестовано 20 человек, большинство из них партийные работники.

Солдат в это время, между прочим, ни одного арестовано не было: они, хорошо зная местность около своих казарм, сумели все благополучно скрыться. При аресте этой массовки была также стрельба, в результате которой на месте собрания остался один убитый участник массовки, рядом с которым лежало много прокламаций [2]).

Таким образом, и „военный отдел“ местной организации в 1905 году разворачивал работу, но, несомненно, к разгару революции он не успел много сделать.

---

[1]) См. Приложение „Солдатская памятка“.

[2]) Смотри приложение № 9.

VII. Либеральная буржуазия.

Как известно, революционные настроения перед 1905 годом и в 1906 году захватили и либеральную буржуазию, в особенности земские круги. Это было время так называемых „банкетов“, на которых обсуждались желательные формы государственного управления (конечно, с точки зрения буржуазии) и вырабатывались программные предпосылки будущей кадетской партии.—Буржуазии нужна была большая широта действий, которые ограничивали бы русское самодержавие, и она начинала будировать вопрос об участии в государственном управлении.

Эти настроения не прошли мимо смоленского земства, которое к концу 1904 года вынесло их на заседание земского собрания.

В этом отношении показательно заседание 7 декабря 1904 года, на котором развернулся вопрос о „неустройствах“ русской жизни и о том, как земцы должны реагировать на эти неустройства [1].

Гласный Н. Н. Опочинин так поставил вопрос:

„Я не могу молчать сейчас о том, о чем говорит вся Россия, не могу безучастно пройти мимо того тяжелого

[1]) Земство в Смоленске было в 1905 году, безусловно, реакционным. Для подтверждения этого, достаточно видеть список гласных, которые „задавали тон“.

Редакционная комиссия земского собрания состояла из следующих лиц: Н. А. Хомяков, К. П. Энгель, А. З. Танцов, В. М. Вороновский Н. Н. Лопатин, В. П. Рачинский, А. Г. Лелюхин, К. В. Герасимов, князь В. М. Урусов, граф И. А. Уваров, В. Н. Нахимов, князь Друцкой-Соколинский; ревизионная комиссия: М. В. Герасимов, З. П. Ельчанинов, А. М. Тухачевский, В. П. Муромцев, П. Д. Шредерс, И. Н. Дурново, П. И. Цызырев, Н. О. Воейков, В. М. Воронец, В. И. Римский-Корсаков, Это все цвет смоленского помещичьего дворянства, которое, конечно, по существу ничего революционного иметь не могло, но которому все же нужно было больше политических прав и льгот. (См. журнал земских собраний за 1904 год, Смоленск).

времени, которое мы переживаем. Я, старый гласный, в своей общественной деятельности к достижению цели всегда шел легальным путем, на улицу я не пойду—этот способ действий я отрицаю,—но сейчас в месте, где я должен говорить, я не могу молчать о тех неустройствах, которые окружают русскую жизнь, о тех угнетениях, которые испытывает не только личность, но и „общество,—угнетениях, которых невозможно избежать и нет сил, средств и возможностей довести до сведения верховной власти“.

Дальше он говорит об отсутствии единения власти с народом, о полной „невозможности для нас довести до сведения источника всех властей о наших неустройствах, желаниях и нуждах“.

„Мы не имеем права молчать и обязаны высказать верховной власти, что нами чувствуется, что нам необходимо“.

После этого заявления и развернувшихся затем прений, было решено передать этот вопрос, для составления по нем резолюции, в специальную „соединенную комиссию“. Этим дело, конечно, не закончилось. Когда соединенная комиссия что-то выработала по вопросу о „неустройствах“ и представила на утверждение общего собрания земских гласных, то председатель собрания, предводитель дворянства, князь Урусов, не огласил резолюции. Это было 10 декабря. Урусов заявил, что губернатор приказал этот вопрос не разбирать и запретил резолюцию также печатать в журнале земского собрания (губернатором тогда был Н. А. Звегинцев).

Такое заявление подействовало на самолюбие гласных—„протестантов“ и 11 гласных заявили официальный протест, а другие—о своем выходе из состава комиссии настоящей сессии.

В числе их были: М. В. Герасимов, А. И. Ляшкевич, И. А. Вакар, К. Л. Антушевич, В. П. Муромцев, М. Н. Яновский, В. И. Римский-Корсаков; затем—Энгель, Вороновский, В. М. Лопатин, Рачинский, Давыдов, Бегичев, Герасимов, Н. В. Вороновский, А. М. Микулин.

Другие стали присоединяться и к протесту, и к выходу из состава гласных. Это были: Лебедев, Лесли, Г. М., затем Печковский и т. д. Только Н. А. Хомяков призывал к „благоразумию“ и к работе.

Даже секретарь Н. С. Котиков заявил, что он настолько взволнован и расстроен, что не в состоянии вести протокола и отказался. Его заменил более, повидимому, „крепкий“ Воейков (13 декабря). Таким образом, из состава 58 гласных вначале, после этого „инцидента“, осталось только 39, которые продолжали „работать“.

Так „бунтовало“ земство в конце 1904 года.

А в 1906 году, после пронесшегося вихря революции, земство устроило еще маленький „бунт“, который тоже характеризует настроение либеральной буржуазии.

Это было на заседании 31 января 1906 года. Председательствовал тот же князь Урусов.

Во время заседания прибывает гласный Глинка, которого встречают апплодисментами—он был арестован и через несколько дней выпущен на свободу.

Тогда гласный Пржевальский вносит в собрание письменное заявление от имени 16 гласных:

„В заседании сего 31 января впервые принимает участие гласный Духовщинского уезда Н. И. Глинка, только что освобожденный из-под стражи после 11-дневного заключения в Вяземской тюрьме. Задержанный жандармской полицией, почтенный губ. гласный лишен был возможности исполнять обязанности земского врача и гласного

Кроме гласного Глинки, за последнее время администрацией задержан и удален от службы целый ряд важных деятелей, не исключая и гласных. Губ. земское собрание, в интересах земского дела и гражданской свободы, провозглашенной манифестом 17 октября 1905 года, не может обойти молчанием эти факты административного произвола. Ввиду изложенного, мы имеем честь предложить губ. собранию:

1) Приветствовать гласного Н. И. Глинку с возвращением к активной земской работе.

2) Занести в журнал сегодняшнего заседания выражение горячего протеста губ. зем. собр. против многочисленных случаев ареста и удаления от должности гласных и служащих уездных и губернского земства, как мер административного произвола, делающих невозможным мирное течение земской жизни“.

Подписали: Граве, Пржевальский, Рустицкий, Лесли, Муромцев, Губкин, В. Корсаков, Н. Лопатин, П. Микулин.

Фон Вейдлиг, Печковский, Садовский, М. Лебедев, И. Полуэктов, Н. Котиков, А. Ляшкевич.

На недоумение Логвиновича (помещик Вяземского уезда), что вопрос ставился так, как будто только гласные подвергаются этим мерам административного произвола, Пржевальский ответил, что гласные с‘узили свою задачу в целях ограждения мирного течения земской жизни, но они ничего не имеют против широкой постановки вопроса.

А. Лелюхин же доказывает, что аресты необходимы и, хотя есть закон 17 октября, но он был понят значительной частью населения, как право анархии и произвола. Другие гласные оправдывают позицию 16 гласных, ссылаясь на то, что административный произвол вошел в систему: Глинку арестовали, продержали в тюрьме, выпустили, но заниматься врачебной практикой в Сычевском уезде не разрешают. В Гжатском уезде арестован учитель, выпущен, но от должности удален. Агроном Гжатского уезда Шапошников—тоже.

Таким образом, к чему же сводились требования земцев? К ограждению их, как представителей буржуазии, от монархического административного произвола и к завоеванию парламентских форм участия буржуазии в политической жизни.

Революцией, конечно, здесь и не пахнет. Мы, мол, „не пойдем на улицу“. Конечно, они не пойдут. Им революция не нужна, но им нужно определенное участие в управлении страной.

И они революции боятся, как „анархии“ и произвола. Административные меры борьбы с революцией—это „произвол“, но сама рабочая и крестьянская революция—тоже „произвол“.

Нужна благонамеренная середина—власть буржуазии в парламентских „европейских“ формах.

Но особенно выразительна речь В. П. Муромцева, который основательно развивает свои взгляды.

Он присоединяется к заявлению 16 гласных и мотивирует необходимость заявления невероятным циркуляром М Вн. Д., которым предписывается арестовывать и ссылать тех, кто судебной властью признается невинным.

Гласный убежден, что не должны остаться глухими теперь, когда попрано все, когда от арестов, расстрелов,

виселиц, тюрем, не гарантированы самые мирные и невинные граждане. При предстоящих выборах в Государственную Думу целые группы населения не смеют собраться, не смеют пикнуть.

„Говорят, что есть какие-то списки, по которым арестовывают, но тогда становятся понятными и списки с противоположной стороны. Убийства, которые производят революционеры, оправдываются тем, что совершается противной стороной. Произвол стал выше закона. Суд говорит: „освободить“, а произвол приказывает заключить в тюрьму. Пусть судит суд, пусть он налагает какие угодно казни, но лишь бы не делалось это без суда, по произволу“.

Во всех этих словах Муромцева звучит твердое требование буржуазной законности. Только так ее приходится понимать.

Публика, присутствовавшая в зале, апплодирует, ободряет оратора криками. Председатель делает публике „предупреждение“ и дает 10-минутный перерыв, чтобы страсти немного улеглись.

После перерыва прения возобновляются. Первым выступает г. Логвинович, который упрекает Муромцева в „шатании“: 2 месяца назад он предлагал земству уступить свои функции крестьянскому союзу, а теперь уже смирился и протестует только против арестов.

А вяземский помещик самодур и аристократ Дурново, так тот в простоте душевной (вернее, монархической) заявляет, что протест бессмыслица; что администрация действует на основании законов, которые не изменены. Единственное, что можно допустить—это ходатайствовать об изменении „неудобных“ законов, а в общем же, протест 16 гласных, как абсурдный, отклонить. В результате 30 голосами против 28 заявление гласных передается в комиссию, которая 2 февраля оглашает выработанное ею постановление:

„Не отрицая печальной необходимости административных мер, вызванных смутами и отсутствием законов, регулирующих свободы, возвещенные манифестом 17 октября, земское собрание выражает протест против применения административных арестов, ссылок и удаления от должности без пред‘явления лицу точных оснований к применению того или иного административного воздействия.

При этом собрание полагает, что недостаточно обоснованное применение административных мер, большею частью, служит не к умиротворению общественного настроения, а к вящшему его возбуждению".

Вот перл буржуазного творчества, вскрывающий нагляднейшим образом, сущность этого класса. Получается такая программа:

1) Административный произвол нужен, так как он подавляет смуту, но он не должен распространяться на буржуазию.

2) Отсутствуют законы, которые регулировали бы „свободы" 17 октября, иначе говоря, сводили бы на нет эти свободы, и что эти „регулирующие" законы, следовательно, нужны.

3) Необходимо, чтобы арестованным пред'являли точные основания обвинения и административных кар, иначе говоря, чтобы вешали деликатнее, не так просто и грубо, а с соблюдением буржуазной законности.

4) Ничем не прикрытый произвол усиливает смуту (революцию), а потому борьба с таким произволом есть борьба с революцией.

Вот какой получается порядок умозаключений либерального буржуа. Дальше гласный Лебедев откровенно заявляет буквально следующее: „Действия администрации революционируют население, и против этого земское собрание обязано возвысить свой голос".

А Логвинович с обиженным видом заявляет, что действия „крайних партий" ведь хуже административного произвола, так как видите ли, какое утешение для лиц, приговоренных к смерти тайными трибуналами „крайних партий" без суда и следствия о казненных, как это было со смоленским гражданином—Котовым (купцом) и многими другими".

Лелюхин стоит за административные меры потому, что очень он боится разгрома имений; в программе крестьянского союза стоит пункт о насильственном захвате помещичьих земель, „а если эти средства окажутся недействительными, то агитаторы угрожают сжигать по жребию помещичьи усадьбы".

Все эти мысли только лишний раз подтверждают то, чем жила либеральная помещичья буржуазия в 1905 году—

именно, что с революцией надо бороться, во что бы то ни стало, но, в то же время, необходимо стремиться к буржуазной законности, которая бы облекала в „приличные“ европейские формы власть буржуазии.

В этом—смысл земских прений в 1906 году.

Но это не все. Несмотря на хорошо, полно выявленные в резолюции стремления земских дельцов в сторону ликвидации революции и установления буржуазного правопорядка, эти скромные требования не прошли.

Князь Урусов ставит на голосование резолюцию 18 гласных: 24 голосами против 18—тоже отклоняется. Что же осталось?—ничего.

Что же касается городской либеральной буржуазии, то она также, предчувствуя надвижение революционного народного гнева против вековых эксплоататоров, спешила, со своей стороны, что нибудь „делать“, чтобы выиграть, в конечном счете, от революции.

И мы видим, как, например, вновь избранный городской голова Рачинский в своей декларации после избрания, перечисляя все нужды городского хозяйства, не забывает остановиться и на „общем положении“ страны. Он говорит, что „борьба партий“ выбила нашу жизнь из обычной колеи, „наша жизнь сводится к вопросу о войне и внутренней смуте“, что „ряд неудач на войне, ряд погромов, бунтов и беспорядков внутри государства натянули и напрягли наши нервы и до крайности душа наша полна горькой обиды, сердце наше надрывается от нанесенных глубоких ран“.

Отчего же г. Рачинский страдает? Оттого, что он понял, что „спасти Россию от надвигающейся грозы, от полного разорения в состоянии только сам народ. Стало очевидно, как гибельна была для России оторванность ее народа от управления страной“.

Видите, к чему клонит Рачинский—к необходимости представительного управления страной, т. е. к тому, чтобы буржуазии получить больше власти в стране.

„Все общественные элементы, по большой части, высказались в этом духе“—говорит дальше он и добавляет:

„Наша священная обязанность стать в ряды усердных работников государственного строительства и указать по

мере сил и разумения путь к мирному выходу из настоящего хаотического состояния".

„Однако, тучи, повидимому, все сгущаются, надвигающаяся гроза уже недалека; не дать ей распространиться страшным ураганом, громами и молнией должно быть горячим желанием каждого гражданина. Громоотвод уже установляется, но установляется слишком медленно,—как бы не было поздно"...

Громоотвод, это—народное представительство. Вот чего хотела эта либеральная буржуазия, которая так энергично протестовала против административного произвола, против государственного бюрократизма. Она даже в газете вводила такой заголовок над сообщениями мероприятий правительства: „В бюрократических сферах" [1]). Она хотела превратить революцию в мирное завоевание буржуазных прав и это завоевание видела в „громоотводе"—представительном управлении.

Но гроза надвигалась, громы и молнии уже потрясли народные низы. Буржуазия же металась между двух огней—народным восстанием и правительственным административным нажимом. До каких нелепых вещей доходило это лавирование, показывает следующий, между прочим, факт, происшедший в стенах городской думы 2-го августа 1905 года.

Когда в Смоленске широко разлилось революционное движение как в городе, так и в деревне, правительство прислало в город для усмирения и „на всякий случай" казаков. Городской управе предложено было разместить их по городу, в крайнем случае—выстроить соответствующее помещение. Вопрос был поставлен 2-го августа на заседании Думы. Тогда встает гласный Квасков и говорит: нужно ходатайствовать об удалении казаков из Смоленска, мотивируя это тем, что казаки, призываемые для установления порядка, чинят насилия над жителями.

На собрании Думы присутствовало на этот раз много посторонней публики, много рабочих и ремесленников. Речь Кваскова была встречена апплодисментами публики, наполнявшей хоры и даже часть залы заседания. Председатель Рачинский пробовал уговаривать публику „быть любезной,

---

1) См. газету „Днепровский Вестник" за 1905 г.

быть столь доброй—позволить гласным заниматься своим делом и не вмешиваться в прения".

Но публика не унималась и возражения Кваскову со стороны гласного Гаккеля были встречены оглушительным свистом. Затем апплодисменты и свисты чередовались: когда говорил Квасков, речь его сопровождалась рукоплесканиями, когда пытался говорить Гаккель, его прерывали свистом и шиканьем. А председатель собрания настолько растерялся, что никого не унимал и не приводил в порядок заседание.

В результате 21 гласный ушли с заседания, возмущенные таким поведением председателя и публики и подали на это жалобу губернатору. На жалобу этих гласных (повидимому, наиболее реакционных) в местной печати последовали возражения других гласных, оставшихся на заседании. Полемика продолжалась долго.

Это показывает, что местная буржуазия лавировала. С одной стороны, она желала бороться с административным произволом и потому демонстративно не хотела размещать казаков, с другой стороны—боялась далеко заходящих выражений революционных настроений местных рабочих и ремесленников.

На указанном заседании Думы 2-го августа было принято постановление об уводе из города казаков, но это, конечно, ничему не помогло. Мы знаем, что уже 6 августа в Смоленске произошло побоище со стороны пьяных казаков —собравшихся за городом рабочих, на так называемой „Бабьей Горе", и г. гласные ничего не сделали не только для предотвращения этого побоища, но и для помощи избитым рабочим и работницам.

Так подвизалась „на революционном" поприще местная либеральная буржуазия.

Другая, более реакционная часть местной буржуазии действовала совсем иначе. Она была в полном согласии с властью и помогала ей всеми способами в борьбе с „крамолой". Мы уже знаем, как действовала такая буржуазия через банды своих черносотенцев, „Союз Русского Народа" и т. д.—в Рославле, Вязьме и Смоленске Но, кроме их был и еще один оттенок организации буржуазии, это, так называемая, партия „Свободы и порядка".

К этой „партии“ у нас относилось, главным образом, местное купечество. Между прочим, в партию входил и деятельное участие в ней принимал купец Котов, председатель местного общества хоругвеносцев, церковный староста смоленского епархиального училища и бывший староста В.-Георгиевской церкви. 31 декабря, вечером, в своей лавке, на Покровской горе, он был убит из револьвера группой лиц в масках. При этом характерно, что убийство было произведено не с целью грабежа, т. к. деньги в лавке оказались целы. Значит, почтенный „деятель партии“ „Свободы и порядка“, повидимому, не пользовался особенно хорошей репутацией, раз на него было организовано такое нападение[1]).

Председателем организационного комитета партии был князь Урусов—губернский предводитель дворянства. Значит, в нее входил также и „цвет“ дворянства. Из этого одного мы можем заключить о „смычке“, которая тогда устанавливалась между дворянством и буржуазией. Об этом же говорит и целый ряд других фамилий, например, священник Соколов, известный черносотенец в Смоленске; затем идут такие „величины“, как Андион, Зыков, Танцов и другие—смоленские домовладельцы, купцы и помещики. Понятно, что в этом „сообществе“ было больше первых—наиболее темных, грубых и невежественных представителей местной буржуазии и кулачества.

Особенно энергичную деятельность эта партия у нас проявила в период до разгрома революции, хотя и в разгроме она принимала не малое участие; это участие сводилось обыкновенно к организации противореволюционных демонстраций и погромов. Это она шла обыкновенно с хоругвями и царским портретом навстречу рабочим, когда те выбрасывали красный флаг и пели революционные песни; это она кричала в толпе: „бей жидов“; это она неоднократно пыталась организовать в Смоленске погром „евреев, студентов и гимназистов“, который, однако, всегда предотвращался смоленскими рабочими, организованными в боевые дружины.

Но интересно посмотреть на работу „партии“ в ее „тесном кругу“, в ее быту. Вот, например, как проходило собрание партии. Кстати сказать, оно происходило в здании

---

[1]) Это убийство было совершено местными анархистами.

Уездной Земской Управы. Повидимому, не один земец был душой в этой партии [1]).

Это собрание было 3 января 1906 года. Открыл собрание князь Урусов с заявлением и сожалением о безвременной кончине „от руки злодея" члена партии—Котова. А затем начинается „самое интересное".

Священник Нижне-Никольской церкви Николай Соколов прочел реферат о „социализме".

Содержание „реферата" таково: Есть такие общества, которые проповедуют социализм. На знамени их написано: Любовь, Братство и Равенство. Социалисты желают добра всем людям, в особенности же бедным, неимущим классам. Их яркая, талантливая проповедь имеет успех в народе, а также у учащейся молодежи. Они проповедуют идеалы, тождественные с идеалами христианства, но в то же время отрицают проповедь православной церкви. Это потому, что идеалами христианства социалисты только прикрываются. На самом деле в основе их учения лежат эгоистические цели; они сеют раздор и вражду, совершают убийства. Доказательства: в семьях, где привилось социалистическое учение, дети, до этого кроткие и послушные, превращаются в дерзких и злых. Социалисты хотят отнять у помещиков землю, у богачей—фабрики в пользу крестьян и рабочих. Они хотят лишить людей того, с чем они сжились на протяжении нескольких лет. Они из всеобщего неудовольствия хотят сделать мир, из зла—любовь; непонятно это.

В заключение священник Соколов выражает надежду, что это учение, называемое социализмом, не привьется на Руси.

„Отцу" Соколову непонятно, как это социалисты сделают из зла любовь, но ему очень понятны возможность и зло потери помещиками земли и капиталистами—фабрик, „с которыми они сжились на протяжении многих лет".

Попу понятно также и то, что, вместе с падением господства капитала падет и духовное господство попов—верных слуг буржуазии и самодержавия.

Интересна на этом собрании одна подробность. Господин Андион заявляет, что его в печати (и всю их партию)

---

[1]) См. „Днепровский Вестник" № 5 за 1906 г.

обвиняют в призыве к насилию, и Андион доказывает, что этого нет. Ведь они каждое свое собрание начинают и кончают молитвой. Да и на чем, собственно, основываются эти „обвинители“?—Только на том, что он, Андион, однажды публично декламировал стихотворение, которое заканчивалось такими „прелестями“:

„Вставай, подымайся русский народ,
Настало тяжелое время,
Смело иди, с Богом иди вперед
И сотри революции бремя“.

Ну, где же тут призыв к насилию?..

Под святую молитву, с крестом в руках, с портретом самодержца, громи революцию, бей „жидов“, пори и расстреливай рабочих и крестьян.

Это называется—„сотри революции бремя“.

Г. Зыков, затем, доказывая необходимость охватить плотным кольцом революционеров, об‘ясняет, кто такие эти революционеры: для полнейшего разгрома России вся Европа послала агитаторов, большинство которых принадлежит к национальности, не имеющей своего отечества. Вот они-то у нас завели революцию, с которой мы всеми мерами должны бороться.

Дальше: добившись закрытия университетов, революционеры завербовали за дешевую плату талантливых агитаторов и студентов.

А знаете, почему японские войска победили русскую „непобедимую“ армию? Г. Зыков об‘ясняет это так:

„Почему Ойяма (японский генерал) так долго не наступал? Это об‘ясняется тем, что Ойяма, зная силу нашей армии, не решался дать бой. Он ждал, когда посланные во внутрь России агитаторы произведут у нас смуты и Россия вынуждена будет отказаться от дальнейших военных действий“.

Так, по Зыкову, выходит, что в России революцию сделали вовсе не русские рабочие и крестьяне, а японские, китайские, немецкие, французские и проч. и проч. агитаторы. Речь Зыкова, страстная и „убедительная“, покрыта была громом апплодисментов.

Таковы были собрания „партии свободы“. Хороша партия и хороши „свободы“.

Интересно отметить еще один момент, все из того же собрания. Оказывается, на нем были крестьяне. Вероятно, „народная масса“, как думали почтенные отцы и благодетели; „масса“ из двух человек, заманенных, вероятно, очень сладкими господскими обещаниями.

Один из этих крестьян неожиданно высказал мысль, что желательно, чтобы в Думу было выбрано крестьян вдвое больше, чем всех других сословий. Эту смелую мысль старались „приглушить“ тем, что, мол, закон о выборах уже утвержден государем и по этому поводу говорить нечего.

То же самое, приблизительно, происходило и на следующих собраниях. Вначале слова о любви, о духе, а потом призывы борьбы с революцией, с „национальностью, не имеющей своего отечества“, и т. д.

Собрание 8-го января, например, закончилось криками: „Идем бить жидов!“ И толпа двинулась, после молитвы, на улицу с пением „боже, царя храни“. К счастью и на этот раз погрома им не удалось учинить. Они не так то уж были сильны, хотя бы и под высоким покровительством князя Урусова.

Заключение.

Проследив, таким образом, ход революционных событий в Смоленской губернии в 1905 году, мы можем сделать некоторые выводы. Первым из них является тот, что революционному движению в губернии в 1905 году предшествовала длительная подготовительная работа. Она выражалась, как в деятельности первых рабочих кружков, так и в развернувшихся затем массовках. История местного революционного движения проходила все формы, общие для всего русского революционного движения. Но при этом нужно отметить, что особенностью местного движения и складывавшихся революционных тенденций было то, что состав рабочего населения здесь был несколько особый. За редкими исключениями это были ремесленные рабочие, так как крупная индустриальная промышленность здесь отсутствовала. Поэтому и больших революционных рабочих выступ-

лений до 1905 года в губернии не было. Исключается из этого только Ярцевская фабрика.

Однако, материальные условия существования рабочих были таковы, что революционизирование их проходило настолько быстро, что немногим отставало от общего хода революционной борьбы рабочего класса. Там, где были большие, сравнительно, рабочие массы, выступления их начинались значительно раньше и были более организованными и дружными. Материальные условия рабочих в таких предприятиях были тяжелыми и почти такими же, как и на предприятиях районов крупной промышленности. В мелких ремесленных мастерских в Смоленске рабочие подвергались часто еще большей эксплоатации и находились в более скверных условиях существования. Это поднимало также на борьбу.

Что касается крестьянства, то тут революционные настроения вызывались такими причинами, как малоземелье, низкие урожаи, общая бедность, экономическая зависимость от помещика и общее политическое бесправие. В условиях Смоленской губернии до революции 1905 года крестьяне находились еще в полной кабале у помещика. Таким образом, материальные условия существования, как рабочих, так и крестьян создавали много предпосылок для революционного выступления.

По губернии в революционных событиях 1905 года наибольшей активностью отличалось рабочее движение в самом Смоленске. Это об'ясняется наличием здесь большего числа рабочих и ранее сложившейся революционной социал-демократической организацией. Затем идут другие города, как Рославль, Вязьма. Рабочее движение, таким образом, шло впереди и отличалось той или иной интенсивностью постольку, поскольку значительные рабочие массы были в данном пункте и поскольку рано и основательно окрепла в нем революционная соц.-демократ. организация.

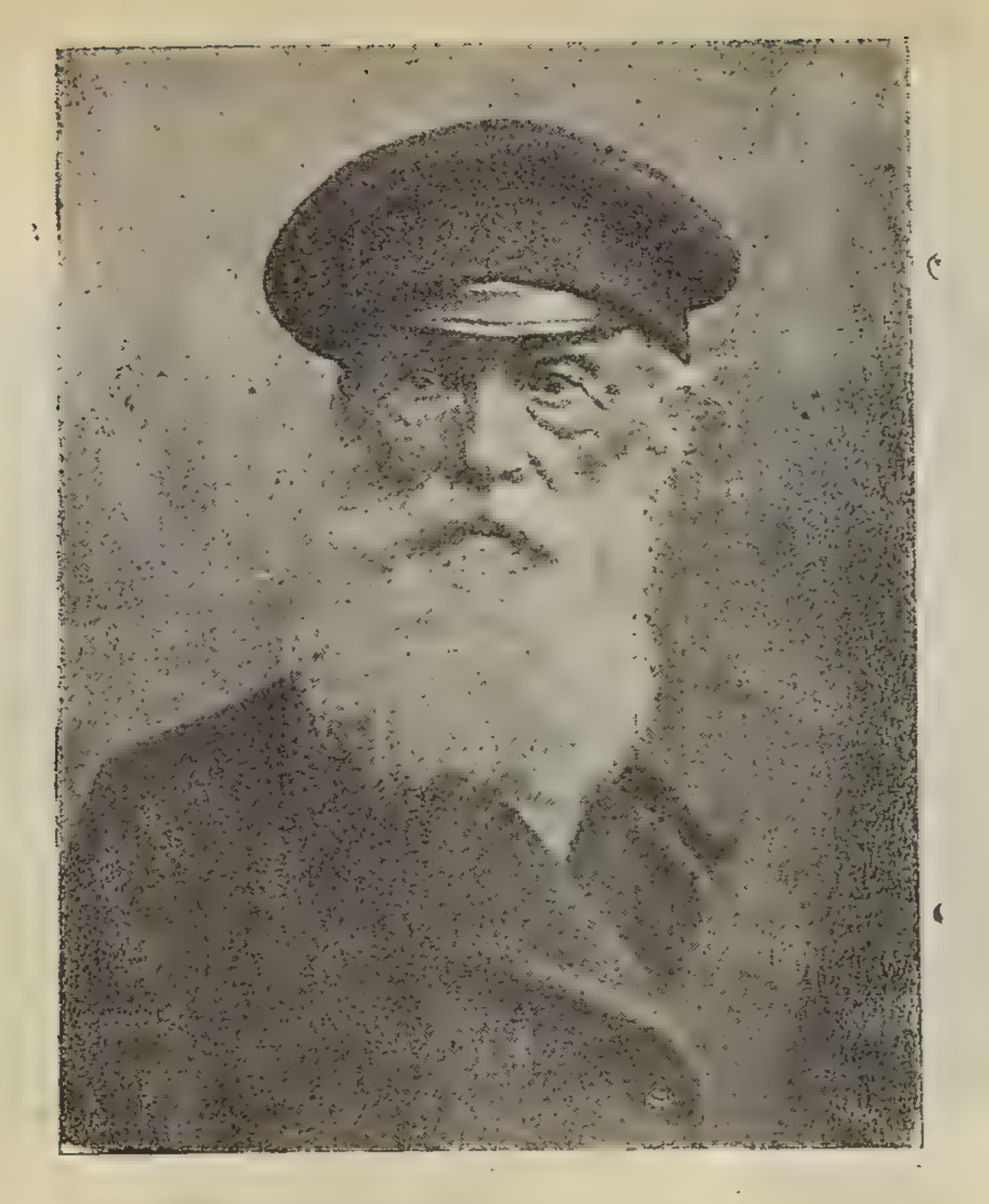
Крестьянское революционное движение началось позже, чем рабочее. Развитие крестьянского движения относится к началу и середине 1906 года, как и в большинстве других губерний.

Смоленская социал-демократическая организация была в большинстве меньшевистской. Это об'ясняется в значи-

тельной мере, отсутствием индустриальных рабочих. Мелко-буржуазный характер местной партийной организации вполне соответствовал мелко-буржуазному составу населения в городах нашей губернии. Работа местной социал-демократии в 1905 году начинала охватывать все области (город, войска, до некоторой степени деревню), но как следует развернуться оне не смогла; местные социал-демократы недостаточно руководили революционным движением.

Несмотря на все это, революционное движение 1905—6 г. г. захватывало все трудовое население губернии и прошло весь путь, начиная от первых неуверенных шагов и кончая кровавым подавлением движения, особенно в деревне.

Рабочие и крестьяне Смоленской губернии, таким образом, в 1905 г. имели свой революционный опыт и с ним уже шли к следующему заключительному этапу—к Октябрьской революции 1917 года.

Е. Петров (85 лет).

Участники первой ярцевской забастовки.

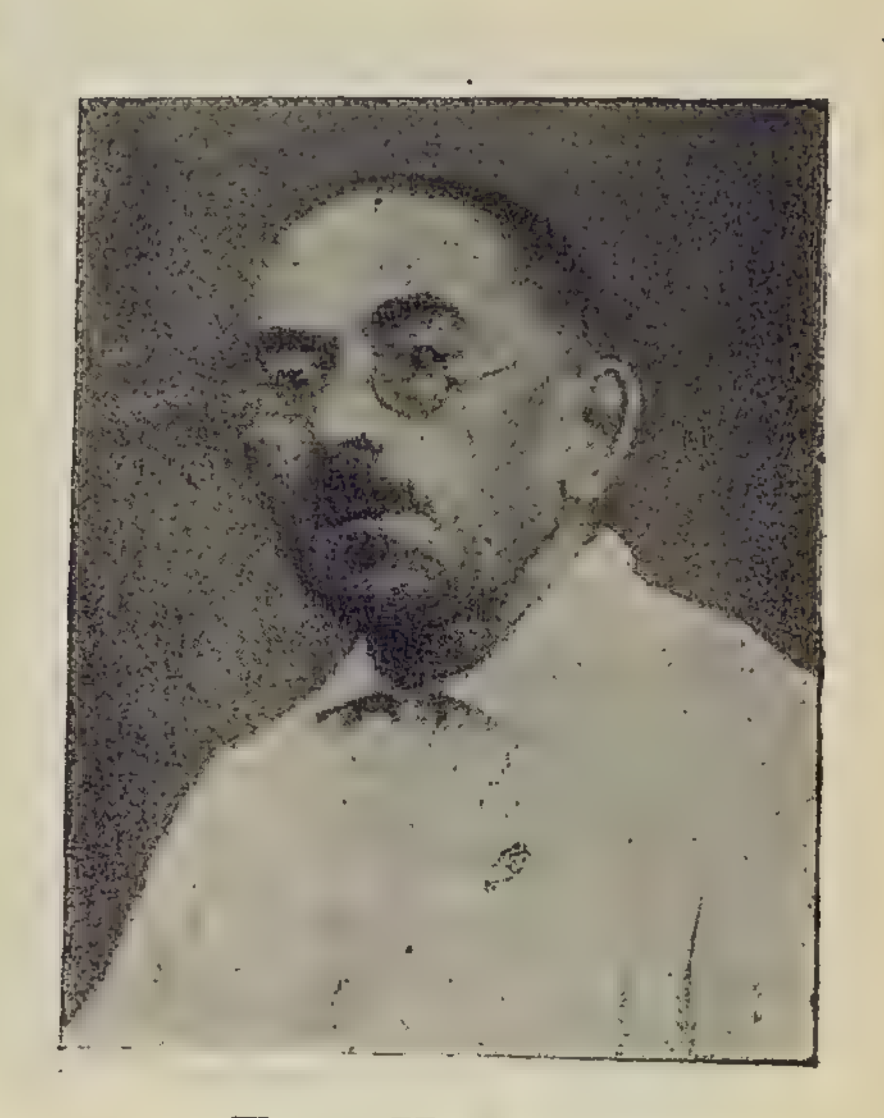

М. Горочкин (78 лет).

Участники событий 1905 года.

Тов. Зверин (кличка „Орел“).

Тов. Цейтлин.

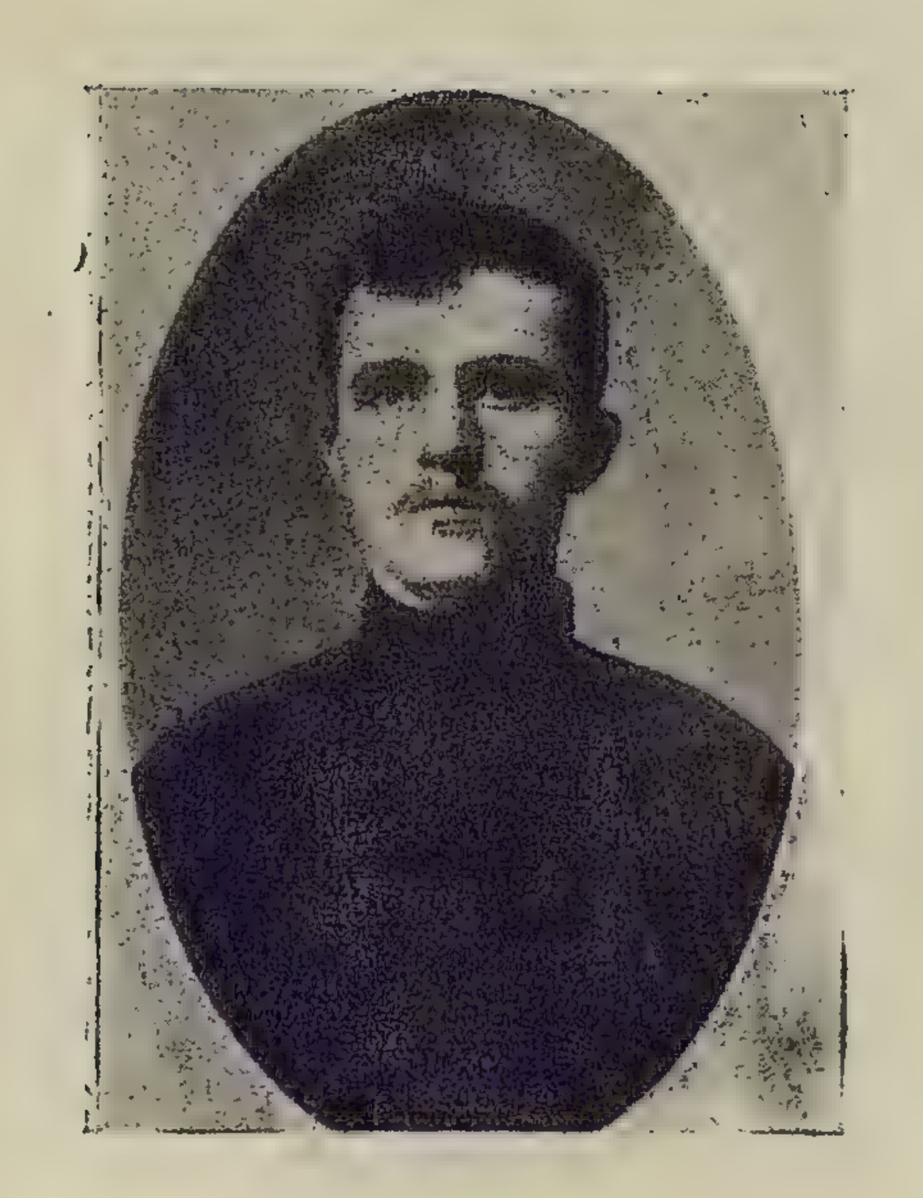
Тов. Баевский.

Руководители

забастовки

В. Фановский.

на Ново-Деребуж-

ском заводе.

Т. Вязанкин.

Сидят справа налево: **Барбасова, Должиков, Морозова, Ларченков, Грибоедов**
Стоят: **Семенов, Бабаев и Дроздов.**

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I.

Договор об аренде земли

кр. д. Курвость, Дорогобужского у. с помещиком Сычевым.

„1903 года, июня 17 дня, мы, нижеподписавшиеся .... заключили сие добровольное условие в нижеследующем: *пеfвое*, Я, Сычев, отдал крестьянам в арендное содержание принадлежащую мне землю под названием „Курвотский участок“, в количестве 358 десятин с саженями, сроком на четыре года, а именно по 1 декабря 1906 года. *Втофое*—В пределах означенного участка предоставляется им, крестьянам, пользоваться пахатною землею всего в количестве десяти десятин казенной меры, распределенных в трех клинах для посева хлеба, но отнюдь не для посева льна, что воспрещается. Затем—пользоваться сенокошением и пастбищем для скота, но с тем, чтобы нигде расчистки зарослей не делать, леса не рубить, бересты не драть, и, костров для огня в лесу не раскладывать, в противном же случае они, крестьяне, подвергаются судебной ответственности и должному взысканию за тот вред, который был бы ими причинен растущему лесу.

Третье—За предоставляемое нам, крестьянам, пользование означенною землею мы обязуемся каждогодно уплачивать Сычеву к 1 октября по пятидесяти рублей, кроме сего, обрабатывать в с. Пермине четыре круга земли, т. е. восемь десятин хозяйственной меры, с вывозкой навоза сколько такового экономия г. Сычева найдет нужным положить на четыре десятины. Работу сию производить следующим порядком: вспаханную на зиму в ржаном поле землю четыре десятины, весной заскородить, вспахать, посеять яровой хлеб, запахать и заборонить, засеять клевером, и торично заборонить, а по урожае означенное количество оввса и ячменя сжать, высушить и перевезти на хлебный за

дворок. Сверх всего, скосить одну десятину овса с уборкой и перевозкой оного в сарай; в паровом поле четыре десятины, вспахиваемых осенью экономией г Сычева, а весною выскораживаемых ею же и вновь вспахиваемых, мы, крестьяне, должны после сего таковые десятины выскородить и вывезенное нами на оные удобрение разбить, запахать, заскородить, в августе же взмешать, засеять рожь и заборонить, а по урожае снять рожь, поставить в копы и по просушке перевезти в задворок; затем две риги ржи обмолотить на семена, осенью же после сжатой ржи - вспахать четыре десятины на зиму.

4) Скосить шесть десятин луга хозяйственной меры т. е. 3600 кв. саж., для чего мы, крестьяне, должны являться по первому требованию Перминской экономии и на время косьбы брать не более трех подвод для нужной нам поклажи. В случае ненастной погоды, если понадобится рассушивать копы хлеба или сена, тоже обязаны мы являться для сего по первому вызову нас г. Сычевым.

За сим обязуемся каждогодно же осенью вырубать и доставлять в с. Пермино по первому зимнему пути 20 куб. саж. дров и 250 штук жердей из трех лесных дач: Курвотской, Бородинской или Моховой, выбор которых для рубки и вывозки дров и жердей будет вполне зависеть от указания г. Сычева.

5) Все вышеперечисленные работы мы, крестьяне, обязуемся выполнять добросовестно и вполне удовлетворительно; на работу, как выше сказано, должны являться по первому требованию; дурно обработанная земля должна быть переделана; если же сего не будет нами исполнено, то Перминская экономия имеет право нанять за наш счет переделать такую неудовлетворительную работу, а равно взыскать убытки, причиненные нашей неисправностью; за невыполнением же кем либо из нас, крестьян, вышесказанных работ, мы в этом случае должны безоговорочно и немедленно исполнить за неисправного товарища ту часть работы, которая была им оставлена или не доделана.

6) После своевременного и вполне добросовестного исполнения покоса и окончательной уборки сена в задворок, я, Сычев, выдаю им, крестьянам, в виде награды четыре

рубля и столько же за окончательно выполненную ими вывозку навоза.

7) За невыполнение вышесказанных обязанностей мы, арендаторы, подвергаемся платежу неустойки в размере ста рублей".

Примечание составителя: В деревне Курвость всего 20 наличных дворов, 38 лошадей и 40 голов крупного рогатого скота. Отработка оценивается в 300 руб. да денежная плата 50 руб., а всего платы 350 руб. На двор падает платы 18 р. 40 к., а вместе с платой и другим владельцам (78 рублей) это составит 22 р. 50 к. на двор.

II.

Образец условия

Овиновщинской экономии, Дорогобужского уезда с крестьянами на аренду лугов.

„Я, нижеподписавшийся, взял в арендное содержание у Овиновщинской конторы имения Его Сиятельства князя В. М. Урусова на один урожай луг ценою за каждую десятину по „ " руб., а всего на сумму „ ", которые должны платить по следующему расчету: при подписании сего в задаток 5 рублей на каждую десятину, а последние к 1 июня. Я, N, в случае неуплаты в данные мною сроки денег или вовсе откажусь от взятой мною аренды, лишаюсь права пользоваться урожаем, задаток и произведенный посев или трава остаются в пользу конторы с уплатою мною полностью арендной суммы и до уплаты всей суммы также не имею права увозить урожая, а в случае самовольного увоза урожая до уплаты всех денег, уплачиваю конторе неустойку в размере половинной арендной суммы. Аренду обязуюсь платить и в том случае, если посеву или траве повредит градобитие или разлив воды, не доводя контору до суда. Я, N, обязан беречь и не портить канав и десятинных межевых столбов на арендуемых мною участках. За повреждение или запахивание канав уплачиваю 25 коп. за каждую сажень поврежденной канавы; по сторону канавы должен оставлять невспаханный край не менее трех вершков ширины и за каждый поврежденный участковый межевой столб уплачиваю по 3 рубля".

III.

Постановление крестьян

деревень Пушкина-Гора и Овчинниково Крутовской волости Юхновского уезда 14 ноября 1905 года.

(Хранится в подлиннике в Смоленском Истпарте. Написано чернилами от руки).

„После продолжительного обсуждения своих крестьянских нужд, мы единогласно постановили:

Мы все теперь переживаем страшное время на Руси: по всей нашей родине льется ни в чем неповинная горячая кровь, слышны стоны и плач избитых, израненных и ограбленных правительственными опричниками: казаками, полицией и черносотенцами; слышны стоны борцов за свободу, находящихся в тюрьмах и ссылке; слышны стоны голодающих и умирающих с голоду; слышны стоны нашей многострадальной армии, оставленной нашим кровавым правительством на произвол: умирают от болезней, холоду и голоду; а здесь на родине напрасно заставили страдать жен и детей запасных. Доколе мы все это будем терпеть? И когда этому будет конец? Но его нам добровольно не дают и не дадут, мы должны его взять сами; мы должны неустанно бороться против сказанного зла и словом и делом.

Кто сочувствует освободительному движению, но не принимает участия в нем, тот тунеядец.

Всем же врагам освободительного движения мы шлем укоризну и свое проклятие.

На основании высочайшего манифеста от 17 октября сего 1905 года, мы, крестьяне, обсудив вопрос о современном движении русского общества по пути прогресса, пришли к заключению:

Все общество в общем делится на две партии: малая из них (по преимуществу помещики) во главе с правительством, стоит за старые реформы, а самая большая партия: интеллигенция, весь рабочий класс и 85.000.000 крестьян — за новые коренные реформы, в общем за полную народную власть, при чем партия эта также подразделяется: одни настойчиво требуют самого правильного строя управления державой—демократической республики, а другие полноправной конституции. Принимая во внимание, что упорное

удерживание за собою своей самодержавной власти, ежечасно толкает державу в пропасть к гибели, что решение этих спорных вопросов мирным путем будет возможно только тогда, когда они будут решаться самим народом, а не правительством, мы, крестьяне, настойчиво требуем немедленного созыва полновластного и ничем не ограниченного Учредительного Собрания на основах всеобщего и равного избирательного права с прямой и тайной подачей голосов, для реорганизации управления державой; ликвидации наследия старого и установления нового строя, для уничтожения частной земельной собственности, передачи всей земли трудящимся и отмены всех сословных привилегий и уравнения всех перед законом и судом и пр.

Избрание депутатов в Учредительное Собрание должно производиться из лиц, достигших 20-летнего возраста без различия пола, национальности и религии. От каждого уезда, должно быть избрано не менее 1-го депутата. Такой же подачи голосов, как в Учредительное Собрание, мы требуем и после роспуска последнего для избрания представителей в постоянно действующую Государственную Думу (парламент).

Затем мы требуем: а) полного осуществления свободы дарованной высочайшим манифестом 17 октября, б) обязательного государственного и бесплатного образования для всех, с предоставлением полной свободы частным лицам и учреждениям устройства всевозможных учебных заведений, в) отмены всех прямых и косвенных налогов с заменою их прогрессивно-подоходным налогом, г) отмены всех без исключения существующих до сих пор гражданских и военных судов со введением для всех равного, близкого и бесплатного суда, д) немедленной отмены смертной казни навсегда, е) снятия военной и усиленной охраны в мирное время, ж) немедленной и полной, без всяких оговорок, амнистии для всех борцов за свободу, з) упразднения полиции со введением охраны выборными от народа, и) передачи войска в распоряжение народа, к) немедленного возвращения манчжурской армии.

Заявляем: по завоевании нами полной народной власти, мы будем стремиться сами и через своих представителей в Государственную Думу к об'единению всех народов мира; к заключению всемирного союза—всемирной республики, для

прекращения навсегда богопротивной войны и уравнения всех в правах.

Для осуществления намеченных мер мы все присоединяемся к Всероссийскому Крестьянскому Союзу, в своем же районе основываем Юхновский союз и избираем для управления этого союза временное Бюро В члены Бюро избраны следующие лица: П. Ф. Шатихин, Иван Палладиев, Н. Осипов, К. Д. Лятошников.

В том и подписуемся: Иван Васильев, Ульян Иванов, Емельян Константинов, Марфа Ананьева, Александр Васильев, Ирина Федорова, Евграф Матвеев, Агафья Иванова, Варвара Андреева; дер. Пушкиной Горы—Харитон Александров, Акулина Емельянова, Иван Семенов, Пелагея Иванова, Филипп Ксенофонтов, Илья Ерофеев, Неонила Иванова, Яков Палладиев, а за неграмотностью их по личной просьбе и за себя расписались: Николай Осипов, Григорий Иванов, Василий Семенов, Осип Матвеев, Федор Григорьев, Степан Иванов, Василий Григорьев, Иван Палладиев, Петр Андреев, Степан Дементьев, Федор Григорьев, Григорий Иванов, Иван Зиновьев, Павел Панов.

Овчинниковский сельский староста Иван Иванов.

П. Горский сельский староста Тимофей Семенов“.

На постановлении приложена печать сельского старосты П. Горы.

IV.

Постановление крестьян
об удалении стражников.

(Было напечатано в январе 1906 г. в Смоленской газете „Днепровский Вестник“).

„1905 года декабря 31. Мы, нижеподписавшиеся, Смоленской губернии Духовщинского уезда, Сущевской волости, сельские старосты и крестьяне, собравшись на мирском сходе для выбора кандидатов в члены уездного посреднического земельного комитета, между прочим, обсудили поголовно всею волостью вопрос о том: для какой надобности в нашей волости и уезде введены полицейские страж-

ники, и пришли к заключению, что стража имеет целью ограждать частных лиц силою оружия от погромов, грабежей и прочих насилий, и зная хорошо, что в нашей волости перечисленных преступлений не было и впредь не будет, как вся волость решила на сегодняшнем сходе; между прочим расходы на стражников мы должны нести, хотя в них никакой надобности не имеется и, кроме того, признавая себя свободными российскими гражданами и притом мирными, находим позорным для себя видеть над собой сторожей с винтовками, пистолетами и шашками, а по сему единогласно от имени всего волостного общества постановили: ходатайствовать перед Господином Смоленским Губернатором о немедленном упразднении в нашей волости полицейских стражников, назначенных правительством, с предоставлением права народу избирать полицейские власти голосованием с отнесением расхода на их содержание на те-же средства, из которых назначено содержание полицейским стражникам. Выборные лица не должны иметь оружия, так как народ от этого крайне волнуется.

Сельские старосты обществ: Щелкинского, Казаринского, Шишкинского, Батеевского, Колковичского, Занинского, Сельковского, Демяшенского, Мотевского, Бортниковского, Мышкинского, Битяговского, Могилецкого, Мамоновского, Почепского, Азаринского, Турищевского, Балашевского, Приголовского. (На подлинном приложены печати).

Граждане-крестьяне Павел Николаев, Николай Киреев, Павел Дмитриев, Александр Николаев, Иван Велашев, Влас Филиппов, Герасим Осипов, Иван Фомин, Демьян Иванов Ив. Киселев, Петр Павлов и другие“.

V.

Письмо крестьянина

д. Коровники Рославл. у. о действиях карательного отряда.

(Напечатано в „Днепровском Вестнике“ Смоленск, 1906 г. № 18).

„Во первых строках моего письма кланяются тебе (следует ряд поклонов).

Затем, дорогой братец, уведомляем вас нерадостною вестью, что у нас 4 января у нашем коровинском обществе беда случилось такая, братец, что за слезами не могу вам всего раз'яснить и рассказать. В Поляковской конторе были наняты стражники-солдаты, человек 30, и они ездили по деревням и отбирали экономический лес. Поляковские прикащики нанимали возчиков, они ездили не одни, ездил с ними становой пристав и также урядник. То вот приехали 4 января в нашу деревню, то становой и солдаты остановились в конце деревни, около гамазеи.

А у нас в это время была сходка, то прибегает волостной старшина на сходку и говорит на сельского: тебя пристав требует. То он побоялся один итти, взял с собою нашего батьку, еще Андрея, Никанорова свекра, и когда подошли они к приставу, стали на колени и сказали: „Что вам надо?“ В это время наши шли все со сходки послушать, что будут говорить, то становой когда увидел народ, закричал: „Не идите вблизь!“ Но наши шли послушать. То он обратился к солдатам и скомандовал: „Бить с боевых патронов!“ Тогда, дорогой братец, зазвенели пули, как град. В одну минуту убили 11 человек и 12 ранено. Первым убит Кузьма Ник., Филипп Васильевич, Андрей Никаноров, Семен Андреев, и Матвей Андреев и сват наш Петр Григорьев, и братенника нашего убили Ивана Осипова, и с женою и с мачихою убили, и у отца вашего крестного, но сейчас еще жив, ногу совсем отбили и пуля прошла из рта в шею, но нас еще господь сберег, в самом огню были.

Затем уведомляем, что зять наш... (сообщается о домашних делах).

Ранен у нас Ульян Сергеев, Михайла Сергеев, Семен Осипов и жена его и Иван Матвеев, Данил Андреев, Егор Никаноров и сын его, отец ваш крестовый и жена его сильно ранены и Иван Кузьмин – эти все сильно ранены, кто в ногу, кто в руку.

Так, дорогой братец, не прогневайся на нас, что мы не скоро письмо писали, пять ден тела лежали не похороненными. Когда было следствие, то пригнали 3 роты солдат и казаков и секли нас розгами от 15 лет и даже отца нашего секли. Затем до свиданья, остаемся“ в пр.

Следует подпись.

VI.

Донесение тов. прокурора

по Рославл. у. о демонстрации в Рославле в 1902 г.

Секретно. В. Спешное.
15-го мая 1902—года. [1])

Господину прокурору Смоленского Окружного Суда.

Тов. прокурора Смол. Окр. Суда
по Рославльскому участку.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ.

Имею честь донести Вашему Высокородию о следующем: в субботу, 11-го сего мая, около 7-ми часов вечера, близ сада вольного пожарного Об-ва, находящегося на Варшавском шоссе, в 3-й части города Рославля, собралась толпа, человек в 30—40, большую часть которой составляли женщины, гимназисты и ученики технического железнодорожного училища. С сильным шумом, свистом и пением различных песен, толпа, постепенно увеличившаяся человек до 300, дошла до собора, а затем повернула к зданию тюрьмы. Встреченная недалеко от тюрьмы рославльским уездным исправником Баранцевым, толпа остановилась и бывшие впереди ее лица пред‘явили названному исправнику требование о немедленном освобождении 4-х содержащихся в тюрьме, в порядке положения о государственной охране, политических арестантов: Ривкина, Гинцбурга, Мерлина и Турчанинова, на том основании, что их, будто-бы, заставляют умирать с голода. Исправник, находя наличный штат полицейских чинов недостаточным для подавления беспорядков, потребовал содействия военной силы, а сам, между тем, стал успокаивать толпу и уговаривать ее разойтись. Увещания исправника Баранцева подействовали на толпу и, еще до прибытия на место происшествия затребованной роты Невского полка, беспорядок был прекращен и спокойствие восстановлено.

Почти в такой-же форме беспорядки повторились и на следующий день 12-го мая. Около 8½ ч. вечера большая толпа, в количестве около 500 человек, с шумом и пением

[1]) Архив прокурора Смол. Окр. Суда. Секретное дело о беспорядках в г. Рославле 11—12 мая 1902 года, по описи № 97.

собралась вблизи здания тюрьмы и бывшие впереди человек 12 демонстрантов, составлявших очевидно главное ядро толпы, потребовали от находившегося у тюрьмы исправника Баранцева освобождения поименованных выше арестантов. Исправник вновь затребовал содействия военной силы, а до прибытия ее, старался успокоить толпу и уговаривал прекратить беспорядок. Однако, на этот раз, выделявшиеся среди толпы вместе с несколькими другими лицами братья Андрей и Антон Афанасьевы, не давая исправнику говорить, начали сильно наступать на него. Тогда несколько жителей города Рославля, стоявшие около Баранцева, а также значительная часть толпы, пришедшая с демонстрантами, но очевидно им не сочувствовавшая, набросилась на демонстрантов и стала их бить [1]), так что исправнику лишь с большим трудом удалось вырвать их из рук толпы. Из демонстрантов были арестованы: упомянутые выше братья Афанасьевы и еще две женщины, принимавшие деятельное участие в беспорядках: дантистка Фанни Ривкина, сестра арестанта врача Ривкина, и поднадзорная Марциновская. Брат арестанта Турчанинова—Роман Турчанинов, также принимавший участие в беспорядках, скрылся и разыскан не был. Тотчас после описанного выше столкновения, до прибытия войск, толпа рассеялась и порядок был восстановлен. Есть основание предполагать, что означенные выше беспорядки были организованы заранее; вечером 12-го числа в кабинет помощника начальника ст. Рославль была подброшена прокламация преступного содержания, в которой все рославльские граждане приглашались собираться 11-го, 12-го и 13-го мая около 7-час. вечера у здания тюрьмы для устройства демонстрации, с целью добиться освобождения упомянутых выше политических арестантов, будто-бы умирающих от голода. 13-го мая в 9-м часу утра прибыл в гор. Рославль Смоленский губернатор вместе с штаб-ротмистром отд. корп. жандармов—Кетовым, коим приступлено по поводу изложенных беспорядков к производству дознания в порядке положения о государственной охране.

К сему считаю долгом присовокупить, что поименованные выше политарестант Ривкин и другие, с 10-го мая добровольно голодавшие, вчера утром стали принимать пищу.

---

[1]) Несомненно, местные черносотенцы.

За весь день 13-го мая спокойствие в гор. Рославле не нарушилось, но среди населения господствует раздражение против евреев, которых считают главными виновниками происшедщих 11 и 12 мая беспорядков. 14 и 15 мая спокойствие в гор. Рославле нарушено не было.

Товарищ прокурора *Шепелев.*

Мая „15“ дня
1902 г. № 3.

VII.

Обращение смоленского губернатора

по поводу выступления смоленских рабочих 17 января 1905 г.

(Напечатано было 18 января 1905 г. в Смоленской газете „Днепровский Вестник“).

„Несмотря на распубликованное на-днях по всем фабрикам и заводам изданное г. министром финансов об‘явление, коим рабочие призываются не принимать участие в стачках и забастовках, 17 января группой рабочих, подстрекаемых неблагонамеренными лицами, сделана была попытка произвести забастовку в некоторых фабричных, заводских и ремесленнных заведениях гор. Смоленска. Хотя большинство рабочих благоразумно продолжает оставаться в мастерских и не покидает работ, тем не менее подстрекатели, путем угроз и увещеваний, стараются склонить их присоединиться к забастовке.

Считаю необходимым обратить внимание рабочего населения города на то, что устраиваемая неблагонамеренными людьми забастовка для принявших в ней участие будет иметь неблагоприятные последствия, лишая их заработка следовательно, средств к существованию

Приглашая рабочих к благоразумию, я прошу их не покидать работ, а присоединившихся к забастовке вернуться к работам, предупреждая, что мною приняты меры к ограждению от насилия со стороны забастовщиков тех рабочих, кои продолжают работы.

При этом присовокупляю, что обязательными постановлениями, изданными Смоленским губернатором 7 марта 1902 года для Смоленской губернии, воспрещаются всякого

рода сходбища, собрания, не вызываемые необходимостью, остановки и скопления публики на улицах, тротуарах, площадях, в садах и прочих общественных местах.

В указанных случаях собравшиеся, по первому требобованию полиции или военного патруля, должны разойтись.

Нарушители тишины и порядка в вышеуказанных случаях, а равно лица, неисполнившие немедленно требования полиции или патруля, будут привлечены к законной ответственности, а подстрекатели и руководители толпы, сверх сего, будут подвергнуты немедленному задержанию под стражу.

И. д. Смоленского губернатора,
вице-губернатор *Цехановский.*

17 января 1905 года".

VIII.

Донесение Смоленского полицеймейстера о митинге 9 октября 1905 г.

Его Превосходительству

Господину Начальнику Смоленского Губернского Жандармского Управления.

Смоленского Полицеймейстера.

9-го октября около 5 часов дня на Блонье начала собираться толпа, преимущественно еврейская молодежь и учащиеся смоленских учебных заведений, главным образом гимназисты. Имея заранее сведения о готовящемся сборище, я в 12 часов дня с разрешения Господина Начальника Смоленской губернии сообщил официально начальнику Местного Гарнизона о наряде в распоряжение мое полусотни казаков, которые бы по требованию немедленно могли прибыть на место беспорядка, но, несмотря на это, полусотня прибыла только через час 10 минут после вызова. Около памятника Глинки среди толпы один из участников сходки говорил о несоответственности Государственной думы, о свержении самодержавия. Пробовали и другие участники сходки говорить, последствием чего произошел раскол среди этой толпы, были брошены вверх прокламации и толпа запела противуправительственные песни. При появлении на-

ряда полиции часть демонстрантов разбежалась. К оставшимся подошел старший городовой 1 части Деричинский, прося разойтись, на что один из толпы ударом сбил с ног городового Деричинского, а остальные кинулись к бывшим с ним городовым. В то самое время, чиновник, исполняющий обязанности помощника пристава при мне, Кусонский, наблюдающий с самого начала за этой толпой, видя окруженного толпой Деричинского, которому наносили побои, поспешил к месту и, обратившись к толпе с требованием, чтобы разошлись, приказал городовым обнажить шашки. Часть демонстрантов рассеялась, а остальные остались. К этим последним чиновник Кусонский вторично обратился с требованием разойтись, на что лицо, которое нанесло побои городовому Деричинскому, ответил: „Мы не разойдемся, мы собрались здесь для того, чтобы свергнуть самодержавие!“ Эти слова были поддержаны криками толпы: „долой самодержавие!“ По прибытии моем на Блонье, часть толпы, преимущественно еврейской молодежи, разошлась, а учащиеся, в большинстве гимназисты местной гимназии, напротив,—стали собираться толпой; к ней я обратился, убеждая разойтись. Все мои просьбы не привели ни к чему; из задних рядов стали доноситься возгласы: „что его слушать, пойдем делать свое дело!“ Часть толпы, человек более 300,—почти все гимназисты, повернувшись, направились по аллее Блонье и отойдя от меня несколько шагов, запели „вперед, рабочий народ!“ Во время моего разговора с учащимися один из посторонней публики, как донес мне чиновник Кусонский, ругал меня неприличными словами и подстрекал толпу, говоря: „Бей его, что он тут рассказывает!“ Лицо это задержано было тут же, на месте. Несмотря на посылку два раза чиновника Кусонского к директору гимназии доложить о производимых гимназистами беспорядках и убрать их с Блонье, я не видел в продолжении двух часов моего пребывания на месте сходки никакого гимназического начальства. С прибытием полусотни казаков под командой офицера, через час 10 минут после вызова, на Блонье оставалось очень незначитительное число участников демонстрации, которые при виде их немедленно стали расходиться. Позднее прибытие воинской части по вызове гражданскими властями лишает полицию возможности не допустить сборищ и задержать

участников, что существенно придает демонстрантам более энергии, зачинщики остаются не выясненными, а нарушения порядка и спокойствия безнаказанным. Никаких столкновений казаков с демонстрантами не было и полусотня отпущена мною в 10 часов вечера. В некоторых полицейских будках, где помещаются семьи городовых, возвращающимися демонстрантами разбиты в окнах стекла. Обнаружить виновных не представилось возможности, так как в будках этих оставались только семьи городовых, последние же находились на постах или на Блонье.—Что касается личности, нанесшей удар старшему городовому Деричинскому при исполнении последним служебных обязанностей и заявившему чиновнику Кусонскому о цели собрания, то по тщательным наведенным справкам и по показанию лиц, опрошенных и занесенных в протокол приставом I части оказалось, что это был столяр Герц Бродов, замеченный неоднократно в сходках и главный агитатор их. Бродов после этого скрылся и, несмотря на тщательные розыски и проверку в ночное время квартир, где он бывал, до настоящего времени не обнаружен. По задержании Бродова, он будет представлен в распоряжение Вашего Превосходительства и, независимо от сего, будет привлечен к ответственности по 27 ст. Улож. о наказаниях за нанесение оскорбления действием старшему городовому при исполнении последним служебных обязанностей.

О вышеизложенном сообщаю Вашему Превосходительству и присовокупляю, что одновременно с сим мною донесено г. Смоленскому губернатору и сообщено г. прокурору Смоленского Окружного Суда.

Полицеймейстер Ломаковский.

№ 536. Октября 10-го дня 1905 года.

IX.

Донесение

ад'ютанта 4 батальона Нарвского полка командиру полка о разгоне массовки.

„Доношу, что сего числа, около 6 ч. вечера ко мне явились: ротный фельдшер 3-й роты, мл. у. оф. Александр Барышников и фельдшер при околотке—мл. у. оф. Алексей

Вихорев и доложили, что когда они шли, гуляя, мимо кустов у кирпичных сараев по дороге к церкви Св. Гурия, то встретили жида, настойчиво приглашавшего их посетить „маевку“ и выпить там. Когда эти два унтер-офицера пришли на полянку, то увидели больше сотни человек штатских (мужчин и женщин), которые, угостив их папиросами, уговаривали их взбунтоваться и не идти на войну, говоря, что если у вас в ротах найдется по 10 человек не желающих, то к вам примкнут остальные; если против такого батальона будет выслан другой батальон, то и он также будет за одно с вами. Вот сейчас придет наш главный, из другого города приехавший, который умеет очень хорошо говорить. Если вы внимательно его будете слушать, то все поймете. Унтер-офицеры, сделав вид, что согласны, попросились в кусты „оправиться“, а сами прибежали в лагерь и доложили мне, что заметили там и нижних чинов. Мною, ввиду того, что этот район находится под наблюдением Нарвского полка, тотчас была выслана команда для задержания нижних чинов, принимавших участие в сходке. Команде, ввиду скопления народа на месте сходки, были выданы патроны, и она отправилась под начальством ад‘ютанта 4 батальона поручика Беляева, в помощь которому был назначен помощник дежурного по полку 10 роты зауряд-прапорщик Мельников. Сделав обход и рассыпавшись, команда приблизилась к месту сходки и тогда раздались по направлению ее, особенно против офицеров, выстрелы. В ответ на это, по приказу офицера, было сделано несколько выстрелов, после чего толпа рассыпалась по кустам. Цепь нижних чинов при этом успела задержать 24 человека, оказавших более упорное сопротивление и отобрали у них револьвер „Браунинг“. Эти 24 человека, арестованные той же командой, были доставлены и сданы в 3-ю полицейскую часть города. На месте задержания оказались разбросанными и разорванными часть прокламаций: „К солдатам“ и целые экземпляры их, сданные в полицию. Мне же были доставлены: желтые книжки „Хитрая механика“ изд. 1903 года и № газеты „Искра“.

X.

Приказ

по 3-му пех. Нарвскому полку.

„18-го сего июля 3 пехотного Нарвского полка ефрейтор Мурыгин и лазаретный служитель Сазовский задержали подозрительного штатского, предлагавшего им какие-то бумаги.

При задержании он однако успел бумаги эти передать другому, но сам не мог ускользнуть и был доставлен названными ниж. чинами во 2 полицейскую часть.

23-го сего июля в лагерь Софийского полка явился рядовой 4-го пех. Капорского полка Ильин, принесший с собою разного рода запрещенные подпольные издания с целью их распространить среди ниж. чинов. Рядовые 2-го пех. Софийского полка Андрей Алшин и Василий Петров задержали Ильина и, отобрав от него прокламации, представили их командиру роты.

24-го сего июля ротный фельдшер 3 пех. Нарвского полка, младший ун. офицер Александр Барышников и фельдшер при околодке, младший унт. офицер Алексей Вихорев, идя у кирпичного завода за лагерем, по дороге к церкви Св. Гурия, встретили человека, приглашавшего их посетить маевку. Пройдя по указанию приглашавшего, они увидели компанию мужчин и женщин в числе более 100 человек, которые уговаривали их взбунтоваться и не идти на войну, представляя при этом целый план распространения их мысли между всей массой ниж. чинов. Названные ниж. чины под благовидным предлогом скрылись и сообщили о случившемся дежурному по полку офицеру. Немедленно была собрана часть охотничьей команды и часть 10-й роты в числе 60 человек под командой батальонного ад‘ютанта 4-го батальона поручика Беляева вместе с зауряд-прапорщиком Мельниковым.

Команда рассыпалась в цепь и окружила сходку, из которой удалось захватить 24 человека.

Того же 24-го числа рядовой 10-й роты 3-го пех. Нарвского полка Филипп Василевский доложил своему ротному командиру, что, проходя по толкучему рынку, он встретил человека, который, говоря о предстоящем в гор. Смоленске

бунте, просил, чтобы солдаты заступились за бунтующих жителей. Василевский доставил этого человека на извозчике в лагерь и представил его ротному командиру.

Все упомянутые г. г офицеры и ниж. чины во всех перечисленных случаях поступили так, как должен поступить всякий настоящий русский гражданин и солдат, который сознательно относится к своему долгу и правильно понимает слова присяги на верность службы Царю и родине.

С удовольствием отмечая это явление в полках вверенной мне дивизии, я от лица службы благодарю: дежурного по 3-му пех. Нарвскому полку капитана Дашкова за энергичные и умелые распоряжения и посылку 60 человек охотничьей команды и своей роты с ружьями и патронами; ад‘ютанта 4-го батальона 3-го пех. Нарвского полка поручика Беляева за то, что он принял под свое начальство сводную команду ниж. чинов от охотничьей команды и 10-й роты и умело повел их для выполнения захвата государственных преступников и зауряд-прапорщика Нарвского полка Мельникова, оказавшегося на первых же порах на высоте своего звания.

А вам молодцам, Мурышкину, Сазовскому, Липину Петрову, Барышникову, Вихореву, Василевскому и всем участникам захвата государственных преступников, ниж. чинам охотничьей команды и 10-й роты Нарвского полка за верность службы и молодецкое поведение мое сердечное спасибо.

Об‘являя при сем в копии приказ с. г. № 102, от лица службы искренне благодарю капитана Дашкова и поручика Беляева, проявивших инициативу,—это важное качество военного человека—они показали, что в важных случаях, не задумаются взять на себя ответственность. Пример этот должен быть поучителен всем. Благодарю зауряд-прапорщика Мельникова. Ефрейтору 11-ой роты Марыгину и лазаретному служителю Сазовскому спасибо за службу и награда 3 руб., фельдшерам Барышникову и Вихореву особое спасибо за находчивость, награда по 5 руб. каждому. Рядовому 10-й роты Василевскому спасибо и награда 3 руб.

Нижним чинам 10-й роты и охотникам, бывшим в облаве 24-го июля и действовавшим молодцами—от лица службы спасибо. Командиру 10-й роты и начальнику охот-

ничьей команды представить мне для производства в ефрейторы по 3 наиболее отличившихся. За отличное воспитание вверенных им частей благодарю поручика Залесского и еще раз командира 10-й роты капитана Дашкова. Приказ этот прочесть во всех ротах и командах.

Подлинный подписал командующий дивизией
генерал-майор Столица.

XI.

Устав Смоленской организации РСДРП.

(В гектографиров. виде подлинн. хранится в Смол. Истпарте, подписи нет, даты—также).

§ 1. Членом организации считается всякий, принятый товарищами в свою среду, признающий программу партии, платящий чл. взнос не менее 20 к. в мес. и посещающий аккуратно организационные собрания.

П р и м е ч а н и е: 1) Не посетивший 3 раза подряд организационные собрания или не плативший 3 мес. подряд чл. взнос, без уважительных причин, считается исключенным из организации.

2) Прием новых членов производится организационными ячейками $^3/_4$ голосов их состава под контролем комитета.

3) Исключение из организации производится РДС с согласия комитета; в случае разногласия между К. и РДС вопрос переносится на общее собрание.

§ 2. Смоленская организация разделяется на 3 района: профессиональный, фабрично-заводской и военный (военный район действует на автономных началах, согласно его уставу, изложенному в § 13 сего устава).

§ 3 Члены орган. каждого района собираются каждые 2 недели на районные собрания для обсуждения и решения очередных вопросов. Районное собрание считается действительными при $^2/_3$ его состава. В районных собраниях участвуют с решающим голосом агитаторы и пропагандисты и района и представитель комитета; также могут участвовать другие члены комитета с совещат. голосом.

§ 4. Внутри каждого района организуются организационные ячейки в каждом профсоюзе, в профрайоне и по отдельным фабрикам и заводам в фабрично-заводском районе. Организационные ячейки автономны в своей внутренней жизни; собираются каждую неделю для обсуждения текущих дел и для приема новых членов. На своих собраниях выбирают представителей в районные делегатские собрания. Каждая орг'ячейка имеет своего организатора.

§ 5. Районное делегатское собрание составляется из представителей организационных ячеек, избираемых по одному от каждых 10 членов (не полный десяток считается за полный), на 2 мес В РДС входят работающие в районе агитаторы, пропагандисты и организаторы, представитель комитета и другие члены К. по желанию—с совещательным голосом.

РДС собирается один раз в неделю; собрание считается действительным при $^2/_3$ его состава. Представит. организационных ячеек делают доклады РДС; также докладывают на местах о деятельности РДС.

РДС руководит практической стороной работы в районе и является исполнительным органом районного собрания. РДС выбирает из своей среды ответственного организатора, обязанности которого составляют: организация кружков в районе, организация делегатских и районных собраний, подыскивание квартир и сбор чл. взносов.

§ 6. Комитет выбирается общим собранием по 4-х членной формуле в количестве 4-х чел. на 3 мес. Кроме этого в К. входит с решающим голосом представит. В. Р. Комитет может кооптировать членов организации с совещательным голосом.

К. является представителем организации, ее идейным и практическим руководителем и исполнительным органом общего собрания. Заведует техникой, выпускает литературу, распоряжается денежными средствами, контролирует деятельность всех учреждений, организаций, сносится непосредственно с ЦК партии, с другими партиями, организациями и учреждениями и является товарищеским судом для членов организации. К обязан посылать своих представителей на всякие организационные собрания и заседания,

кроме организационных ячеек и В. Р К имеет ответ. организатора и секретаря.

На общих районных и делегатских собраниях К. должен знакомить товарищей с новостями обще-партийной жизни.

Ежемесячно К. дает подробный отчет о своей деятельности перед общим собранием и, кроме этого, ежемесячно раздает членам организации финансовый отчет через РДС.

§ 7. Верховным органом организации является общее собрание, созываемое не реже одного раза в мес. Созываются общие собрания комитетом по его собственной инициативе или по инициативе двух районов. Общие собрания считаются действительными при 1/2 членов организации. В случае неявки на общ. собран указанного количества членов, через неделю назначается вторичное собрание, которое считается действительными и при 1/3 членов организации. Вопросы на общих собраниях решаются относительным большинством голосов, только на вторичных собраниях для обязательных решений требуется не менее 2/3 голосов.

Общее собрание ведает всеми организационными делами, выбирает К. и устанавливает прочие организационные учреждения, может до истечения срока их полномочия реорганизовать и распускать их и дает им директивы. По желанию 3/4 членов собрания может изменять устав организации в его целом или в определенных частях.

§ 8. Все организационные учреждения должны иметь своих ответственных организаторов, на обязанности которых лежит организация их собраний и заседаний и сообщение об этом по крайней мере за день раньше К. и прочим соответствующим учреждениям и лицам.

Сообщение с К. происходит через его ответственного организатора.

§ 9. Пропагандисты и агитаторы, работающие в организации, собираются не реже одного раза в мес. для обсуждения постановки агитационной и пропагандистской работы на местах и организационных вопросов вообще. На этих собраниях принимаются новые члены в свою среду в качестве пропагандистов и агитаторов 3/4 голосов, под контролем К. В пропаганд. и агит. собраниях участвует представитель К. с решающим голосом. Созываются эти собрания К.

§ 10. Смоленская орган. имеет свою кассу при К., куда поступают членские взносы и все прочие доходы организации и оттуда производятся все организационные расходы.

§ 11. При К. организуется финансовая комиссия. В ФК. могут входить, кроме членов организации, и лица, сочувствующие партии. Прием членов в Ф. К. производится К.

Ф. К. имеет целью доставать средства для организац. путем сборов и устройства предприятий. Действия ФК в каждом отдельном случае должны быть с ведома и согласия К. ФК собирается не реже одного раза в 2 недели. На собраниях ФК присутствует представитель К. с решающим голосом. ФК может посылать представителя в К. с совещательным голосом, если он член организации. ФК имеет своего кассира и организатора.

§ 12. Смоленская организация имеет печать „Смол. орг. РСДРП“.

§ 13. Военный район является автономной единицей при Смоленской организации. Он самостоятелен в постановке работы внутри района, имеет свою кассу, технику, ФК и печать „В. Р. при СОРСДРП“.

Примечание: О сборах и предприятиях в пользу своей кассы ВР должен заявлять К. до момента их осуществления.

Члены ВР считаются членами СО, но членские взносы не обязаны делать в организационную кассу, а только в кассу ВР; также они не обязаны посещать организационные собрания, не касающиеся ВР. Размер членских взносов определяется ВР под контролем К, исключать из района ВР может самостоятельно и только должен заявлять об этом.

ВР управляется своим районным центром, состоящим из всех, работающих в ВР и представит. от К.

ВР посылает своего представителя в К. с решающим голосом. К. может посылать своего представителя в РЦ ВР с совещательным голосом.

ВР выпускает литературу под контролем К. (для контроля ВР дает определенный срок, но не менее 24 часов). ВР обязан давать К полный отчет о своей деятельности. Без принципиального согласия К, ВР не может делать никаких выступлений.

Верховным органом ВР в смысле § 7 устава является общее собрание Смол. орг. ВР сам выбирает делегата на воен. конференции, но без санкции К. не может посылать его с решающим голосом.

Фин. комиссия при ВР организуется РЦ и состоит из: обязательного представителя РЦ, желающих членов организации и лиц, сочувствующих партии Прием членов в ФК производится РЦ под контролем К. Без разрешения РЦ в каждом отдельном случае ФК не может приступать ни к каким сборам и предприятиям.

ФК может посылать представителя в РЦ с совещ. голосом, если он член организации.

К. может посылать представителя в ФК ВР с совещательным голосом.

Прокламации.

I.

Ко всем, имеющим уши, чтобы слушать.

„Осталось на месте 28 убитых, а раненых 50 человек". Пусть не думает читатель, что это сообщается с театра военных действий из Африки, где европейская буржуазия оружием добывает себе рынки для своих товаров; это и не турецкие паши и баши-бузуки расправились с мирным македонским населением... Нет, это наш собственный лгун—паша, Николай II. через своих опричников сообщает о своей победе над златоустовскими рабочими казенного рельсопрокатного завода.

Но может быть эти рабочие подняли знамя восстания против своей родины? Может быть они бросились грабить, убивать мирное население своего города? Нет, они не хотели принять новых расчетных книжек и заявили о прекращении ими работ; вот то преступление, которое привело сначала к аресту „зачинщиков", к издевательствам над рабочими губернатора Богдановича, прокурора суда и жандармского полковника Шатова.

Могли ли рабочие помириться с арестами своих 3 товарищей, когда они все выступили с протестом против новых, невыгодных для них условий найма? Нет, не могли,

потому, что молчать перед совершающимся насилием и издевательством над товарищами значит позорно выдавать их наглой своре опричников Это значит позволить опричникам на трех арестованных вылить злобу за вину всех, ставших на защиту своих прав рабочих, если можно, конечно, назвать виной защиту своих законных прав.

Пусть всякий, в ком не заглохла еще искра гуманности, кто не потерял еще способности возмушаться открытым насилием над беззащитными людьми, насилием совершенным организованной шайкой, называемой русским правительством,—пусть задумается он над судьбой того народа, которым правит эта шайка и решит, можно ли молчать и не бороться с ней всеми силами?

Смоленский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

II.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

О царском манифесте 18-го февраля.

(Напечатана в типографии. Печати Смоленского комитета нет.)

Ввиду поступивших в Комитет от товарищей заявлений о полной непонятности последнего царского манифеста, написанного на тарабарском языке, Московский Комитет Р. С.-Д. Р. П. перевел текст манифеста на обыкновенный русский язык. Вот этот манифест в полном переводе:

„Милостью пушек, пулеметов, ружей и нагаек, мы, Николай последний, убийца и насильник всероссийский, палач польский, клятвопреступник финляндский и прочие и прочие преступления совершивший, об‘являем всем нашим маловерным подданным:

„Ради барышей наших родичей, для пользы богатых банкиров и ради спасения шатающегося престола нашего от разрушительного действия мятежного рабочего движения, затеяли мы бессмысленную войну, которая погубила сотни

тысяч наших подданных. Чтобы горечь и боль от пролитой в Манчжурии крови не вовсе уже растерзали наше любящее сердце, сочли мы за благо расстрелять в Питере, Варшаве, Лодзи, Риге и многих других городах дорогого отечества еще несколько тысяч безоружных поданных и уравновесить бойню внешнюю бойней внутреннею.

„В настоящее время, так как распространение революционного движения на все слои народа грозит вовсе уничтожить нас и присных наших, мы порешили подкупить и подпоить вернейших нам хулиганов, шпионов и полицейских, чтобы они, собравшись вокруг трона, направо и налево раздавали тумаки другим не столь верным нашим подданным и произвели травлею инородцев, смятение в рядах борцов за свободу.

„С этой целью организовали мы побоище в Баку, Казани, Пскове и Курске. Засим в полной уверенности, что скоро придет конец державе нашей, решили мы перед последним часом усилить жандармерию, умножить тюрьмы, воздвигнуть эшафоты и привести в боевую готовность пушки и пулеметы. Манифест от 12-го декабря, содержащий легкомысленную критику нашего управления и мнимые обещания реформ сим отменяется.

„В твердом уповании на воспитательное влияние картечи, шашек, нагаек и тюрьм мы попрежнему пребываем благосклонным к нашим подданным и сулим чиновникам—произвол и казнокрадство, революционерам—виселицы, рабочему классу—свинец, либералам—шиш, хулиганам и шпионам—серебряные монеты и казенную водку.

„Дан 18-го февраля 1905 года, накануне ожидавшегося либералами созыва земского собора, среди тревог и волнений смутного времени, в последние месяцы нашего несчастного царствования.

На самом манифесте за самодержавца по его неграмотности расписался Трепов.

С подлинным верно: Московский Комитет Р. С.-Д. Р. П.

Смоленский Комитет

Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Март 1905 года.

III.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Царизм накануне всенародного восстания.

(Напечатана в типографии. Печати Смол. Ком. нет).

Снова выстрелы, кровь, трупы... Десятки, сотни трупов. Не на манчжурском поле, не от японских пуль,—нет, здесь, в России, наши граждане омывают кровью своей мостовые, трупами своими устилают улицы и площади. Вот, что пишет легальная газета: „С 6-ти час. утра 7-го и до 12-ти 9-го февраля на улицах и площадях Баку творится невиданная и неслыханная бойня: с ног до головы вооруженная татарская чернь напала на беззащитных и безоружных армян и начала беспощадно избивать их без разбора положения, состояния, возраста и пола. Полиция—пишет далее легальная газета—буквально отсутствовала, хотя после обеда кое-где на улицах показались конные патрули и казаки, а к вечеру даже пехотные солдаты, но они были совершенно безучастными зрителями, не пытаясь даже обезоружить озверевших преступников, охотившихся за людьми, как за дикими зверями Тщетно просили беззащитные граждане защиты у губернатора... Всюду получали один и тот же ответ: „нет казаков, нет охраны". Трупы мужчин, женщин, детей, лошадей валялись по улицам и площадям. Власти бездействовали, кровь лилась рекою, и всюду и по всему было заметно преступное попустительство властей.— Бойня продолжалась почти трое суток; число жертв не поддается пока учету, но их не менее тысячи. Армяне не были вооружены, а если и были у кого пистолеты, то имевшие их либо обезоруживались стражей, либо их не пропускали из пригорода в город". (СПБ. Ведомости, № 38).

Что же, что же это такое? Как понять это страшное событие? Почему татары вооружены и пользуются безнаказанностью? Почему ни полиция, ни войска не вмешиваются, чтобы остановить бойню? Почему, напротив, армян даже обезоруживают и не дают им возможности защищаться? Что же это такое творилось в Баку, и кто виновник этих

ужасов, этой крови, этих бесчисленных смертей? Граждане, виновник все тот же. Он известен вам по прежним злодеяниям, это виновник кишиневского погрома, это виновник массовых расстрелов в Петербурге, Варшаве и Риге:—это царское самодержавие. Граждане! Причины все те же: царское самодержавие борется с народом, чтобы отстоять свою жизнь, свою власть над народом. Оно всюду окружено врагами, потому что своими преступлениями оно всюду создало себе врагов. Всюду недовольство, смута, протест, возмущение. Во всех углах страны вспыхивает пламя загорающегося народного восстания. Озверевшее от опасности самодержавие не знает удержу. Народной кровью оно тушит пламя народного восстания. Так было в Баку. Баку город нефтяной промышленности; там собраны громадные массы рабочих, которые уже не первый год ведут борьбу с царским правительством. В декабре в Баку вспыхнула всеобщая стачка, которая как бы послужила сигналом к восстанию 9-го января. И у бакинского губернатора нашлось тогда войско: царские солдаты уложили тогда в Баку несколько десятков убитыми и ранеными. Но это оказалось недостаточным, чтобы убить дух возмущения бакинских пролетариев; они снова поднялись, когда крикнули клич по всей стране петербургские товарищи. Тогда бакинская администрация привела в исполнение свой адский план, который она задумала давно. В Баку, как и вообще на Кавказе, собраны рабочие разных национальностей: армяне, грузины, русские, персы, татары, евреи. Их об‘единяет общий труд и общая неволя; общая борьба с их угнетателями делает их братьями. Вот это то братство всех рабочих и грозит гибелью царскому самодержавию. Царизм старается поэтому сеять между ними вражду и национальную ненависть, и ему это иногда удается. Когда угнетенные русские крестьяне избивают угнетенных евреев, они забывают, что их общий угнетатель—царское правительство; а оно остается при этих побоищах в стороне и радостно потирает руки: гроза, которая должна была бы разразиться над ним, разражается в другом месте. Национальные погромы это лучший громоотвод в руках самодержавия против народного гнева. Армянское население Кавказа все возбуждено против царизма, а армянский пролетариат сплошь революционен;

персы же, татары и турки представляют там наиболее отсталую темную массу. И кавказская полиция неизменно стремилась натравить персов и татар на армян. Вот где корень бакинских событий 7, 8 и 9-го февраля. Вот почему татары оказались вооруженными и при том оружие военного образца; армяне—сплошь обезоруженными.

В тот же день, когда бакинские татары и персы приступили под руководствсм полиции к расстреливанию бакинских армян, в другом южном городе, Феодосии, полиция бросила темные элементы на евреев. 7-го февраля в Феодосии началась стачка. До часу дня она продолжалась мирно. Вдруг, когда рабочие собрались возле управы, раздались крики: „Бей жидов"!

Происходили ужасные сцены, как пишут легальные газеты. Пострадало 50 человек евреев. Из нелегальных газет видно, что погром организован полицией, чтобы разбить стражу. Около этого же времени в Пскове полиция выпустила прокламацию „Бейте, господа, студентов: заступаться за них никто не будет"... И избиения студентов производятся открыто на глазах полиции. В Казани натравленные полицией мясники до того избили забастовавших приказчиков, что несколько приказчиков были увезены по сообщению „Нового времени", с мясной площади в приемный покой... Там же избивают под покровительством полиции студентов.

Еще в декабре прошлого года в Тамбове полиция сделала попытку избиения либеральных земцев, требовавших конституции, наняв и напоив для этой цели половых из трактиров и приказчиков. В Курске производится невероятное избиение гимназистов-детей черной сотней по личной команде полицеймейстера: „Резервы, бей". Отдельные случаи избиения учащихся, инородцев и рабочих темными элементами населения известны в Москве, Петербурге и по всей России. Но к чему нам говорить о других городах. Разве у нас, в Смоленске, пристав 1-ой части Невярович во время стачки не убеждал рабочих типографии Подземского устроить еврейский погром? Разве в ночь на 18-ое февраля не был пойман на Благовещенской улице за руку городовой, распространявший прокламации с призывом бить „евреев и всех пролетариев не щадя их самих, их жен и детей"... Да, так и написано: детей, граждане. Вы думаете, граждане, что

городовой, конечно, уволен и отдан под суд по ст. 269, „за возбуждение одной части населения против другой". Напрасно думаете, а вот тот, кто поймал, едва спасся от ласк полиции.

Такова политика царского правительства. В Баку—татары, в Феодосии—босяки, в Питере—гвардейцы режут рабочих, как мясники. В Казани мясники истязают народ как верные гвардейцы. В Тамбове темные приказчики бьют земцев, в Казани темные мясники бьют сознательных приказчиков. А теперь царь в манифесте 18-го февраля с высоты престола призывает верноподданный народ к решительному истреблению крамольников. И, очевидно, в связи с этим, в ночь с 18 на 19 февраля по всей России (и у нас в Смоленске) были распространены воззвания с призывом бить евреев, рабочих и студентов. Самодержавие борется за свое существование. Дух восстания носится над Россией. На карту поставлена жизнь царского самодержавия и оно хочет дорого ее отдать. Оно свищет по стране разбойничьим посвистом, созывая свою банду, и все гнусное, преступное и темное выползает на этот свист. Остервенелое, с налитыми кровью глазами, самодержавие бросается из стороны в сторону и вонзает свои когти в тело пробудившегося народа; оно не знает ни милосердия, ни пощады; оно губит народ, чтобы жить самому; оно готово превратить страну в пустыню, покрытую гниющими трупами, лишь бы сохранить власть над этой пустыней. Пролетарии, рабочие всех национальностей, против нас прежде всего все силы царской ярости. Мы идем в первых рядах, и на нас падают первые удары. Но мы не остановимся, мы победим, потому что нам нечего терять: в загорающейся на жизнь и на смерть борьбе мы теряем лишь часть своих цепей, самодержавие же—жизнь. Мы не отступим от своих требований. Нам нужна демократическая республика, чтобы жить и бороться; всем подданным нужны равные права, независимо от национальности, вероисповедания, имущественного положения. Каждая нация должна иметь право устраивать свою судьбу по собственной воле. Да здравствует братство свободных народов. Вот наши лозунги, пролетарии. Чтобы нам можно было жить, царизм должен погибнуть. Свалить царизм мы можем одновременным натиском во всех городах и углах России. Пролетарии

всех национальностей, готовьтесь к решительной битве, к всероссийскому восстанию. А вы, русские граждане всех классов и национальностей, ясен ли вам смысл бакинских событий? Достаточно ли красноречива для вас правительственная речь? Она гласит, что пощады и из'ятий не будет, никто не укроется. Царское самодержавие хочет жить—да погибнут евреи. Царизм хочет властвовать—да сгинут поляки. Да сгинут финляндцы и армяне. Смерть рабочим, смерть студентам. Смерть старикам, женщинам и детям, ибо царский деспотизм хочет жить. Пусть гибнет народ, пусть царствует царь. Смотрите, граждане: царизм идет решительным путем кровавых репрессий, народ—решительным путем революции. Решительное столкновение надвигается. Россия стоит накануне всенародного восстания.

Российские граждане! Кровь бакинских армян взывает к вам, вы должны выполнить свой долг. Идите к пролетариату, идите к его партии—Российской Социал-демократической Рабочей Партии и с ней вы двинетесь на последний, решительный штурм разбойничьей твердыни царизма.

Да здравствует демократическая республика!

Да здравствует братство свободных народов!

Смоленский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Март 1905-го года.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Российская Социал-Демократическая рабочая партия.

Что нужно теперь крестьянину?

(Напечатано в типографии. Печати Смол. Комитета, подписи и даты на подлиннике нет).

Что нужно нашему мужику-крестьянину?

Ему нужны прежде всего земля и права.

Теперь над мужиком сидит правительство со сворой чиновников. Все эти чиновники во главе с царем делают, что хотят, секут мужиков розгами, бьют их по морде, сажают в тюрьму, не дают им устраивать союзов, запрещают писать правду в газетах и книгах и говорить эту правду на собраниях и сходах. Эти же чиновники высасывают из мужика

его кровь, накладывая на него разные подати и налоги Теперь мужик должен за все платить: он должен платить и за то, что его отцы работали на барщине у помещиков (выкупные платежи) и за то, что писарь с старшиной помогает чиновникам грабить и обдувать народ (мирские сборы) и за то, что мужик пьет водку, курит табак, покупает железо для сохи, не сидит впотьмах, а жгет керосин и спички (разные акцизы и пошлины) за все должен платить мужик; скоро с него будут драть за то, что он пьет воду и греется на солнце. Большинство бедных мужиков больше половины жизни трудится на царя, министров и чиновников, трудится для того, чтобы уплатить все эти налоги и акцизы. Например, мужицкая семья в Балашевском уезде Саратовской губ. добывает в год 114 р. 35 к., а одних налогов платить в год 58 р. 21 к.

И все это потому, что нет у мужика никаких прав, что все делается не так, как хочет народ, а так, как хочет царь с министрами. Все это потому, что всем в русском государстве распоряжается царь и все это потому, что он все держит сам в своих руках, что значит у нас в России царское самодержавие.

Чтобы мужику жить вольготнее, надо чтобы всеми делами государства заправлял сам народ через своих выборных представителей-депутатов, надо чтобы этих депутатов выбирали все на равных правах, чтобы значит у нас в России было не царское самодержавие, а народное правление

Значит мужику нужны права.

Мужику нужна также кроме прав еще и земля.

Теперь у мужика на круг (в среднем) меньше двух десятин на душу, в Смоленской губ. 4 десятины, и он никак не может добыть со своей земли столько, чтобы прокормить свое семейство да еще уплатить разные налоги. И вот мужик кидается во все стороны, работает за бесценок у помещика, бежит в город и там сбивает плату у своих братьев рабочих, платит страшную аренду на землю. Одной аренды мужики в 45 губерниях уплачивают 315 миллионов руб. в год, около 4 р. 50 к. на душу, и все это идет в помещичьи карманы.

Надо отнять землю от всех богатых, от царя и министров, от помещиков, от монастырей и передать ее народу; крестьянские выборные комитеты должны распорядиться этой землей так, как выгодно народу.

Итак, мужикам нужны земля и права.

Но как смогут мужики получить землю и права?

Не дадут мужику земли и прав попы. Попы сами обдирают народ не хуже любых чиновников. Они тоже стоят за чиновников и за богатых. Сами живут в довольстве, а мужикам заказывают терпеть всякие невзгоды и прижимки на этом свете, да еще стращают их пеклом после смерти. Нет, не от попов получат мужики землю и права.

Не даст мужикам земли и прав и царь. Царь не даст мужикам прав. Дать права мужикам—это для царя все равно, что отказаться от жизни и от власти, так как мужицкой, да рабочей кровью живет царь со своими чиновниками. Прямо из казны царь получает каждый год больше 12 миллионов руб. Сколько же получает вся царская фамилия. Это все равно, как ежели бы у царя было триста тысяч крепостных крестьян, которые бы на него даром работали.

Царь не отнимет земли у богатых, у него самого с его семейством только в 45 губерниях больше 7 миллионов десятин земли, больше чем у 15 миллионов крестьян, царь стоит за богатых и богатые стоят за царя и не от царя мужики получат землю. Мужики хорошо должны помнить, что царь сделал в прошлом году 9 го января. Рабочие в Питере 9-го января попытались было выпросить у царя прав и некоторых полегчений Сунулись к царю с прошением, царским портретом да иконами вместе с попами, так царь приказал за это стрелять в них и рубить шашками.

Не попы, не царь и не богатые дадут мужикам землю, а, наоборот, от царя, от попов и от богатых мужики должны силой вырвать землю и права. Весь народ должен выбрать своих депутатов, представителей. Эти депутаты должны с'ехаться вместе и установить, учредить, значит, новые, лучшие, более справедливые порядки и дать мужикам землю. Собрание этих депутатов называется Учредительным Собранием потому именно, что оно учреждает новые порядки. Итак, только Всенародное Учредительное Собрание даст мужикам землю и волю и потому все мужики должны добиться, чтобы такое Учредительное Собрание было созвано.

Но понятно, ни царь, ни министры не захотят по своей воле созвать Учредительное Собрание—нужно их заставить сделать это, а коли они все-таки будут упираться, так народ

должен совсем уничтожить власть правительства и захватить власть в свои руки. Мужики, значит, должны бороться с царским правительством.

Каким же образом? А так: прежде всего мужики не должны платить никаких податей и налогов. Так как главный доход у правительства от водки, то мужики должны закрывать винные лавки или же постановлять приговоры не пить казенной водки под угрозой штрафа в общую крестьянскую казну. Так как главная сила правительства—это солдаты, то мужики не должны поставлять рекрутов (новобранцев), должны уговаривать своих родных солдат вернуться домой и во всяком случае не стрелять в народ. Забастовка на налоги и на водку и забастовка на солдат—вот как прежде всего могут и должны бороться мужики с царем и чиновниками. Потом мужики должны совершенно не признавать всяких там земских начальников и прочих чиновников. Для управления своими делами и для распоряжения землей они должны поставлять собственных выборных, поставлять собственные выборные комитеты и, наконец, все мужики должны вооружаться, кто чем может, чтобы итти на защиту своих прав, чтобы добыть себе землю.

Самое главное в этой борьбе, чтобы мужики дружно стояли друг за друга, чтобы они все об'единились. Мужики не только должны об'единяться между собою в союз, но еще должны присоединяться к рабочим, к их великой рабочей партии. Рабочие уже давно поняли, что надо бороться с царским правительством, уже давно они начали борьбу с этим правительством. Много крови пролилось, много рабочих умерло от тюрем, штыков, нагаек и пуль в этой геройской борьбе. Но за то уже многого рабочие добились. И все это потому, что рабочие дружно стояли и стоят вместе, все это потому, что у них есть великий союз, великая партия, которая называется Российской Социал-Демократической Рабочей Партией. Ежели же к рабочим пристанут еще мужики, тогда не будет такой силы, которая могла бы устоять против них. Только главное,—все за одного, один за всех.

Итак, мужикам нужны земля и права.

Землю и права мужики получат не от царя, не от попов и не от богатых, а только от самих себя, только от своей дружной борьбы.

Для этой борьбы мужики должны соединяться в союз и выбирать свои комитеты.

Эти комитеты должны итти вместе с рабочими и с их Российской Социал-Демократической Рабочей Партией.

Вместе с рабочими мужики должны бороться за Всенародное Учредительное Собрание.

Учредительное Собрание—это собрание выборных от всего народа; оно должно установить все новые порядки.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Солдатская памятка.

Смоленский Комитет Социал-Демократической Рабочей Партии.
Апрель 1905 года.

(Напечатана в форме брошюры в типографии. Печати и подписи Смол. Комитета на подлиннике нет).

Солдат, помни, что ты на смерть идешь.

Не увидать тебе больше ни отца, ни матери, ни жены, ни детей. Забудь их, солдат, не вспоминай.

Забудь своих братьев и сестер. Забудь родных и товарищей. Они с голоду умирать будут, они в рубище ходить будут. Забудь, солдат. Помни, ты на смерть идешь.

Забудь поля родные и двор и дом. Не увидеть тебе их больше. Умрешь в Манчжурских трясинах, китайцы тебя лопатами кое-как загребут в общей куче и даже имени твоего не будет помянуто; а будет сказано: убито в сражении столько-то. Как на скотобойне: столько-то быков, столько-то баранов.

Ибо ты—солдат. Помни, ты идешь на службу царскую.

Вырви грусть из груди своей; вырви жалость. Все дорогое выбрось из памяти. Любил ты кого? Забудь,—твоя милая другого полюбит, твою милую другие любить будут. Не веришь? Постой, коли бедна она, любовь ее за деньги купят.

Забудь солдат. Ты на войну идешь.

Помещики, фабриканты, купцы, все, у кого богатство есть и связи, те дома останутся. Они и над сестрами

твоими надругаются. Им жизнь всласть. А ты иди—тебе умереть надо.

Иди, солдат, и не оглядывайся.

Не оглядывайся назад. Дома страх и ужас, дома горе безысходное, дома стыд и посрамление.

Ты может быть в жизни своей о чем нибудь старался. Добивался чего нибудь. Думал трудами рук своих устроить мирный уголок, хозяйство, кров для семьи. Брось, не думай об этом, пропало все. Ничего не будет больше, все разрушено, все труды твои даром сгинут. Ты на войну идешь. Вернешься калекой или больным, если вернешься—да и когда вернешься. Не думай, не вспоминай, из сердца своего с корнем вырви память о прошлых днях.

Сердца добрые порывы и жизни радость, к счастью трепетное стремленье, и любовь, всю душу свою уничтожь, не нужна она. Царю только тело твое нужно: нужны твои руки, чтобы убивать японцев, нужна твоя грудь, чтобы подставлять ее под вражеские руки.

Солдат, помни, что ты идешь убивать своего ближнего.

Японец человек, как ты.

Был человек, а стал солдатом—как ты. Дали ему в руки ружье и погнали на войну—как тебя.

У него дома жена, дети, родители, родные нужду терпят и слезы льют—как и у тебя.

Он поневоле на войну идет как и ты.

Встретились вы в чужой стороне и набросились друг на друга, как дикие звери. Никакого вы зла друг другу не сделали, жили каждый в своей стране мирным трудом,—а встретитесь, станете осыпать друг друга гранатами и пулями. Помни, так начальство велит.

Тебе заповедь Христова говорит: „не убий“. Забудь, начальство тебе велит убивать.

Тебе заповедь Христова говорит: „чти отца и мать“. Забудь, на службе царской, если начальство прикажет, ты должен стрелять и в отца и в мать.

Ведут тебя на японского крестьянина, ведут тебя и на собственного брата мужика и рабочего. Ведут усмирять народ. Когда ты ружье подымешь к прицелу, помни—в твоей деревне или в твоем родном городе такой-же, как и ты, солдат в это время быть-может ружье подымает на твоего

родного отца и брата. Если все же рука твоя не дрогнет— стреляй. Это значит, что потерял ты и память и совесть и стал безчувственным, как штык холодный, обмытый кровью.

Стреляй солдат. Отцу и брату стреляй в глаза, матери и сестрам в сердце. Чтобы не видели глаза отцовские, на кого ты руку подымаешь. Чтобы не болело сердце материнское о том, до чего пришлось дожить.

Убивай солдат. Подымай на штык жен беззащитных и детей. Такая воля царская.

Солдат помни: в Воскресенье 9-го января сего 1905 г. шел русский народ к царю. Он шел к нему с надеждой и преданностью, как дитя к своему отцу. Шли сотни тысяч, рабочих, а с ними жены их и дети. Впереди шел священник с крестом.

Народ хотел поведать царю свое горе. Он нес к царю также и твое горе, солдат. Горе всех трудящихся и обездоленных людей.

А в ответ на это, по повелению царя, в беззащитную толпу грянули пушечные залпы... Вот как православный царь говорит с народом.

Вот он, победоносный русский царь; он победы одерживает над женщинами и детьми.

Вот он, царь народолюбец—он залил кровью своего народа улицы своей столицы и наполнил рабочие кварталы вдовами и сиротами.

Стон и плачь идут по всей Русской земле. Солдат, ты слышишь ли? то плачут жертвы царской расправы, то стонет народ под рабским ярмом. В госпиталях лежат окровавленные тела—не враг их изранил, а рабочие руки солдат.

Вдумайся, солдат. Кто твой враг и где он.

Ты сын народа. Мирный труженик—твой друг. Или царские барабаны отбили тебе слух и память, и ты не знаешь больше, откуда ты родом? Когда кончится служба, ты вернешься домой, то все же вернешься к рабочему люду. Твои родные, твои старые или новые товарищи тебя спросят: „Когда в нас целили солдатские ружья, ты где был?“. Тебе скажут: „Не ты ли тот, который убил моего брата“? И если ты слушался царской команды и убивал народ, то матери на тебя будут указывать своим детям и говорить: „Смотрите, вот тот, который вас сделал сиротами. Вот эта

рука всадила штык в грудь вашего отца"... А если этого тебе люди не скажут, то скажет тебе твоя совесть. Ты увидишь собственными глазами несчастных жертв царской расправы, увидишь нищих—детей и калек, и ты вспомнишь, как ты стрелял в народ и работал штыком.

Ты—сын народа. Поэтому, когда ты вернешься к народу, то в тебя самого будут стрелять солдатские ружья.

Не народ твой враг, твой враг тот, кто тебя заставляет стрелять в народ.

Враги народа—твои враги.

Не иди против народа, а иди с народом против его и твоих врагов.

Солдаты, великое дело затеял русский народ и зовет вас к себе. Народ подымается в городах и во всей стране, чтобы завоевать России свободу и политические права. Надо прежде всего свергнуть царя и назначить народное правительство. Солдаты, если вы пристанете к народу, то это дело будет сделано. Если вы за народ, то никто не может пойти против народа.

Солдаты, наберитесь мужества. Не дайте себе туманить головы, отказывайтесь стрелять в народ.

Если офицера будут стрелять в народ—стреляйте в офицеров. Переходите на сторону народа, становитесь в его ряды и с ним за одно идите к другим полкам звать их на общее дело с народом.

Солдат, помни, перед тобою одно из двух: либо стать убийцей, народным палачом и остаться прямым рабом, быть может умереть за царя, на войне, либо завоевать себе и всему русскому народу свободу и права. Другого выбора нет.

Оглавление.

Прокламации.

Цена 60 коп.

